

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ
И КУЛЬТУРЫ

v

ПРАГА
1926

5-ый год издания.

5-ый год издания.

Открыта подписка на 1926 год
на ежемесячный журнал политики и культуры

„ВОЛЯ РОССИИ“

под редакцией **В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и В. В. Сухомлина.**

В каждом номере „Воли России“: Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западно-европейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отклики. Обзоры новых книг и журналов. Библиография.

За 1925 год в журнале были помещены произведения следующих русских авторов: Аноним (Россия), Б. Аратов, В. Архангельский, К. Бальмонт (Париж), Н. Безпалов, П. Булатов, Д. Вяткин (Россия), С. Верещак, Н. Воронович (Варшава), В. Гуревич, Е. Зноско-Боровский (Париж), проф. А. Герш (Женева), Д. Ивицкая (Россия), Э. Кочеткова (Брюссель), А. Коршунов (София), П. Климушкин, К. Кочаровский, И. Каллиников, Е. Лазарев, Л. Леонов (Россия), Вл. Лебедев, проф. И. И. Лапшин, Б. де Линель (Россия), Д. Лутохин, Ф. Мансветов, Н. Мельникова-Папоушек, П. Милославский, Е. Недзельский, И. Нечитайлов (Загреб), С. Новиков (Белград), Б. Нерадов (Россия), П. Орлушин, С. Постников, А. Пешехонов, А. Ремизов (Париж), Ф. Репейников, С. Раппопорт (Лондон), Н. Русанов (Ницца), Л. Россель, Н. Рубакин (Лозанна), М. Слоним, Е. Сталинский, В. Сухомлин, В. Тукалевский, Г. Фальчиков, Г. Шрейдер, М. Цветаева, А. Цаликов, В. Чернов, Ю. Данилов (Париж), проф. Н. Ульянов (Лозанна).

Кроме того, были помещены следующие специально для „Воли России“ написанные статьи иностранных авторов: Рудольф Брейтшейд (Германия), Ван-Чу-Ху (Китай), Шарль Вильдрак (Франция), Тадеуш Голувко (Польша), Гануш Елинек (Чехословакия), Бласко Ибаньес (Испания), Рихард Линстром (Швеция), Альсинг Андерсен (Дания), Рамзей Макдональд (Англия), Александр Олар (Франция), Сант-Яго (Испания), Коста Тодоров (Болгария), Альберт Тома (Швейцария), Сентаржидкий (Финляндия), Генрих Штребель (Германия), Джiovанни Зиборди (Италия), С. Хондокорян (Армения), С. Яннис (Греция).

Произведения следующих иностранных авторов были помещены в переводе с их согласия или согласия издателей: Г. Апполинар (Франция), В. Вавчура (Чехословакия), Э. Бенеш (Чехословакия), Ю. Волькер (Чехословакия), О. Бржезина (Чехословакия), Т. Масарик (Чехословакия), М. Пруст (Франция), Я. Папоушек (Чехословакия), М. Эбергард (Франция).

Цена отдельного номера: в Чехославании — 15 кр., Югославии — 30 дин. Болгарии — 40 лева, Франции, Бельгии, Турции — 12½ фр., Англии — 2 шилл. Америке — 80 цент. Германии — 2 мк., Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Австрии — 15 ч. кр.

Адрес редакции и конторы

„Volja Rossii“, Uhelný trh., Praha I. Tchecoslovaqule.

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

под редакцией

В. И. ЛЕБЕДЕВА, М. Л. СЛОНИМА,

Е. А. СТАЛИНСКОГО И В. В. СУХОМЛИНА

5-ый ГОД ИЗДАНИЯ

V

ПРАГА

ПРАГА, UHELNÝ TRH ČÍS 1

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Эдуард Эррио</i> : Нож за сорок су	3
<i>Марина Цветаева</i> : Сивилла	29
<i>Алексей Ремизов</i> : Про любовь	37
<i>Д. Святополк-Мирский</i> : Есенин	75
<i>Эдуард Бенеш</i> : Проблема славянской политики	81
<i>Рудольф Брейтшейд</i> : Россия и Европа	94
<i>К. Кочаровский</i> : Социальный строй России	100
<i>Вл. Лебедев</i> : Жгучий вопрос эмиграции	121
<i>В защиту русского труда за границей</i> (Меморандум Партии Социалистов-Революционеров международному конгрессу о миграциях)	129
<i>Е. Сталинский</i> : Исторический конфликт (Английская забастовка)	142
Иностранная жизнь:	
<i>Пьер Ренodel</i> : Политическое положение Франции и социалистический Конгресс	161
<i>М. Мартна</i> : Политические партии в Эстонии	165
Среди книг и журналов:	
<i>В. Архангельский</i> : Современная деревня в художественной литературе	172
<i>Н. Мельникова-Папоушек</i> : О «Благонамеренном»	194
<i>Н. Рубакин</i> : Из области книжного дела	187
Отзывы о книгах:	
<i>Н. М. П-к.</i> : В. Сирин: Машенька. З. Ю. Арбатов: Путь скорби	196
<i>Д. Лутохин</i> : С. Л. Толстой. Федор Толстой	198

Нож за сорок су.

Марат добивается и литературной славы. Он пишет без усталости. За «Другом Народа» следует целая серия памфлетов: «Крышка нам», «Нас усыпляют — надо быть на чеку», «Прекрасный сон», «Жуткое пробуждение». Передо мною изданный в 1784-ом году у Дидо экземпляр «Основные положения оптики». Работа перегруженная примечаниями и приложениями. Чрезвычайно интересна его книга о Монтескье, причем следует отметить и сдержанный тон ее: Марат ставит автору «Духа законов» в заслугу то, что он «отстаивает взгляды, обеспечивающие обществу мир и порядок».

В 1848-ом году библиофил Жакоб напечатал его роман «Роман сердца», изобилующий, впрочем, забавными опечатками насчет географического положения Польши. Рукопись приобретена была Эмэ Мартэном у сестры Марата, Альбертины, которая до конца своей жизни, не переставала скорбеть о брате, память о котором наполняла все ее существование. Эмэ Мартэн утверждал, что было два Марата: — поставщик гильотины и мирный почитатель Руссо, сильный и яркий писатель. Того же мнения и Нодье. «Приключения молодого графа Понятовского, многими штрихами напоминают «Новую Элоизу» и «Любовь рыцаря Фоблаза»^{*}). И может быть есть доля правды в утверждениях критиков-романтиков, доказывавших, что главной причиной ненависти Марата к жирондистам была зависть литературным успехам Лувэ.

И в «Друге народа», и в «Приключениях графа Поня-

^{*}) Эмэ Мартэн, и особо Нодье, авторы значительных и ценных научных трудов и художественных произведений, ценители признанной во Франции авторитетности. *Прим. переводчика.*

товского» — мы видим одного и того же героя. Руссо вдохновляет Марата-политика, как и Марата-беллетриста. Жуткий учитель, если выполнять буквально все его заветы!... Романист, подающийся чарам сладостного дуновения ветерка, тот же врач лейб-гвардейского полка, все свои помыслы отдающий обойденным и неисцелимым; в его патетических статьях и политических памфлетах исходит он неизменно из нравственной доблести, и между фанатизмом его и человеколюбием никакого противоречия нет. Напротив. Вопреки распространенным легендам о распущенности Марата, он был, по видимому, в любви застенчив и даже целомудрен. Под образ Люсиль, героини его романа, могла бы отчасти подойти и Шарлотта Кордэ. Если бы не перегруженность цитатами древних авторов, мифологией, лирами и лютнями, пастушками и гондольерами, если бы в иных описаниях не сказывалось рабское подражание Руссо, польский роман Марата был бы не наивнее, и не забавнее многих других литературных упражнений той эпохи, в которых на мнимом историческом фоне развивается сомнительного правдоподобия любовная интрига. Мысли, волновавшие Марата четко выступают, как в его политических рассуждениях о способах создания справедливого государственного строя, так и в статьях о праве народа на восстание против угнетателей. Роман «Приключения графа Понятовского», если внимательно прочесть его, вполне созвучен другим его произведениям. Ходульный пафос его героев звучит и в его революционных памфлетах. Но описания битв с русскими и сражение с «Воеводой Мазовии» — надо, конечно, отнести к области нелепейшего вымысла. Вспыхнула революция. Марата, — и писателя, и человека действия, — она захватила целиком. Он бросается в нее с головой, отдается ей всеми своими помыслами, всей своей страстью. С мирной научной работой покончено. И лишь разразилась гроза, Марат уселся лицом к ветру, и с явным для всех удовольствием. Проследим дальнейший его путь...

В 1789-ом году он печатает «Дар отечеству», или «Обращение к третьему сословию». Это изложение философских систем XVIII-го века, которые в спайке с политикой должны по-

*) Роман жирондиста Луве де Кувре. *Прим. перев.*

служить фундаментом для современного общественного здания. Верховная мощь в нации, которая и должна выделять законную власть. Монархи должны только следить за выполнением законов, которые они и сами должны блюсти, правление их должно быть основано на безусловной справедливости, и справедливость обязательна в отношении последнего из подданных. Статья эта, несомненно, проникнута искренней любовью к угнетенной родине. Марат на королевскую власть еще пока прямо не нападает. Он находит сильные и страстные слова, когда говорит об обездоленных, негодует на мнимых апостолов мира, сеющих раздор и распри; он сдержан, когда говорит о королях, но беспощадно осуждает роскошь, причину народных бедствий, и всем пылом своей души взывает к третьему сословию. В нем одном, видит он существеннейшую опору и подлинное достояние нации. Оно одно может спасти Францию, если сумеет постоять за себя, если путем решительного отказа платить какие-бы то ни было налоги, добьется утверждения своих прав. Он предлагает третьему сословию целую программу политическую, общественную, заключающую, как реформы в области жизненного уклада, так и реформы в области духовной жизни. Третье сословие, в его представлении, огромный класс, в который входят мастеровые, рабочие, земледельцы, купцы, врачи, учителя, писатели, ученые, кончая чиновниками и духовенством. В этом манифесте высказывает он свое негодование против роскоши и разврата, против скаредности и себялюбия. Генеральные штаты должны собираться, не считаясь с разрешением или запрещением правительства, только в силу своего права на самоуправление. Дело народа будет проиграно, если нация, представленная своими депутатами, не сумеет первым делом утвердить свое верховенство, и отстоять свою безусловную независимость от чьей-либо власти. И Марат излагает основные положения, на которых должна впредь строиться во Франции государственность: безусловная свобода, учреждение постоянного верховного комитета, свобода печати, пересмотр уголовных законов, судебные реформы, гласность следствия, обязательные для всех налоги, начиная от престолонаследника и кончая пастухом, упразднение каторги, и свобода охоты. Марат резко клеймит произвол, в силу которого крестьянин, не доедая и не досыпая

должен и по ночам оберегать свои поля, от зверья, годного только на утеху владетельных охотников.

«Нет, вопит Марат, мы не свергнуть трон хотим, а только напомнить правительству его истинную задачу, и исправить коренные его недочеты. Но если правительство, пренебрегая требованиями справедливости и предусмотрительности, откажется утвердить эти основные законы, тогда ничего не остается, как действенный протест, то есть, отказ от платежа налогов. Даже, если бы это могло повлечь за собою гражданскую войну». Манифест напечатан. В том же году, в своем «Дополнении к обращению к родине» — Марат обрушивается на нерешительных и робких, «терпеливо вззирающих на народные бедствия, от которых они сами не страдают», на безразличных и вялых, которых называют «людьми благоразумными».

«Как следовать их достойному примеру людям, у которых желудок есть просит?»

В августе 1789-го года он представил генеральным штатам докладную записку, о «Язвах английской конституции», «подводные камни, которых должно избегать при созидании нового строя». Он пытается обуздать англomанию совещательного комитета, и приводит главные положения своей книги «Цепи рабства». Суть этой докладной записки в том, что необходимо урезать привилегии престола и расширить верховные права народа.

Как бы о Марате не судить, должно, однако, признать, что Революция не застигла его врасплох, как многих других. Его подход к ней свидетельствует о внутреннем опыте, о долгих размышлениях, о подготовленности, какой очень немногие члены Учредительного собрания могли похвастаться. Есть люди двоякого духовного склада; одни отражают собою современные им события, и внутренне приспособляются к ним, другие — властно освещающие внешний мир своей личностью, кующие события, а не покорно идущие за ними. Несомненно, Марат принадлежит ко второму разряду людей. Он следует своим внутренним директивам — хороши они или плохи, это вопрос другой, и чутко и напряженно следя за развивающимися событиями, он, однако, в тоже время, противопоставляет им свою личную волю, властно диктующую ему линию поведения. И, конечно, нет ничего ужаснее этих непреклонных в своем ло-

гическом мышлении людей, вооруженных к тому же серьезными знаниями...

В 1790-ом году в издательстве Рошетта выходит его «Проект уголовного законодательства». В предисловии Марат говорит, что отнюдь не намерен посягать ни на правосудие, ни на свободу; в его задачу входит только согласование человечности с законностью карания, и собственной безопасностью.

Марат утверждает, что Иосиф II-ой ввел в законодательство своей страны многие из изложенных в этой записке реформ, главным образом касающиеся законов об осквернителях святых и цареубийцах. Автор в новом издании только дополнил свою книгу. В этом издании Марат останавливается на много раз высказанной им уже раньше мысли о необходимости узаконить охрану прав обойденных, обездоленных. Он неизмеримо далек еще, как будто, от анархизма. В основу государственности он ставит только закон. Он вносит вместе с тем в проект нового законодательства свое определение права собственности: он сурово урезывает это право. «Все необходимое для нашего существования должно нам принадлежать, и ничто лишнее не может быть в нашем распоряжении в то время, как другие нуждаются в самом необходимом». Исходя из этого положения, он готов даже оправдать кражу, совершенную человеком, вынужденным так или иначе добывать средства к пропитанию. Он находит в себе отвагу на такие слова: «Кто ворует затем лишь, чтобы существовать, и оттого, что лишен возможности заработать свой хлеб, только пользуется данным ему правом на жизнь».

В этих строках сказывается уже подлинный Марат, тот, на которого ссылаются русские большевики. Речи, вкладываемые им в уста бедного вора, его пояснение к ним, выводы из этих речей, касающиеся военной повинности, — являют собою образец предельной в революционной литературе смелости. Будем, однако, справедливы или попытаемся быть справедливыми. Унизить противника одним поношением не трудно, но достаточный ли это прием...

Судя по этим страстно написанным страницам об «Уголовном Законодательстве», Марат как будто вполне отдавал себе отчет, каким опасностям такие теории подвергают промышленность, торговлю, культуру, государственную казну. В своем

исповедании веры, напечатанном им в марте 1793-го года, Марат решительно высказывается против аграрного закона, который, по его мнению, «грозит разрушением гражданскому обществу», — как высказывается и против крайностей в толковании безусловного равенства. Вывод отсюда тот, что надо упразднить нищенство, дать неимущим безработным ремесла в руки и учреждать общественные мастерские, что надо урезывать церковные угодия и всякие доходы, неоправдываемые отвечающими им обязанностями, и надо не только давать работу неимущему, но и обучать его в даровых школах...

Правосудие по Марату должно быть не подвластно прихоти индивидуального суждения, а законам, только законам воспитательным, а не одним лишь карательным. «В настоящее время — пищет он, — правосудие вооруженное лишь мечем, только и дело делает, что грозит: оно удерживает руку злоумышленника, ни капли внимания не уделяя его душе». Суровые меры должны применяться в исключительно редких случаях, и тогда уже одинаково ко всем, но пока государство само не построено будет на основах безусловного равенства, — в применении таковых кар необходимо учитывать все обстоятельства данного дела. Из двух девушек сбившихся с пути, та, с которой скверно обращались бессердечные родители, заслуживает менее суровое наказание, чем девушка, жившая под крылом заботливой матери. С другой стороны, если безумцы не отвечают перед законом за свои поступки, то ни один человек, нарушивший закон, не может оправдываться слабоумием. Марат не допускает также и мысли о том, что разница в имущественном положении могла играть роль в присуждении кар. Мечта Марата как будто создание справедливого общественного строя, при котором закон мог бы одинаково и точно применяться ко всем членам общества. Право помилования тоже предоставляется ему нарушением закона. В безупречном государственном строе такой привилегии не должно быть места, также как и не должно быть в нем места праву убежища. Он оспаривает целесообразность всяких произвольных исключений: убийство монарха преступление, но не государственное. И не правы историки, — ссылающиеся на искаженные цитаты из статей Марата, и утверждающие, что Марат оправдывал дезертирство. Дезертирство, или как он выражался, — *defection*.

отпадение, измена представляется ему «гнусностью в стране, где армия состоит из свободных граждан, и так как это не что иное, как измена общему делу родины, то преступник должен быть навсегда лишен права гражданства». — Определеннее высказаться вряд-ли можно...

Еще менее снисходителен был он к саботажу. Вот как он говорит о поджоге судов, складов, arsenалов, архивов, верфей, и общественных зданий: «гнуснейшие преступления, заслуживающие предельной меры наказания», — Марат жесток, когда идет речь об интересах родины.

Вся четвертая часть его труда посвящена преступлениям против права собственности.

«В деторождении — говорит на одной странице — сила страны», и он настаивает на равенстве перед законом мужчины и женщины. «Винником распущенности в обществе всегда является мужчина, соблазнитель он, а соблазненная всегда — женщина, и оттого, он, виновнее, конечно, своей жертвы». — В последних главах своей книги, после тщательного разбора преступлений против чести и общественного порядка, Марат во имя свободы мысли протестует против карания атеистов, если только они не уличены в сектантской деятельности.

Этих строк, не исчерпывающих содержания его книги об «уголовном законодательстве», — достаточно для освещения взглядов Марата — на важнейшие политические и общественные задачи. И ознакомившись с ними, нельзя как будто спорить против характеристики данной Марату в 1791-ом году: *патриот-демократ, мечтающий об обществе, созданном на началах одинаковой для всех справедливости, и под контролем равного для всех закона.*

МАРАТ — ДЕЯТЕЛЬ.

III.

Но все это пока лишь теоретические рассуждения, и в них еще не весь Марат. Такого человека, взявшего на себя такую ответственность перед историей, должно судить по его поступкам. И для того, чтобы уверенно судить о них, следовало бы идти за ним неотступно, шаг за шагом, в течение долгих дней его участия в революционной драме. Такой сложной задачи, я

не ставил себе. Я старался только по мере сил правдиво осветить его жизненный путь, с тем, чтобы в критическом свете существеннейших и характернейших его поступков выступил подлинный облик этого человека.

Биографы Марата, как например, Альфред Бужар, — внимательно изучали его жизненный путь, начиная с 14-го июля. Бужар с особой тщательностью следит за ним с 8-го сентября 1789-го года, когда вышел первый номер его, скоро приобретшей громкую известность, газеты, которая вплоть до 14-го июля, дня его смерти, освещала ежедневные события. Марат ставил себе задачей борьбу с врагами Франции, беспощадное обличение мошенников, изменников и лицемеров. Такую программу обычно объявляют многие газеты. И с такой программой выступают на политическую арену.

Многие политические деятели. — «Как бы ни сурово было мое перо — пишет Марат — оно страшно только для неисправимого порока, и даже в отношении убийц оно прежде всего будет чтить истину. Если оно на миг один уклонится от истины и попрепит против безвинного, то да понесет дерзнувший на это заслуженную кару — он под властью закона». — Уже с шестого номера листок Марата называется «Другом народа». — Марат взваливает на себя всю ответственность, самую тяжелую работу, весь риск, с которым связана эта деятельность. Хотя очень много места в газете уделяется отчетам собраний, прежде всего это, однако, газета политической борьбы и полемики. Работать приходится ему свыше сил. Надо не только писать статьи, но и находить возможности и средства печатания их. Одновременно Марат издает брошюры, летучки. Этот неутомимый борец не сходит ни на мгновение с боевой наступательной позиции. Дабы располагать большей свободой, и в интересах более успешной борьбы с противниками и полицией, он, как позднее Балзак, сам печатает свои произведения.

Все события Революции отражены на этих то белых или серых, то голубоватых или желтых страницах. Зарабатывает он гроши, живет бедно, почти нищенски, полиция неустанно и зорко следит за ним, неоднократно осаждаёт его типографию, как крепость, и после каждой тревоги, после каждого обыска, Марат вновь упорно принимается за работу, с того места, на

котором прервал ее. Ему приходится и скрываться, летать в Лондон, но и вдали он также опасен и непреклонен, как вблизи. На него возводят обвинения в продажности, но никто не может привести подтверждающих обвинения улики. Марат горд, заносчив, да, но в тоже время отважен, смел, и не останавливается и перед резкими обличениями людей, с которыми связывают его личные деловые интересы. «Глаз народа» — как он называет себя — (неужели отсюда выражение «Глаз Москвы?») — с иступленной настойчивостью выполняет задачу неусыпной бдительности, которую он поставил себе. Поколебать раз принятое им решение в том или ином вопросе — совершенно невысказано.

В феврале 1791-ом году противники его доносят на него, как на подозрительного патриота: он не принес гражданской присяги. Ему настойчиво предлагают выполнить обязательный для всех долг. Он отказывается выполнить его. Он может блюсти верность только науке и справедливым законам. К королю, полагает он, должен он относиться только почтительно, так как считает его государственным чиновником. И он сочиняет для себя особую присягу, в силу которой считает себя обязанным чтить декреты Народного собрания, поскольку они отвечают декларации прав человека. В этой присяге весь Марат: «Клянусь на алтаре истины в том, что справедливость и свобода всегда будут, как и были до сих пор, любимейшими моими богинями. Клянусь чтить родину, как родную мать, любить ее сыновней любовью, служить ей всеми силами физическими, и духовными, защищать ее до последней капли крови, и в случае надобности отдать за нее жизнь. Клянусь относиться к королю так, как будут подсказывать мне разум и чувство человечности: клянусь, что буду жалеть его, как всякого другого слабовольного человека, когда узнаю, что он находится под тягостным и дурным влиянием жены, родственников, фаворитов или прихвостней, и чтить его как честного человека, когда он проявит твердую решимость в исполнении своих обязанностей. Клянусь, что буду обличать перед народом каждого государственного чиновника, нерадивого, ненадежного или недобросовестного... Клянусь, что буду изобличать всякое посягательство на общественное благо, требовать применения высочайшей мере наказания к таким злоумышленникам, хотя бы это были дорогие

мне родственники, или лучшие мои друзья. Клянусь в том, что никогда не пожертвую правами народа ради носителей власти, и скорее умру с голоду, чем предам народные интересы. Клянусь, что буду неуклонно идти к достойнейшей моей цели: укоренять в народе сознание его прав, внушать ему отвагу достижения их, и распалять в нем эту отвагу изо дня в день, и до тех пор, пока он не завоюет этих прав».

Уж в чем, в чем, а в стильности этим строкам отказать нельзя...

Это программа «Друга народа», изложенная в № 374-ом, в феврале 1791-го года. Оружие Марата — хлыст. Ни одно правительство, самое даже либеральное, самое революционное, не может мириться с таким беспощадным и свирепым контролем. Pamфлетист такого рода, человек такой решимости сам обрекает себя на смерть. Час его неминуемой смерти решают уже обстоятельства и случай.

Неутомимо, целыми часами не отрывая своих серых глаз от оберточной бумаги, на которой он строчит свои статьи, Марат упорно и страстно выполняет намеченную задачу.

Кровавая драма на Марсовом Поле, разыгравшаяся 17-го июля 1791-го года, по утверждению новейших историков провела первую между конституционалистами и республиканцами с демократами. Национальное Собрание посвящает одно заседание за другим судьбе Людовика XVI-го. Конституционалисты, как Барнав, полагают, что революция, завершив свой путь, должна вылиться в конституцию, обеспечивающую национальное единство — неприкосновенностью короля. В народных же кругах, напротив, мысль о свержении с престола успела пустить уже глубокие корни. Надо ли удержать Революцию на достигнутой ею в данный момент точке, или дать ей дойти до предельной зрелости? Члены клуба Кордельеры составили знаменитую петицию, которая должна была быть возложена на алтарь отечества и подписана гражданами. Робеспьер занял позицию осторожности. Он предлагает не предавать гласности этот документ. Дантон с Демуленом отправился к своему тестю в Фонтене о Роз. 17-го подписавшие петицию расстреляны на Марсовом Поле. Дантон скрывается у своей матери в Об, затем тайно уезжает в Англию. Конституционалисты открывают кампанию против газет левого толка.

Марат непреклонно стоит на своем посту, к которому приковал себя железными цепями. В №№ 523 и 524-ых «Друга народа» — описано ужасное избиение конными жандармами, и под тыловым прикрытием стрелков, — «избиение мирных граждан, женщин и детей!» — И как описано! Марат не заступает за жертвы. Он вызывает на бой. Вот он, — уже в огне действия, — странная смесь отваги, патриотизма, и площадного цинизма. «Позорные законодатели, гнусные убийцы кровожадные, корыстолюбивые чудовища, привилегированные разбойники, ведущие с монархом торг о нашем имуществе, наших правах, нашей свободе, нашей жизни, вы рассчитывали поразить ужасом писателей-патриотов, и запугать их страшным зрелищем мук. С гордостью, заявляю, что вам не сокрушить их. Что касается «Друга Народа», то вы знаете давно, что все ваши декреты, посягавшие на декларацию прав, для него ничто иное, как бумажный сор... О, родина моя! Услышь мой стон скорби и отчаяния». Марат перед новой угрозой судебного преследования. Он распространяет свою газету при содействии молочниц из Венсена и Сен Мандэ.

Но, защищая народ, не избравший его своим защитником, он, вместе с тем, громит его, также, как и его представителей. Когда открывается «Законодательное собрание», Марат, травмированный и разочарованный первыми шагами нового Собрания, уезжает на время в Лондон, где пишет одну из своих больших работ, в которых с увлечением излагает свои теории. Этот раз он пишет «Школу гражданина». В апреле 1792-го года он по приглашению клуба Кордельеров возвращается во Францию. После решительного выступления бриссотинцев, патриотическое одушевление охватило всю Францию, измученную, истерзанную внутренними распрями, разоренную грабителями, обнищавшую, запуганную вставшим перед нею призраком голода, но окрыленную жаждой борьбы и отпора.

В министерство, создавшееся 23-го марта, входит министр внутренних дел Ролан, иностранных дел — внешне суровый, скрытый, искусный вояка, — Дюмурье. Своей тактикой он сумел победить и короля и министерство, и когда на очереди встал вопрос о войне, — Собрание почти единодушно подало голоса за войну.

Война между революционной Европой и монархической

Европой встала роковой неизбежностью. Император Иосиф II-ой требует восстановления эльзасских принцев в их феодальных правах и упразднения нового международного Кодекса, основанного на праве народов. Королева, обращаясь к этому врагу революционной Франции, отлично понимала, что если Дюмурье готовится к наступательным действиям, то лишь с тем, чтобы предупредить неминуемый союз держав. Но каковы бы ни были поводы к войне, она объявлена. Отныне это уже для Франции вопрос жизни или смерти. Чем занят в это время Марат? Какие мысли озарили его в дни его вынужденного пребывания в Лондоне? Или он забыл свои пламенные слова о «дезертирстве?» В номере «Друга Народа» от 24 апреля 1792-го года он рвет и мечет: «Давай нам Бог как можно чаще проигрывать сражения, только бы не знать окончательного поражения! Или лучше, давай Бог, чтобы наши генералы сдавали наши фронтовые линии неприятелю и вели войска на бойню, и чтобы солдаты во время разоблачили их измену, и утопили своих вождей в собственной их крови!» Этими отвратительными словами Марат отрекается от самого себя. Политическая страсть заглушила в нем сознание национального долга. Само собою понятно, что объявлению войны предшествовали резкие и страстные прения. Робеспьер, занявший враждебную в отношении войны позицию, противопоставлял якобинскому большинству разумные возражения: он доказывал, что война с внешним противником может дать Франции полководца-победителя и пресечь неожиданно революцию внутри страны. Но тем не менее, война решена. В конце июля отечество объявлено «в опасности». 1-го августа Парижу известен уже манифест герцога Брауншвейгского*).

Слова Марата тем менее понятны, что в номере 650-ом, — если только этот номер «Друга Народа» подлинный, — он упрекает Людовика XVI-го в том, что он не начал раньше наступательных действий против наших врагов, *раз уже война была неизбежна и даже необходима для того, чтобы облегчить наши бедствия*. Надо отметить, однако, в целях попытки спра-

*) Знаменитое обращение вождя коалиционной армии, герцога Брауншвейгского, к революционной Франции, своим наглым, заносчивым тоном давшее толчок последовавшим в ближайшие дни трагическим событиям.

Прим. перев.

ведливого о Марате суждения, что резкие слова диктовала ему и ненависть к королю, и к вождям, поставленным во главе армии. Он неумело оправдывает себя, или, говоря на его языке, он лжет, утверждая, что только *предсказывал* наши поражения; он определенно призывал их на голову Франции, когда не хотел признавать ни национального, ни даже революционного характера — войны, слишком рано или слишком поздно, целесообразно или нет, но объявленной в апреле 1792-го года. Марат с своей стороны делал как раз противоположное тому, что могло бы содействовать изумительному и, с первых же дней тяжкого испытания, героическому подъему французского народа.

Мы накануне жутких сентябрьских дней. В какой мере ответственность за эти жестокие убийства падает на Марата? При получении известия о капитуляции Лоннун, и продвижении прусской армии к Вердену, всю Францию охватило какое то повальное безумие: явление, какими изобилуют эпохи великих войн. Дантон и Робеспьер не сумели и если бы и хотели, вряд ли могли бы при создавшемся положении образумить население. Даже Ролан робко пытается заглушевать разгравшиеся события. Но участие Марата в преступлении, совершенном при грохоте вестовых пушек и каковы бы ни были смягчающие обстоятельства, — участие его несомненно и значительно. 2-го сентября в самый день бойни в тюрьме Аббатства*) он входит в общественный комитет охраны — товарищем председателем.

Предо мною подлинник воскресного номера «Друга Народа» от 19-го июля, в котором Марат пишет: «В чем долг народа? Перед ним только два решения: ускорить суд над заключенными в Аббатстве изменниками, окружить уголовные суды и конвент и если изменники обелены, перебить их, не входя в переговоры с новым судом и преступными авторами коварного декрета. Или же, что *вернее и благоразумнее, надо пойти с оружием в руках к Аббатству, вытащить из тюрьмы изменников, главным образом, швейцарских офицеров и соумышленников их и всех до одного перерезать. Что за дикая мысль — судебная*

*) Prison de l'Abbaye — тюрьма, примыкавшая к аббатству, уничтожена в 1854 г.

процедура над ними! Все ясно, как день: вы уличили их в том, что они с оружием в руках злоумышляли против родины; вы убивали солдат; зачем же щадить их офицеров, вина которых неизмеримо больше?»

2-го сентября, в воскресенье, толпа передумала сидевших в Аббатстве священников. Связь между словами Марата и этой расправой очевидна. Ответственность за эти убийства лежит и на других. Но и доля Марата огромна. Однако, возможно также, что само событие несколько смутило его. В 12-ом номере «Газеты Республики» («Journal de la République») от 6-го октября пытается объяснить трагедию 2-го и 3-го сентября умышленным бездействием уголовного суда и внезапным взрывом народного негодования. Он старается свалить всю вину на Петиона*). И тут опять выдает себя головой.

«Какое гнусное лицемерие — пишет он — сваливать на разбойников *эту, к сожалению, слишком необходимую операцию?*» Все объяснения Марата, его старания спасти мелких преступников и арестованных за участие в уличных драках — говорит о несомненной его ответственности за политические убийства от 2-го и 3-го сентября. Народ взялся за топор. Но Марат вложил топор в его руки.

Даже сам Майяр, председатель мнимого суда, устроенного в здании тюрьмы, в Аббатстве, повидимому, пытался обуздать дикую сатурналию, это гнусное опьянение кровью. Неважно также, Марат ли один или с товарищами по Комитету Охраны подписал знаменитый циркуляр от 3-го сентября, которым «вся нация» приглашалась творить такие же преступления. Такие ужасы ничем не могут быть оправданы, даже крайней опасностью, встающей угрозой отечеству. В такие решительные минуты задача вождей извлечь из недр народного духа талящиеся в нем благородство и великодушие. Можно подтрунивать над пафосом Ламартина, но такой вот именно подвиг сумел он совершить позднее. Марат действовал на самые низменные инстинкты массы, и защищая его от лже-клеветнических обвинений, мы с чистой совестью поддерживаем резкое порицание, которого заслуживает его поведение в дни 2-го и 3-го сентября

*) Петюн де Вильнейв, жирондист, мер Парижа в 1791-ом году, и председатель Конвента.

Республиканец и даже самый ярый не может не воздать долга почтения перед мужеством, проявленным камердинером короля, Тьери, который, весь израненный, весь истыканный пиками, отказывался отречься от данной им присяги. Марат нарушил присягу, данную им. И с этого дня от него смердит кровью... Трудно было обуздать народную ярость? Однако, Дюзю*), Базир**) пытались же делать это. И Дантон сумел же спасти несколько голов.

11-го сентября, однако, Марат выбран членом Конвента. В Париже он собрал наибольшее количество голосов; политика его одерживает верх, и в согласии, частичном, во всяком случае, с Робеспьером против Дантона, который желал примирения с жирондистами. Можно ли утверждать, что Марат определенно и действительно содействовал провозглашению Республики? Нет. В первом номере «Газеты Французской Республики», заменившей собою газету «Друг народа» — Марат настаивает, как на это настойчиво указывал г. Олар, — на необходимости военного трибуна, или диктатора, или триумвирата. И оттого тем понятнее для нас то, что теории Марата так прельстили большевиков, с которыми у него столько сходства.

На другой день после убийств, чувствуя нараставшее против него негодование, которое было тем сильнее, что ни у кого не было отваги высказать его. — Марат, — движимый угрызениями совести или хитростью, — обнаруживает признаки чувствительности. «Королевская власть уничтожена, — пишет он. — Божество безгрешных душ дай мне силы на выполнение моего обета; никогда ни самолюбие, ни упрямство не восстанет во мне против мер борьбы, диктуемых мне благоразумием. Дай мне силы побеждать в самом себе слабость сердца, и если вспышки негодования могут когда-либо смутить мой дух, и повредить общественному благу, то да погибну я в муках раньше, чем совершу такой грех!» Слова эти знаменательны. В отношении к прошлому это почти самообвинение.

Марат как будто предвидел знаменитое заседание, состоявшееся 25-го сентября. Это был для Марата страшный день.

*) Дюзю — писатель, член Конвента, умер в 1799 г.

**) Базир — член Конвента, погиб на эшафоте вместе с дантонистами.

«Газета Республики» от 28-го сентября воспроизводит это заседание: страстное выступление Лазурса против убийц; речь Дантона, требовавшего смертной казни для тех, что станут настаивать на необходимости диктатуры, трибунала или триумvirата, несмотря на всю сдержанность и осторожность Дантона, не трудно было понять кого он имел в виду; выступление Робеспьера, в свою очередь тоже осуждавшего «Друга народа»: прямой удар, нанесенный ему Барбару, который согласно тактике жирондистов, искусно восстановил против Паризжа департаменты. В этом бурном заседании 25-го сентября определилась, наконец, позиция Марата, позднее окончательно за ним утвердившаяся роль одинокого и даже обвиняемого. Окруженный яростными противниками, заглушаемый криками бриссотинцев*), обрекающих его на эшафот, Марат всходит на трибуну.

«В этом собрании, — так начинает он, — у меня множество врагов». — «Все, все враги!» — как один человек отвечает собрание. Все возмущенно вскакивают с мест. Гул яростных криков и брани. Марату хорошо знакомо чувство, испытываемое многими ораторами и в менее трагические моменты. Он вынужден требовать тишины, и обещает быть кратким. Надо, вместе с тем, воздать ему справедливость. Он не промолвит только что отрекшихся от него Дантона и Робеспьера, из презрения ли, или из хитрой предусмотрительности? — он выпрямляется во весь свой рост, и как позднее Шарлотта Корде берет на себя всю ответственность за свои слова. Да, он высказался за диктатуру. Да, он «призывал на головы изменников мстительный топор народа». Да, он желал видеть власть в руках одного гражданина (его самого, конечно), гражданина с цепями на ногах, которые «приковали бы его к родине». — А затем, уже следует вызов. — «Если вы не доросли еще до того, чтобы понять меня, тем хуже для вас; смута еще не кончилась». — Марат не отрекается от своих слов. Самообладание его изумительно. Он знает, что когда политический деятель в ответ на нападки только оправдывается, то он погиб: он отражает удары ударами.

*) Странники одного из вождей жиронды, Бриссота, казненного в 1793 г.

Заканчивая речь, которую надо прочесть целиком на беспристрастных страницах «*Moniteur universel*», он требует прекращения «этих скандальных прений, и внесения поправок в Декларацию прав».

Теоретик, долго, как мы видели, выковавший свои мысли, и в боевом огне, вопреки всем опасностям, грозящим ему, под гул негодующих криков и под град страстных и презрительных оскорблений, какими осыпает его Верньо, Марат и в эту минуту не сводит глаз с своей цели, к которой так долго и упорно шел.

Марат — не республиканец. С этого дня, по крайней мере. Отныне, он уже только большевистствует. И не один только этот натиск выдержал он в этот день. Вот что пишет «*Moniteur*». — Верньо сменил на трибуне Буало, в таком же тоне продолжавшего обвинительную речь против Марата. Он цитировал некоторые статьи Марата. — «Единодушное негодование овладело собранием — читаем мы в «*Moniteur*'е». — Со всех сторон неслись крики: «В Аббатство!» — Марат спокойно встает и просит слова. Начинает он свою речь учтиво и корректно, но сделанные им заявления решительно отказывается взять обратно. Наконец, он вытаскивает из кармана пистолет; и прозвывает застрелиться тут же у трибуны, если вынесено будет постановление о привлечении его к судебной ответственности. Выступление его принимает уже характер скандала. Председатель предлагает ему замолчать, и по предложению Тальена Конвент переходит к порядку дня».

Вряд ли имеет смысл продолжать и осложнять подробностями этот анализ, эту пеструю, неровную биографию. Главная задача сводилась лишь к тому, чтобы показать, как проявился характер Марата в соприкосновении с действительностью, как под натиском ее эволюционировали его взгляды, начиная от государственности и законности и кончая решительным признанием диктатуры.

Жорэс, мнения которого, к великой моей радости, совпадают с моими, без обиняков называет в своей «Социалистической Истории Конвента» сентябрьские убийства бессмысленной и бесполезной жестокостью. И какой отрадой было читать

*) Тюрьма — Аббатства.

эти глубокие и благородные слова, написанные Жорэсом, одним из самых безвинных мучеников. «Если бы у людей, убивавших в Аббатстве, в Форс*), в Консьержери, сохранилось хоть немного здравого смысла, сколько-нибудь душевного равновесия, они должны были бы в миг внутреннего озарения, задать себе вопрос: эти убийства — усугубят ли они мощь Республики? — И с трепетом в сердце смутно почувствовали бы грядущее отвращение человечества. Они сумели бы также предугадать, что томимые неотвязно-мучительной мыслью партийные деятели будут позднее бродить вокруг пролитой крови и друг друга в ней обвинять.»

Так оно и было. Глухие к голосу Дантона, разобщенные, вскоре ожесточенно-непримиримые партийные группы бродят крутом пролитой крови. Уже в октябре Марат, по словам Жорэса, упрекает себя за сентябрьские убийства, — не столько, однако, за жестокость, сколько за оплошность. Действительно, это была оплошность и какая! И не только мирному торжеству Жиронды помешала она, но затормозила и осуществление плана, в котором взгляды Марата совпадали с политической программой Робеспьера. Было поздно... Встал уже призрак диктатуры. Департаменты — и монтаньяры, жирондисты — отныне относятся уже с недоверием к Коммуне и к Парижу... Какой политической беспокойностью были эти сентябрьские убийства не говоря уже об их варварской жестокости! Мы не будем останавливаться на том, как в лихорадочной деятельности Конвента, в его бурных заседаниях определялась эта мысль. Это — задача историков.

Перейдем сразу к голосованию 13-го апреля, которое вновь определит положение, занятое Маратом. Разыгрались крупные, грозные события. Жиронда, подстрекаемая Барбару, пыталась расправиться с Горой. Суд над королем расколол страну на два враждебных лагеря. На другой день после казни Марат пишет в своей газете, что для народа это зрелище было подлинным «*религиозным празднеством*». Война продолжается. Блестящие победы перемежаются с тяжелыми потерями. После февральских и мартовских смут учрежден Революционный Три-

*) La Force — так называлась одна из парижских тюрем, находившаяся недалеко от теперешней площади Бастилии.

бунал. Дюмурье изменил. Комитет Общественного Спасения перестраивается и укрепляется.

В Вандее восстание. События бегут бурными волнами. Навигаются решительные дни апреля и мая 1793-го года.

Этот раз сигнал к бою дан Дантоном. Для Марата на протяжении этого времени три значительнейших момента, три дня, на которые, в целях внесения порядка в пеструю массу событий, можно разбить все его поступки и взгляды: 12-го апреля, когда опубликован приказ об аресте его за подписанный им призыв к оружию, обращенный к революционной Франции; 24-го апреля, день его оправдания и триумфального возвращения в Конвент, и 2-го июня, день, который решит его судьбу, его роковой конец.

*

* * *

Жорес убедительно доказывал, что в суде над Людовиком XVI-ым Марат, совершенно равнодушный к ближайшей участи короля, однако, из верности своим убеждениям — и это должно отметить — настаивал на том, чтобы обвиняемого судили с полным беспристрастием и хладнокровием и что следовало бы ему даже отпустить содеянные до бегства в Варенн проступки, так как восстановление его на престол равносильно было амнистии. Он выступал, таким образом, против Сен-Жюста, доказывавшего, что короля следовало судить, как врага отечества. Но после залитной речи Дезеза, он опять отрекается от своих слов. У Марата, конечно, нет той крепкой спайки убеждений и действия, которой и противник заставляет себя уважать. В нем вечные столкновения логики и страсти. Жорес установил, что в бельгийском вопросе Марат из ненависти к Дюмурье опирался даже на клерикалов и консерваторов. Как бы ни судить Дантона, нельзя, однако, не признать, что его внешняя политика определена и смела. Марат, охваченный внутренней борьбой, гражданской войною, происходящей и в самом Конвенте, поглощенный преимущественно задачей подавления Жиронды, Марат утратил искреннюю убедительность речи. «Быть может, добавляет Жорес, — ее никогда и не было у него».

Большевизм Марата показал себя лицом, когда в конце февраля прозно обострился вопрос о продовольствии. Марат

без обиняков советует грабеж. После несчастных страниц, написанных им о необходимости законности, он заявляет, что «карательные меры всегда были и будут бесцельны». Вносится предложение системы непосредственной купли и продажи. Марат возражает. В хаосе создавшихся затруднений Марат противопоставляет республиканской теории, социалистическому учению свою формулу: «Народ всегда сам должен себя спасти...»

«В статье Марата ни капли смысла, — смело заявляет Жорэс, — и как она сумбурна! — Что он понимает под словами о совершенном уничтожении капиталистов? Ведь, с частной торговлей он бороться не намерен...» — Воззвание Марата и не было, быть может, прямой причиной 25-го февраля, но этот раз очевидны плоды его «смертоносной фразеологии». — Этот ли только раз? Конечно, нет! Эта убийственная фразеология — обычное орудие Марата. 25-го февраля — его день, как и 2-го сентября.

12-го апреля сделана будет попытка заставить его искупить этот день и силою обезвредить этого железного несокрушимого человека. Накануне, в утреннем заседании (пользуемся точными отчетами газеты «Монитор») Марат внес предложение, чтобы сын Эталите и безжавшие заправилу члены королевского дома объявлены были вне закона. Граждане на трибунах аплодируют. Он говорит как будто для них. Настойчивостью, с какой он просит слова, в котором председатель упорно отказывает ему, он явно раздражает все собрание. И тогда Барбару выступает с заявлением о том, что, он (Марат) получил пятнадцать тысяч фунтов от герцога Орлеанского. Поднимается невообразимый шум. «Moniteur» в своем отчете отмечает, что «множество членов Конвента яростно ринулись с правой в противоположную сторону, и председатель вынужден был оборонять себя от натиска.»

Несколько минут спустя после заявления о том, что «при таких условиях председательствовать физически невозможно» — какому председателю не знакома эта фраза? — ему опять пришлось делать оборонительные жесты. Заявление это председатель обычно делает только очистки совести ради — желанного воздействия оно никогда не достигает.

Приводимый ниже отрывок дает представление об этом заседании.

МАРАТ: Я требую, председатель, слова против вас (Граждане на трибунах аплодируют). Народное представительство опозорено сегодня. Я требую мести. (Со всех сторон крики: к порядку, вы не имеете слова).

МАРАТ: Председатель, справедливости и беспристрастия!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Марат, вы не имеете слова.

МАРАТ: Я прошу его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не могу вам дать его.

МАРАТ: Вы дадите или я возьму его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Марат, я вас в двадцатый раз призываю к порядку.

Марат «сходит с трибуны».

Де Перрэ находит в себе отвагу сказать, что в Конвенте нельзя уже говорить без разрешения райка. Барбару требует удаления гражданина, оскорбляющего народных представителей. Но негодующий де Перрэ сам офицер. Это полная анархия или, как говорит председатель, уступающий свое кресло Дельма, — «это насилие». По возобновлении заседания, неодолимый в своем упорстве, но уже спявшийся с своей ролью. — Марат — теперь, конечно, он уже играет роль — настаивает на принятии его предложений. Этот демократ, заслугам которого мы воздали должное, статьи которого содержат столько ученых мыслей, этот сильный яркий диалектик, — воплотился в демагога.

В заседании от 1-го апреля, опять разразилась буря. Обычно спокойный и сдержанный Петион резко выступил против обличителей и подстрекателей. — «Они немолчно зывают к народу: восстаньте! А когда он восстанет, что вы скажете ему? Что остается ему свергнуть, что задушить, если не Национальный конвент». — В зале опять негодующий ропот. Марат прерывает Петиона и тогда Петион бросает ему обвинение прямо в лицо:

«Гнусный убийца. проповедовавший деспотизм...»

МАРАТ: Это, вы убийца.

Завязывается поединок. Петион говорит уже без обиняков. Да, «Друг народа — настаивал на диктатуре и триумvirате».

Давид*), неловко пробирается на середину зала и произносит несколько пустозвучных общих слов. Петион повышает голос. В его ответах, в его обвинениях слышен горячий трепет мысли, и по тому, как собрание заглушает ненужные прерывающие оратора реплики, ясно, что он увлекает, и глубоко волнует слушателей, и что под влиянием его слов, они не столько понимают, сколько чувствуют пропасть, к краю которой приближается Конвент. Задыхаясь от негодования защищает Петион народные интересы, отечество, свободу. Страстная искренность его несомненна, даже паузы в речи свидетельствуют о ней. Марат врывается в эту пламенную речь резким требованием порядка прений. Он настаивает, его никто не слушает.

Но критический для него момент наступил, когда Гуадэ прочел распространявшееся по всем департаментам воззвание за подписью Марата. Этот раз обвиняемый бежит к трибуне. поощряемый аплодисментами райка. Резко и твердо требует он опять слова. Теперь уже он сам привлечен и прямо к ответу. Дантон защищает его, без большой, однако, настойчивости. Он предлагает начать следствие и против Друга народа, и против его обвинителей. Боей Фонфред**), сознавая важность момента, выступает с требованием об изгнании «из Сената, этого злого духа, этого виновника преступлений, клеветы, распрей, и ожесточенных ссор». — Огромное число членов Конвента встает с мест и поддерживают его предложение.

Марат не теряет самообладания и перед этим яростным натиском. Его ответ, начинающийся несколькими сдержанными фразами, новый вызов. «Мои враги хотят уничтожить меня, чтобы избавиться от нежелательного зоркого глаза. Хорошо! Я жду их здесь же на этой трибуне». — Жирондисты, повидимому, для своей атаки умышленно избрали этот день, когда большинство монтаньяров находилось в провинции. Марат защищает умело и страстно, обещает даже призывать к спокойствию. Безуспешно. Собрание выносит постановление о заключении его в тюрьму Аббатства.

Но Марат опирается на стихийную силу: за него стоит

*) Художник, Луи Давид.

**) Боей Фонфред, самый молодой из жирондистов, казнен в 1793 г.

революционный инстинкт народа. После суда над ним, Марат будет сильнее и грозней, чем когда бы то ни было.

Прежде всего, — он отказывается идти в Аббатство. Патриоты сбегают с трибун и протестуют против ареста. В письме Конвенту он подчеркивает все, сказанное раньше. Иные из его предсказаний оправдались. Он многое прозрел в своем фанатизме. События во многих отношениях оправдали его страстную настойчивость. И своей неустрашимой отваге он обязан укреплением своего влияния. Он пользуется этим для нового наступления. — «Известно — пишет он — что у Дюмурье, поднявшего знамя восстания против родины, с тем чтобы дать ей повелителя и отнять у нее свободу, имеются соучастники в самом лоне Конвента. Это те негодяи, которых он называет здоровым большинством национального собрания. Я прежде всего сын моей родины, а потом уже член Конвента. Я принадлежу народу, защитником которого считаю себя. И я сумею отразить их удары, и буду и впредь моим пером защищать свободу, и обличать изменников, заседающих в Конвенте до тех пор, пока у народа не раскроются глаза, до тех пор, пока он не произнесет над ними своего суда». — Марат мог еще указать, — что он и не преминул сделать — на то, что если он три раза привлекался к суду, то за то, что в дни учредительного собрания, бил в набат в своей газете, за то, что раскрывал заговоры приверженцев короля, и за то, что предсказывал измены Лафайетта и Нарбонна, и поражения при Монсе и Куртре. Он согласился предстать перед революционным судом, твердо рассчитывая на преданность ему народа, который всецело готов был поддерживать Марата в том, что жирондисты действительно были соучастниками Дюмурье, поддержку которого они заранее учитывали. В № 177-ом «Публициста», Марат излагает приемы намеченной борьбы. Это своего рода — резюме всей его жизни. Детство, проведенное под крылом достойной матери; любовь к человеку и сознание его прав и прав народов; годы, посвященные изучению природы и кабинетным трудам, неустанная работа на благо Революции, понимаемой им не только, как простая административная реформа, но как коренная перестройка форм правления. Вот — в чем его преступления.

Теперь, когда задача наша не судить Марата, а осветить

его облик, мы не можем отрицать того, что Марат был одним из людей, который упорно и смело вел Революцию к ее логическим последствиям; что всю свою жизнь, он будил народ, когда удовлетворенный или усталый, он впадал в дрему. Надо быть ослепленным предвзятой мыслью или сложившейся о Марате легендой для того, чтобы отказать его защитной речи в страстной убежденности или даже в поражающей порою возвышенности мысли.

«Три года печального жизненного опыта убедили меня в том, как опасно стремиться к спасению народа от угнетателей, и какое это жестокое ремесло — быть правым за восемнадцать месяцев вперед. «Никогда ни один человек в мире не подвергался таким жестоким преследованиям. Под градом востных, ядовитых клевет, под угрозой покушений на мою жизнь, под бременем сверхчеловеческой работы, вечных лишений, печалей, страданий, я сознавал, что меня ждут безымянные муки, и самые жестокие пытки в том случае, если я попадусь в руки тиранов.»

И это правда. Человека более энергичного не знает история. В этой защитной речи нельзя не отметить бескорыстия, основной черты всей его политической деятельности, бескорыстия, которое ныне никак не было вполне убедительно опровергнуто, и любовь к народу, которой он начиная с первых шагов, под руководством матери, обязан цельностью всей своей жизни. Но, конечно, это несколько не умаляет его гнусной жестокости, не оправдывает его возмутительных призывов к насилию (2-го сентября и 25-го февраля), это не оправдывает его гордости, которой исполняют его даже преследования, каким он подвергается, это не может примирить с его столь отвратными для нас, французов, приемами борьбы, с доносами, с анонимными письмами; и нельзя забывать, что исходя из своих республиканских убеждений, он постепенно пришел к идее триумvirата, в котором он состоял бы членом, или диктатуры, которая ему была бы предложена, как нельзя забыть и всех духовных падений и противоречий...

Он мог без большого риска отправиться в тюрьму. Санкюлоты, радовавшие за него, служили ему залогом скорого освобождения. Председатель суда Монтане, которого мы встретим позднее в суде над Шарлоттой, не мог допустить чтобы «Друг

народа» провел хотя бы одну ночь между узниками Консьержери. Он отвел ему комнату в здании самого суда. Народ не разбирался в том, что всего ужаснее было в проектах Марата, в его «призыве к вождю», который к несчастью, был услышан. — Как и надо было ждать, Марат оправдан революционным трибуналом.

М. Г. Ленотр в одном из своих очерков воспроизвел картину этого суда. Обвиняемый сам ведет прения, сам следит за порядком заседания. В зале, в вестибюле, в кулуарах грохот аплодисментов. На голову Друга Народа возложен гражданский венок. Артиллерия и гусары выстраиваются на пути его шествия почетными шеренгами. Все улицы от Дворца Юстиции к Конвенту залужены народом. Несметная толпа сопровождает Марата к Конвенту. Салер Роппе, ведущий национальную гвардию, появляется на трибуне, и заявляет, что тот кто замахнется на голову Марата — «Должен он будет отрубить голову и салеру». Этот комический инцидент увековечен Буали на его картине, находящейся в лилльском музее. Дань благодарности, впрочем, «Другу народа», который в свое время заступился за художника, когда «Общество республиканских художников» потребовало привлечения Буали к суду за непристойные картины. Еще выразительнее рисунок Буали, хранящийся теперь в музее Карнавале, на котором уже не льстиво, а со смелостью граничащей с каррикатурой, воспроизведено событие, поразившее его современников. Это изображение смешных, нелепых почитателей Марата, приведших его в конвент. Сатирический умысел явствует уже из надписи на знамени, которое несет шествующий во главе процессии: «Больше шума, чем дела». Очаровательная вещь, надо добавить, вылившаяся из под кисти свободного духом человека, какие встречаются во Франции и в самые тяжелые дни ее государственной жизни. Яркий, острый этюд, возмещающий нам столько фальшивых, условных изображений, на которых убийство Марата представлено «с натуры», и столько картинок, изображающих Шарлотту деревенской девушкой, или сумасшедшей...

Марат не терпит самообладания. Он спокойно выжидает минуты, когда сможет взойти на трибуну, чтобы отомстить или вернее, чтобы доказать свое торжество над противниками.

Он — у вершины власти. Но подлинное торжество приносит ему лишь 2-ое июня, вместе с изгнанием жирондистов. Вся эта часть истории завязывается и развязывается, как античная трагедия. Когда у Шарлотты Кордэ созрело ее решение, Марат, в Париже, по крайней мере, уже диктатор. Он победил жирондистов или как он презрительно выражается, этих государственных людей. Теперь он требует для Франции новой, подлинно народной формы правления.

Он так уверен в прочности своего положения, что печатает в «Публицисте» несколько ругательных, угрожающих писем, какими забрасывают его.

Но он болен. Несколько месяцев уже томит его какой-то «воспалительный процесс». Болезнь часто приковывает его к постели.

Все равно — отсутствуя или присутствуя — он властвует всегда.

(окончание следует).

Пер. А. Даманская.

Эдуард Эррио.

Сивилла.

I.

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но бог вошел.

Сивилла: выпита, сивилла: супь.
Все жилы высохли, — ревностен муж!

Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Славы и гибели. — Древо меж дев. —

Державным деревом в лесу нагом —
Сначала деревом шумел огонь.

Потом, под веками — вразбег, враспloch
Сухими реками взметнулся бог.

И вдруг, отчаявшись искать извне,
Сердцем и голосом упав: во мне!

Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот

Час не стареющий, так в седость трав
Бренная девственность, пещерой став

Дивному голосу...

— так в звездный вихрь

Сивилла: выбывшая из живых.

II.

Каменной глыбой серой,
С веком порвав родство.
Тело твое — пещера
Голоса твоего.

Недрами — в ночь, сквозь слепость
Век, слепотой бойниц.
Глухонемая крепость
Над пестротой жниц.

Кутают ливни плечи
В плащ, плесневевеет гриб.
Тысячелетья плещут
У столбняковых глыб.

Горе горé! Под толщей
Век, в прозорливых тьмах —
Глиняные осколки
Царств и дорожный прах

Битв...

III.

Но тесна вдвоем
Даже радость утр.
Оттолкнувшись лбом
И подавшись внутрь,

(Ибо странник — дух,
И идет один),
До начальных глин —
Потупляя слух —

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам.

Ты и путь и цель,
Ты и след и дом.
Никаких земель
Не открыть вдвоем.

В горный лагерь лбов
Ты и мост и взрыв.
(Самовластен — Бог
А меж всех ревнив).

Над источником
Сушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам:

Берегись слуги,
Дабы в отчий дом
В гордый час трубы
Не предстать рабом.

Берегись жены,
Дабы сбросив прах
В голый час трубы
Не предстать в перстнях.

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам:

Берегись! Не строй
На родстве высот.
(Ибо крепче — *той*
В нашем сердце — *тот*).

Говорю, не льстись
На орла, — скорбит
Об упавшем ввысь
По сей день — Давид.

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек, — берегам:

Берегись могил:
Голодной блудниц!
Мертвый был и сгнил:
Берегись гробниц!

От вчерашних правд
В доме — смрад и хлам.
Даже самый прах
Подари ветрам!

Над источником
Слушай-слушай, Адам,
Что проточные
Жилы рек — берегам:

Берегись...

IV.

Сивилла — младенцу:
К груди моей,
Младенец, льни:
Рождение — паденье в дни.

С заоблачных отвесных скал,
Младенец мой —
Как низко пал.
Ты духом был, ты прахом стал.

Плачь, маленький, о них и нас:
Рождение — паденье в час.

Плачь, маленький, и впредь и вновь:
Рождение — паденье в кровь,

И в прах,
И в час.

Где зарева его чудес?
Плачь, маленький: рождение в вес!

Где залежи его щедрот?
Плачь, маленький, рождение в счет,

И в кровь,
И в пот...

Но встанешь! То, что в мире смертью
Названо — паденье в твердь.

Но узришь! То, что в мире век
Смежение — рождение в свет:

И днесь —
В навек.

Смерть, маленький, не спать, а встать,
Не спать, а вспять.

Вплавь, маленький! Уже ступень
Оставлена...

— Восстанье в день.

Прага, 1922 г.

ДЕРЕВЬЯ.

I.

В смертных изверясь
 Зачароваться не тщусь.
 В старческий вереск,
 В среброскользящую сушь,

— Пусть моей тени
 Славу трубят трубачи! —
 В вереск-потери,
 В вереск-сухие ручьи.

Старческий вереск!
 Голого камня нарост...
 Удостоверясь
 В тождестве наших сиротств,

Сняв и отринув
 Ключья последней парчи —
 В вереск-руины,
 В вереск-сухие ручьи.

Жизнь: двоедушье
 Дружб и удушье уродств.
 Седью и сушью
 (Ибо вожатый — суров),

Ввысь, где рябина
 Краше Давида-Царя...
 В вереск-седины,
 В вереск-сухие моря.

II.

Когда обидой опилась
 Душа разгневанная,
 Когда семижды зареклась
 Сражаться с демонами:

Не теми, ливнями огней
В бездну нисхлестнутыми:
С земными низостями дней,
С людскими костостями —

Деревья! К вам иду! Спаситесь
От рева рыночного!
Вашими вымахами ввысь
Как сердце выдышано!

Дуб богоборческий! В бои
Всем корнем шествующий!
Ивы-провидицы мои!
Березы-девственницы!

Вяз — яростный Авессалом,
На пытке вздыбленная
Сосна — ты, уст моих псалом:
Горечь рябиновая...

К вам! В живоплещущую ртуть
Листвы — пусть рупащейся!
Впервые руки распахнуть!
Забросить рукописи!

Зеленых отсветов рои...
Как в руки — плещущие...
Простоволосые мои,
Мои трепещущие!

III.

Други! Братственный сонм!
Вы, чьим взмахом сметен
След обиды земной.
— Лес! — Элизиум мой!

В громком таборе дружб
Собутыльница душ —
Кончу, трезвость избрав,
День — в тишайшем из братств.

Ах, с топошущих стогн
В легкий жертвенный огонь
Роц! В великий покой
Мхов! В струение хвой...

Древа вещая весть!
Лес, вещающий: Есть
Здесь, над сбродом кривизн —
Совершенная жизнь.

Где ни рабств, ни уродств,
Там, где всё во весь рост,
Там, где правда видней:
По ту сторону дней...

Прага, 1922 г.

Марина Цветаева.

Про любовь.

из романа «Ров львиный»

«Вы поймите, как же я могу заниматься: я с утра надорван и ночью, если удастся, засыпаю растерзан!»

Но этого никто не понял.

Единственный Баланцев написал ему — да лучше бы и не писал! — с упреком в малодушии.

Тимофеев прекратил переписку.

И вернувшись в Петербург вскоре после своего увольнения из страховой конторы, никому не дал о себе знать.

В контору на Невский он не раз подумывал зайти.

И всякий раз раздумывался: было и неловко чего-то и горький осадок — «как это уволили его и все отнеслись так жестоко?»

Да и невозможно было ему очень-то расхаживаться.

Последнее, что еще оставалось в запасе, было прожито.

А все ценное в ламбард пошло.

В своем невольном бездействии перебрал Тимофеев всю квартиру, отбирая вещи, с которыми можно было расстаться: ничего уж не было дорого и все, кажется, уступил бы охотникам, — одно горе, очень-то никому его вещей не надобилось.

Только что шкуру медвежью купили.

А остальное — и смотреть не желают.

И если бы не Бойцов, к которому обратился Тимофеев за помощью — трудно ему было на такое решиться! — если бы не Бойцов, хозяин, у которого служил он на заводе, очутился бы он с Машей на улице.

Всякий раз, когда наступало примирение в душе Маши и он отсыпался за все бессонные ночи, приходили надежды на

восстановление деловой жизни, — назначался уж день, в который пойдет он искать себе место.

Но тут какая-нибудь случайность, пустяки сущие выводили Машу из ее примирения и кидали опять ее в ожесточенное отчаяние.

И все начиналось сызнова.

От постоянных разговоров, — а приходилось разговаривать по целым часам! — от «одного и того же», от одних и тех же вопросов — конечно, все о Задорском! — язык перебалтывался, слова стирались и не оставалось в словах ни силы, ни убедительности.

Маша ничего не замечала, да и где ей было замечать! — душа у нее болела.

И чтобы выбраться ей из ее тупика на волю, надо было высказаться — вынести в слове все до последнего из ее темных тайников на белый свет.

После кратких часов молчания она начинала беспокоиться и жаловалась, что «он с ней совсем не разговаривает!»

А когда случалось, выходил он в другую комнату, он слышал, как Маша начинала сама с собой разговаривать и говорила горячо и громко, полным голосом.

В разговорах проходило время.

Принимались всевозможные решения, чтобы как-нибудь поправить, успокоить ее душу, но и самые противоположные оказывались ни к чему.

Тимофеев готов был ехать к Задорскому и объясниться: «в ноги поклониться ему, чтобы только приехал!» — и все пойдет по-старому.

И не раз повторял Маше, как он все скажет, день за днем, и все разъяснит: и зачем им ссориться! ведь, это одно недоумение! —

«ведь они любят друг друга!»

Маша как будто соглашалась, но потом все отвергала —

«ехать не надо и не к чему!»

Маша не верила, что он сумеет объясниться по настоящему, —

«нет она была уверена, что он только напутает»

Она все прощала.

И на время мир входил в дом.

Уж казалось, начинается новая жизнь — и о старом забыть!

И вдруг выпадала она в жесточайшее раздражение:

«нет, она никогда не простит!»

И начала упрекать, что скоро он так успокоился —

«обрадовался, что простила, и успокоился!»

И в конце упреков останавливалась на единственном для себя исходе —

«кончить самоубийством!»

— Все равно, один конец.

Но этим не кончалось.

Разговор опять переходил к жизни — к Задорскому.

— Неужто он мог ко мне относиться так же, как и к другим? — спрашивала она.

И, обвиняя его и коря, переходила — и совсем незаметно — к самообвинению.

И оправдывала его во всем, кругом виня только себя.

От душевной утомленности, от неуверенности за каждую ближайшую минуту, от неожиданности всяких поворотов — «скажешь так и выйдет ладно, а прибавишь слово и все испортишь!» — от постоянной настороженности и домашних забот Тимофеев совсем растерялся:

стал забывать, — забывал куда чего положит; или что-нибудь только подумает сделать, а пройдет время, и уж кажется ему, что он это сделал.

Маша от растерянности своей душевной все теряла, но забывчивости у нее ни на что не было.

Нет, она слишком хорошо все понимала — и в памяти все проходила и с еще большей горячностью и остротой.

И особенно резко и назойливо приходило ей на память в жестокие минуты отчаяния не то доброе, что ей делали люди, а лишь одно злое.

Растерянность его с путанной забывчивостью приводили Машу в крайнее раздражение.

И если в минуты виновные начинал он оправдываться, выходило еще хуже.

И все оканчивалось одной угрозой, одинаковой и по пустякам и в важном:

Маша грозила самоубийством.

А было так потому, что и важное и пустяки равно трогали ее душу — обнажали больное.

И эта боль ее кричала — невыносимо!

В минуту своего раздражения, не видя и не слыша ничего, только одну свою боль, Маша вдруг обращала на него внимание и видела, какое страшное утомление на его лице и во всем, и как весь он согнулся.

И этот вид измученного, падающего человека повертывал ее больные мысли к единственной всеразрешающей мысли — самоубийству.

— Двум больным жить нельзя, — говорила она, — уеду и буду жить одна.

— Да как же ты одна-то без меня проживешь! — робко возражал он.

— Все равно погибать!

Голос ее в такие минуты становился резкий — «ужасный», она смотрела куда-то в какую-то пустую точку или, закатив глаза, так смотрела, и какая-то невыносимая боль — «смотреть нестерпимо!» — болела в белом безглазье.

И вот в окостенении своем и столбняке, совсем растерявшись, понял он всю тяжесть ее креста.

Он старался все исполнить и, если случалось прошибался в своей забывчивости и недогадливости, все равно «никогда уж ни в чем не оправдывался», и, даже когда прав был, винился, как виноватый.

А угодить все-таки не мог — не было никакого ручательства, что какое-нибудь слово не раздражит ее!

И всегда могли найтись последние пустяки и эти пустяки — безобидные открывали дверцу в самое ее кипучее.

Маша по целым часам лежала — могла пролежать день.

И это был особенно дурной признак.

Просто глаза закрывались от утомления и безвыходности.

И другой раз он не выдержал и в своем бессильном отупении начинал дремать.

А случалось такое, как на грех, когда Маша репала свое что-нибудь важное — и вдруг обращалась к нему с вопросом. И замечая, что он дремлет, приходила в неистовство.

Он готов был все сделать для нее: от всего отказаться, закабалить себя в какую-угодно и самую проклятую работу — просто душу продать чорту! — только бы спасти ее.

Стал он совсем тихим и на все сговорчивым, стараясь предвидеть всякие мелочи и пустяки безобидные, «чтобы только как не раздражать».

Но и это не помогало.

«Внезапность» и «неожиданность» выводили ее из себя.

А как убережешься?

И уж что он ни делал, а ведь непроницаемой стеной не огородишься!

Расстерзанная ее душа не могла успокоиться.

И если бы все шло без задоринки в обиходе домашнем, все равно, нашлось бы, на чём излить сердце и душу вывернуть.

Вот она какая любовь —

любовь — всекрасущая, всесветящая!

любовь — — беспросветная!

В своем отчаянии Маша и ему не верила:

— Знаю, — говорила она, — на словах-то все готов сделать!

И припоминала все его ошибки вольные и невольные, и с такой болью и горячностью, как-будто все снова совершалось в явь, не в памяти.

— Замолчи! — исступленно не кричала она, а шептала.

И этот шопот был резче всякого крика.

Мучения ее были так велики и крест так тяжел!

* * *

*

Откуда же такая мука — крест ее тягчайший?

Душа ее была надорвана тогда еще тем легким замужним

годом, какой прожила она с мужем, — и уж самый малый удар мог ее искалечить.

С той голубиной ночи, как в слезах вернулась она от Задорского, почувяла она, что все кончено.

Она поняла:

«любит он ее не для нее, а только для себя».

А такую любовь — ею полмира живет! — она не могла принять.

И надорванная душа ее распалась.

И крест ее любви придавил ее.

Ожесточение ее вдруг сменялось непомерной жалостью и раскаянием.

Она часто начинала видеть, что она больна, и что сама она сама во всем виновата; и вот отец, который любит ее всею любовью, т. е. не для себя, а только для нее, весь извелся. И вспоминала она все свои мысли и поступки вольные и невольные, от которых бывало тяжело людям, и, винясь во всем, просила прощение.

И так просила — да легче бывало, когда в исступленные минуты отчаяния она проклинала весь мир!

Она исступленно винулась!

И винясь перед отцом, что измучила его, винулась перед Задорским, которого оттолкнула от себя:

«сама отогнала и оскорбила!».

И в такие покаянные минуты ей хотелось увидеть Задорского: просить его простить ее!

Нетерпение было ужасно.

— Нет, ты ни в чем не виновата! — и не из желания только успокоить, но и по всей правде говорил ей Тимофеев.

И правда, вины ее никакой не было.

За ее легкий замужний год любовь ее была оскорблена и сердце ее искало другой любви.

Такой любовью представлялась ей:

не обладание, а преданность «звезде своего сердца» — любить не для себя, а только для любимой, служить ей преданно и беззаветно —
«*rigus amor!*»

«Не владеть, а только молить о любви!».

А награда любви в этой любовной мольбе — в чувстве любви.

Ригус амог —
звезда сердца!

Такой, только такой любви искало ее оскорбленное сердце.
«Ригус амог — звезда сердца!».

она внушает подвиг и самоотречение—
она исправляет и возвышает —
она сливается с неземною, движущей небесами любовью.

И чем же она виновата, если ее сердце открыто только такой любви!

Задорский любил Машу, но его любовь была такая — ею живет полмира! —

не для нее он любил ее, а для себя.

«Ригус амог» — это выше его сил!

И он понял, и любя по-своему — так любит полмира! — также понял:

«если не отстранится, и сам измучается и дело свое погубит, и ее только измучает».

Она винила себя, будто резко говорила с ним и этим отпугнула его от себя.

А если бы говорила она мудро, снисходя до него, краткими словами высшей силы, силой своей высокой любви, она внушила бы ему «чистейшую любовь», и он стал бы и выше и чище, и дело его не только не пропало бы, как думал он, напротив, расцвело бы, очистившись от мелкой суеты, налипающей ко всяким человеческим делам.

Да она говорила с ним резко, но она говорила с ним резко, —

«потому что любила».

Ведь только тот, кто любит, может так крепко, так резко отзываться и даже возненавидеть —

«любить и ненавидеть — это не несовместимо!».

А этого он не понял.

Две волны наплывали на ее душу:

исступленно ожесточенная с проклятием —
и испступленно виновная с покаянием.

И проклятие и покаяние разражались горьчайшими слезами.

И эти слезы, как плывучий огонь, могли бы прожечь и самый твердый камень —

но судьбное сердце неумолимое — крепче всякого камня!

В редкий тихий час межгрозный Маша только и вспоминала —

«как было хорошо тогда, в те месяцы, когда приезжал Задорский!».

А Задорский, заваленный делами, вдруг среди дел и напряженных мыслей вспоминал Машу:

«те дни, когда он приезжал к Тимофеевым, просиживал вечера один с Машей!

и грызучая тоска точила его.

И поправить ничего нельзя.

Тут было выше человеческого.

А нечеловеческое — судьба! — она вела по доле каждого со всей жестокостью к последнему пределу человеческого крестного терпения.

2.

Чем утешился Антон Петрович — его взмученное сердце, замученное ревностью, завистью и тьмой одиночества?

Единственная ведь двёрка в мир для него — любовь.

Любовью Антон Петрович и утешился.

В один прекрасный день получилось два письма:

письмо от докторши Кулигиной,
и письмо от балерины Петровской.

И оба письма любовные — оба письма «объяснительные».

— Откуда сие?

— — —

— Неисповедимо!

Потасил как-то Баланцев Будылина и докторше Кулигиной на именины.

У Кулигиной были гости и среди них знаменитая, уж престарелая балерина Петровская.

Антон Петрович накануне прочитал очень веселую старинную книгу — эту книгу достал ему Баланцев в утешение:

«Повесть забавная о двух турках в бытность их во Франции».

Вообразая себя Ахметом, трех-бунчужным папшей, Будылин занимал дам рассказами о турецких любовных приключениях.

Сначала это было очень трудно — слова не давались, вывертывались, подменялись, ну, как обыкновенно со словами, коли нет говорливого дара!

Но понемногу не Будылин, а уж Ахмет освоился: французская повесть о турках самому ему очень нравилась.

Хозяйка-докторша осталась довольна — вечер не проскучали.

А дня через три Овсевна и подает эти два загадочные письма:

письмо от докторши Кулигиной,
и письмо от балерины Петровской.

И когда Антон Петрович открылся Баланцеву, Баланцев очень оживился, но хоть бы одно слово наводящее —

Баланцев внимательно разбирал почерк, бумагу, печать.

— Что же дальше? — Антон Петрович больше не мог вытерпеть.

— Да ничего. Вы — как Ахмет, ничего!

— Как ничего?

— Да ничего и не значут эти письма. А вообще горевать вам нечего: женское сердце вы еще побеждаете, вот и все!

— И больше ничего?

— Ровно ничего.

— А отвечать я не должен?

— Зачем?

Антон Петрович растерялся —

«как же так, такие письма и в роде как и нет ничего!».

Но потом воспрянул —

«отвечать ничего не надо и притом победа!».

Да теперь он безбоязненно может ходить по земле твердо и крепко, как кур, как доктор Задорский, покоривший Машу.

Неделю Будылин жил настоящим Ахметом — Ахметом мечтал он о своих турецких любовных победах, и уж ему начинало казаться:

«все встречные женщины заглядываются на него и делают ему глазки!».

В трепете от этих «глазок» — а они его преследовали! — впал, наконец, Будылин в блаженное умиление.

— Положительно нет отбою, голубчик Алексей Иванович. — жаловался он приятелю, тихо смеясь, — не знаю Алексей Иванович, чему приписать?

И вдруг опять письмо — два письма.

Подписи, как и в первый раз, неразборчивые, но можно было легко догадаться:

конечно, одно письмо писала докторша Кулигина!
другое письмо писала балерина Петровская!

И Кулигина и Петровская вызывали Антона Петровича на свидание к памятнику Екатерины.

И одно горе: и докторша и балерина назначали час совсем неподходящий.

Однако, большой был соблазн уйти со службы не вóвремя!

И так и этак раздумывал Антон Петрович и все-таки не решился.

И притом же такое невероятное совпадение: и докторша и балерина обе, само собой не сговариваясь, поджидали его в одно и то же время и на одном и том же месте.

Нет, это уж невозможно!

Так Антон Петрович и не пошел.

Но его любовная мысль до крайности взбудоражилась.

С трепетом проходил Будылин мимо памятника Екатерины.

Он не рашался поднять глаза:

ему мерещилась и докторша Кулигина и балерина Петровская — и докторша и балерина, как екатеринские вельможи, унизывали памятник одновременно и там, и там, и там — —

Докторша Кулигина, и хоть очень ученая, но в привлекательности отказать ей никак нельзя; а балерина Петровская когда-то, возможно, очень привлекательная, но в таком уж преклонном возрасте — пятидесятилетний юбилей отпраздновала! — лет двадцать, как совсем не танцевала.

За то балерина — одно это имя «балерина» волновало Будылина пуще всяких докторш!

На докторше Кулигиной можно было бы жениться. —

А с балериной Петровской — так: ну, быть коротко знакомым, и чтобы все говорили, что у Антона Петровича Будылина есть балерина или «Антон Петрович Будылин подцепил балерину!».

И притом же — и это как правило — все высокопоставленные лица испокон веков обзаводились балериной.

— В такой вот шляпе, как на картинках! — Антон Петрович мечтал вслух.

И уверившись в своих высокопоставленных правах, не раз приставал он к Баланцеву повести в гости к докторше Кулигиной —

но Баланцев чего-то увиливал.

И одно было объяснение:

«Баланцев ревнует!».

— Баланцев ревнует! — решил Антон Петрович.

И это еще больше подбавило жару.

И тут произошел еще и один случай и тоже в роде турецкого и уж окончательно закружил Будылина.

Послал Будылин Овсевну на почту: задумал заказное письмо отправить — «в Кострому» археологу Ивану Александровичу Рязановскому».

С Рязановским познакомился Будылин через Баланцева, когда знаменитый костромской археолог или, как сам любил называть себя покойный «некое ископаемое в лисичьей шубе», возвратясь из Швеции, где искал документов Смутного времени, жил в Петербурге на Лиговке в Версале. У Рязановского в богатейшем его костромском древлехранилище на Царевской

были и самые настоящие Петровские документы, — этих-то заветных документов и добивался Антон Петрович:

«хоть временно, хоть глазком посмотреть!».

Овсевна росписку с почты принесла, а денег за марку не заплатила.

— Не взяли, — сказала старуха, — должно не полагается. Конечно, старуха Овсевна что-нибудь напутала!

Обязательно надо было выяснить:

«а то еще подумает, нарочно не приклеил марки!»

Антон Петрович написал письмо на почту, вложил марок на четырнадцать копеек и сам пошел опустить в ящик.

А дня через два получился ответ — открытка «с многоточиями».

Известно, если мужчина в письме многоточит, это означает бессилие, а в дамском — читай совсем наоборот — тут за точкой и намёк и обещание.

«Многоточие у дам — это в роде птичьего приседа перед куром!» — так, припоминается, выразился кто-то из французских философов, чуть ли не сам «всемирно известнейший» Яша Шрейбер.

«благодарю за присланные на письмо марки. В том вы не виноваты. Моя рассеянность тому причиной. Но ведь должна быть причина рассеянности!?... Ну, скажем, хотя бы усталость... Вы великодушны к рассеянности женщины? Приходите в наше отделение, угадайте только в нашу смену и узнайте меня, хотите? Я занята в понедельник утро, вторник вечером и т. д., через день вечер. Мое имя Александра Петровна Сушкова. Итак мы поменялись именами. Я хочу знать вас лично, и знать, свободны ли вы? Пока прощайте, неизвестная вам...

— Да, — сказал сам себе Антон Петрович, сам же себе удивляясь, — да, подлинно, отбою нет!..

Конечно, он великодушен, и, конечно, свободен, как никто!

Но показаться на почту, познакомиться с рассеянной Александрой Петровной Сушковой, чего-то ему все-таки неловко.

Антон Петрович просто боялся разочаровать Александру Петровну.

Ведь, на месте бритых ничшенианских усов вылезли у него какие-то чорт знает, не то тараканьи, не то еще каких гадов, притом же какими-то прутиками, шевелящимся при всяком причмокивании.

А находясь в любовном восхищении, Будылин помимо воли то-и-дело, что губой чмокал.

Будылин боялся разочаровать Александру Петровну, но любопытство разбирало.

И чем бы все это кончилось, а может, и повезло бы:

ведь, столько мечтающих пристроиться!

И не такая рухлядь, а и самая последняя мочалка в штанах могла держаться гордо — не она, мочалка, а в ней, в мочалке, была нужда.

Антон Петрович, пораздумав, решился-таки итти вечером в четверг.

А в среду, когда он мечтал о свидании с Александрой Петровной, а свидание это должно было кончиться, само собой, успешно, неожиданно явился Баланцев:

«итти вместе к докторше Кулигиной!».

Антон Петрович заупрямился — очень уж, во-первых, сразу, очень неожиданно. — Но под разговорами Баланцева размяк.

— Чем же все кончится, Алексей Иванович?

— Ничем, ровно ничем, — Баланцев как-будто даже удивился такому вопросу: «чем кончится?» — предупреждаю, про любовные письма ни слова, это неудобно. Лучше расскажите что-нибудь таинственное: из Гоффмана что ли? Про «Песочного человека». —

— Плохо что-то припоминаю, — сказал Антон Петрович.

— Ну, из Бальзака. Помните, такой рассказ из итальянской жизни, про актеров: еще главная-то актриса оказалась мужчиной?

— Это неудобно, — чмокнул Антон Петрович, — совсем неудобно: еще примут на свой счет, неудобно. Я лучше уж расскажу из «Дочери шотландского лекаря», про царицу Савскую.

На «царице Савской» и порешили.
Вальтер-Скотт в устах Будылина очарует кого хочешь!

* *
*

Зима кончалась под знаком «докторши и балерины».
И без толку.

Всякий раз, как с Баланцевым таскался Будылин к докторше Кулигиной, всякий раз обязательно на другой же день получались письма.

Но что-ж из этих писем?

Решающего ровно ничего.

И как всегда, и на этот раз решила судьба.

Слегла старуха Овсевна: замучилась совсем старуха своим ужасным кашлем. Пришла тетку проведать племянница Нюшка и осталась у Будылина.

И с того вечера, как Нюшка заночевала на кухне, мысли Антона Петровича направились по-другому.

С каждой встречей он стал вглядываться в Нюшку, и чем зорче глядел в ее зверскую рожу, тем больше, казалось ему, отвечала она всем его требованиям.

А во сне снились ему ноги, такие неожиданные, как у той барышни в медвежьем писчебумажном магазине Дёллен, — в сером пуховом паголинке.

И вдруг совсем ясно сказал себе Антон Петрович, так и выговорил, что решил жениться, а жениться именно на Нюшке.

Довольно ему в самом деле хорошиться, пора и честь знать.

«Пить ему чай с Нюшкой, ничего не хотеть, ни о чем не думать!».

Жить они будут тихо: Нюшка будет жрать пирожные и все у них будет.

— А старуху к чорту!

Антон Петрович грозил брандмаеру, другу своему поверенному и вот уж молчаливому, подлинно, как могила.

Хоть под конец жизни хотелось ему простой тихой жизни.

— На лоне природы!

Антон Петрович чмокал, подмигивал все тому же бесчувственному своему каменному другу.

«А ну, их, — и докторшу и балерину!».

Он может совсем не заботиться о своем костюме, не надо ему никаких и шнуровых ботинок.

А Нюшке он купит большую шляпку, как у балерины Петровской!

Ему надоела, измучила его эта жизнь со всякими требованиями:

«ведь, уж столько времени он должен чего-то добиваться, беспокоиться, подлаживаться».

А он не хочет больше — не желает!

Нет, новую начнет он жизнь.

— На лоне природы!

Антон Петрович чмокал, подмигивал другу, причмокивал:

— На лоне природы!

О согласии Нюшки не было вопроса.

Само собой, Нюшка будет только рада или так, что сердцем-то, пожалуй, она никак не отзовется. Ей чего? Ни места искать! Будет Нюшка и на кухне и в комнатах полная хозяйка:

«ешь, пей и спи, сколько влезет!».

Антон Петрович открылся Баланцеву.

Баланцев сразу ровно бы ничего и не понял.

Очень отдаленно начал Антон Петрович и туманно:

сначала о гностике Василиде — «о бесстрастном отдыхе от муки существования с его вечным гнётом хотения и воли» —

потом о Руссо и про «лоно природы», — а потом уж о решении жениться на Нюшке.

— Алексей Иванович, вы понимаете, мне все надоело! Как перед Богом скажу вам: хочется мне ничего не желать, ни о чем не думать, — на лоне природы!

Что мог ответить Баланцев?

Неприглядная жизнь приятеля вопияла не то хрюком свиначьим, не то со креста воплем души, обреченной на крестное существование, «с вечным гнётом хотения и воли».

— Значит, судьба, Антон Петрович.

Что же еще скажешь!

И было решено: не откладывать в долгий ящик, на Красную горку играть свадьбу —

«Антон Петрович Будылин и Анна Семеновна Пу-
гавкина!».

*

* * *

Задорский только и мог забивать себя работой и работал действительно до-упаду.

Он ясно сознавал, что ему «не под силу» была бы жизнь с Машей, и хорошо, что так все произошло:

они расстались.

— Да, не под силу!

Но своей работой совсем от себя, от своего чувства, он не мог оградиться.

Без Маши было пусто. Раньше он как-то и дело-то свое делал для нее: «придет, расскажет ей». А теперь одни каторжные будни —

«и жить не интересно!»

И вдруг память о Маше пробуждалась со страшной силой: мстила ему за все часы его забвения.

И в такие раскаленные минуты ему ничего не хотелось, только —

«только бы вернуть!».

Если бы он был пьяница, он напивался бы до бесчувствия в такие минуты.

Но что-нибудь сделать — как-нибудь передать Маше о этой своей мстительной памяти, — у него не хватало воли.

Работа его давила.

И все часы его были разобраны.

Какой-нибудь особенный случай тащил его к делу: он ехал в больницу. Или принимал у себя, пока не застило в глазах, и он не разбирал слов.

Так всякий день — так прожил он зиму.

И когда повеяло весной, пробудилась и память о первой встрече, о первых свиданиях, он так и скорчился весь —

нет, он больше не мог схорониться от своей мстительной памяти и никаким уж делом ему не оградить себя!

Если бы Мапа позвонила ему, — он все бы бросил, все свое дело, он сейчас же бы приехал куда-угодно.

Он на все согласен, — ему ничего не надо!

«он будет только смотреть и молить о любви».

3.

Последние дни прожил Тимофеев той самой собаченкой, которую, помните, ребятишки, играя в дикую игру, тащут топить —

И отбивается собаченка и говорит по-собачьи, как с взрослыми:

«Что это вы, ребята, затеяли: топить! Ну потопите меня, и не с кем будет играть вам. Бросьте!».

А ребятишки весело с криком и визгом, с загорающимися глазёнками знай себе тащут. —

И несчастная понимает, что дело пропало, — и перестала упираться, повыла — никто не услышал! —

и шла к речке молча, только глядела:

«За что это мне?».

Поледные дни прожил Тимофеев отчаянно, как эта несчастная, попавшаяся в какую-то дикую игру, собачонка.

Всякий день было так:

«или ему быть или пропасть».

Всякую минуту могло случиться, и про это так страшно было сказать себе: Мапа — — Мапа в исступлении отчаяния своего не выдержит и что-нибудь такое сделает над собой!

Бойцовские деньги подходили к концу.

А тут как на грех: слез с трамвая, задумался, хотел билет разорвать, а разорвал пятирублевку.

И все-то неудачи.

Пошел наниматься в контору на Морскую и выходило все благоприятно, да видно, справились на старом месте —

и «решительно» отказали.

И даже в кандидаты записать отказались.

Отчаяние петель захлёстывало.

Когда схватит за сердце и станет тесно в доме, хочется на волю, и выходишь — — и не воздухом развеять боль, —

а еще больше растравить себя!

Комнатных стен твоих мало, надо на-люди — к этим движущимся грозящим стенам.

Вот и выходишь — —

Никто ничего не видит, никто ничего не чувствует, а те, кто смотрит и видит — не верят.

И где же найти милосердие — какими жгучими словами или каким кровавым хлывом надо хлестнуть по окаменелому сердцу и пробудить в мире и самое малое участие в человеке к человеку!

Тимофеев тогда ничего не сказал Маше о своей неудаче с местом, боялся еще больше расстроить, и когда выпала тихая минута, он вышел на волю.

Он дошел до Гостинного двора.

Сзади шмыгая, все кто-то словно хотел его обогнать — так показалось ему — и это его забеспокоило и он ускорил шаги.

А тот не отстает — тоже заторопился.

И вот не вытерпел — крепко двинул плечом и оглянулся:

а никто и не думал обгонять его, а толкнул он какую-то женщину, глазающую на витрину.

«Что же это такое, ни за что человека толкнул!»

И Тимофеев пошел виновато.

В проезде выставлены были игрушки.

Не покупать, а только посмотреть толкнуло его. Ему померещилось: висит деревянная лисица — палочки такие раздвигаются —

«У лисы бал»

Подошел он поближе: рассмотреть хорошенько.

— Что вам? — огрызнулся приказчик.

И тут увидел Тимофеев, что это совсем не лисица, а висели солдатики — тоже такие палочки, игрушка.

— А там на палочках лисицы у вас нет? «у лисы бал?»

— Нет, — сурово ответил приказчик.

— А может, была? Лисица на палочках?

— Нет у нас никаких лисицев!

Так и сказал «лисицев» — и что-то важное и грозное в этом «еф» прозвучало.

Приказчик отошел, искоса посматривая на странного покупателя и подозрительно.

Тимофеев вышел из Гостинного и пошел назад по тротуару. Около ларька, загораживая дорогу, возились, ребятишки:

один другого цапнул, тот в долгу не остался, и пошла потасовка.

Грубо он отпихнул кого-то — и хорошо еще, что тот отскочил, а будь послабее, так и ткнулся бы в камень! — и, совсем уничтоженный, заспешил домой.

А сзади смеялись:

— С ребятишками полез в драку: хорош гусь!

«Что же это я? Зачем это я?» — и стыдом заливало его сердце, как и тогда, как ни с того, ни с чего толкнул женщину у витрины.

А в душе кипело.

Сорвать сердце — крикнуть, как ударить, чтобы вывести из души все ее крики, все бессильные угрозы.

И уж смириться.

— Смириться?

Надрываясь, шел Тимофеев домой — в железную тьму.

С утомлением и от последней истерзанности в душе затихло.

Готовность ко всему открывалась в сердце.

И он покорно просил:

«пусть бы все на него упало — на одного, один он и примет всю муку!»

И в чем-то тайном винился.

Ему казалось, что еще день, другой и тогда что-то докажут против него, какую-то тяжкую его вину, которую он не помнит — забыл за днями! — но чувствует, что виновен.

И он повинится во всем и понесет наказание —

«начнет новую жизнь».

Забывая вина, в которой уличат его, эта вина, в которой повинится он, выпустит его из этой железной клетки.

Но какая была эта вина; в чем, перед кем и когда провинился он?

* *
*

Маша глянула так, как давно уж не глядела.

— Знаешь, папочка, какой мне сегодня сон снился!

— Что же тебе снилось?

Тимофеев даже обробел.

— К нам пришел Алексей Иванович, — рассказывала Маша, — а живем мы в двухэтажном доме во втором этаже. «Знаете, говорю я, какой сегодня мне сон снился! Приехала я будто домой, иду по саду и встречаю няньку Ильишну покойницу. «Здравствуй, говорю, нянечка!» «Здравствуй!» И поцеловались. «А знаешь, говорит она, какой мне сон снился!» «Какой, нянечка?» Рядом плечо-в-плечо идем по саду. «А снилась мне Матерь Божия и говорит она мне: «А какой у нас новый снежок выпал!»

И Тимофеев повторил за Машей:

— Новый снежок выпал —

И белый тихий, как снег, сошел свет.

И стало в доме тихо, как давно не бывало.

Или помирилось в ее немирной душе?

Или оттого, что повеяло весной?

— Хочешь, Маша, пойдем на острова! Там весна.

— Мне больше никуда не хочется.

И Маша пошла к себе — в свою комнату.

И долго там перебирала на своем столе: вынет из шкатулки письма и опять положит, тоже и любимые камушки, — а одно письмо долго держала в руках —

или расставаться не хотелось? а надо —

И вдруг горьким плачем заплакала.

— Неужто всегда так? — бился плач ее.

И слезы — огонь плавучий.

Эти слезы подождли весь мир с весной, что веяла на воле, и с белым тихим снежком, что приснился в ночь.

И опять затаилось в доме, но не как по утрам — другая тишина: свинцовая.

Выждав минуту, тихонько заговорил Тимофеев:

— Решил я: напишу еще раз Бойцову. Денег у нас, деточка, совсем нету. Я все напишу. И поедем куда-нибудь.

— Поедем.

— В Рим, на старую землю, — обрадовался он ее кроткому ответу, — как-нибудь проживем.

— Мне все равно! — резко сказала она.

И вдруг вся изменилась.

4.

Вечером вышел Баланцев пройтись по Каменноостровскому.

С тихим пливом вспоминалась ему его прошлая жизнь.

Он не роптал, что все так вышло — «погубилось его счастье», — не винил никого, ни себя, не жену, и на судьбу не пенял.

— Значит, так написано, и дело с концом!

И в такие минуты наплывшей тоски затаивался он и тихим становился, словно бы и нет его и не было на свете.

А в мыслях проходили все неодинокие его годы.

И как мог он так мало ценить свое счастье!

И почему никого не нашлось, кто бы попрекнул его в его счастья, чтобы почувствовать и уцепиться.

Или все равно, и хоть бы весь мир кричал ему и сам он зубами держался за это свое счастье, счастье ушло бы —

должно было уйти.

— Значит, так написано, и делу конец.

И этот плив тоски, вдруг подымавшейся и падавшей на сердце, — «невозможность! бесповоротность! судьба!» — и собирали все существо его в какой-то комочек.

Есть вещи, которых при усилении можно добиться и взять, как бы они ни были недоступны —

но есть и невозможное, чего не вернуть и никак не создать.

То, что жена его полюбила другого и ему пришлось покориться, — это ни от кого не зависело: ни от него, ни от нее.

— Так, значит, написано.

И никакого обмана не было: она, полюбив другого, не могла оставаться с ним, и первая же сказала ему со всей беспощадностью своего нового чувства, что ошиблась, и по-настоящему его никогда не любила, а любит другого.

И он покорился.

— Так, значит, написано.

Но позабыть-то невозможно.

И в этой памяти все.

Солнце, подсушившее нарядный Каменноостровский обратило в невылазное месиво с лужами и колдобинами задворки — боковые улицы.

Без калош Баланцев напрыгался, пока дошел до угла.

Надобно было перейти на ту сторону.

И стал было он приноравливаться, — как бы этак лужу сбойти! А тут как раз идет трамвай —

Баланцев приостановился.

И слышит: закричал кто-то —

даже сердце ёкнуло.

«Кто-то попал!» — подумалось ему и с тревогой и с тем любопытством, какое испытывает человек к беде существа живого, человека или собаки, все равно.

Трамвай остановился.

И все, кто слышал крик, и кто ничего не слышал, побежали смотреть:

«кого раздавило?»

— Слава Богу, успел затормозить! — сказал кто-то.

— Только лицо оцарапало.

— Молодая еще. Барышня.

— Жизни-то, видно, не жалко.

Всякий выражался по-своему, но у всех было одно чувство —

«Бог пронес!»

— Слава Богу, успел затормозить!

Баланцев хотел было посмотреть, кого это, кто этот помиланный, да непросохшая лужа, как море, у него под ногами.

И он только прислушивался, всматриваясь в кучку обжавшихся на чужую беду.

Зеленый весенний вечер проникался дымными сумерками.
Холоднело болотным холодом — петербургским.
Белые фонари зажигались.

Какой-то господин в мягкой измятой шляпе — от белых фонарей очень бледный белый — усаживал на извозчика барышню:

она была в черном и шляпа черная, лица не разглядишь.

И, усадив, обнял ее, отбивающуюся.

И поехали.

Народ отхлынул.

Трамвай с уверенным звоном — дорогу! дорогу! — уверенно покатил в Новую Деревню.

Расходиться не собирались.

В белом фартуке приказчик из колбасной объяснял любопытным, что барышня — это дочь, а повез ее — отец:

хотела броситься у Аквариума, да отец удержал.

— Отец-то следил за ней. А вырвалась — не уследишь! — и вот здесь лицом прямо на рельсы так и ткнулась.

Баланцев благополучно перешел лужу и пошел вниз по Каменноостровскому.

«Лицом прямо на рельсы ткнулась!» — повторялось, как врезанное.

Он нет-нет да оглядывался.

Какое-то беспокойство охватило его.

Что-то припомнить хотел. И совсем уж оно поддавалось и вдруг ныряло в беспмятство:

отец, усаживающий дочь, господин в мягкой шляпе,
до того ему напомнили —

«Лицом прямо на рельсы ткнулась!»

Баланцев остановился.

— «Булочная Пекарь!» — прочитал вывеску и подумал:
— «очень вкусный хлеб с е м е й н ы й!»

— Да ведь это Тимофеев и Маша! — вдруг врезалось словом.

И словно хлеснуло его.

Он бросился бежать —

А и бежать-то ему некуда:

за извозчиком? — «в другую сторону поехал извозчик!»

на старую квартиру к Тимофеевым? —

«давно на другую переехали!»

Зеленый свет весенний растворялся в глубоких сумерках белой ночи.

Лиц не разобрать.

Все сливала ночь — и ночь и отчаяние — все лица в одно лицо.

И какое это было лицо: и жестокое и непреклонное —

на огромном коротконогом туловище с болтающимися отвислыми сосками.

И не говорило, а гавкало — —

Добежал Баланцев до Троицкого моста.

А оно все тянется, переваливаясь, коротконогое, волоча по камням отвислые соски.

И никогда не кончится — не завьется хряпким тоненьким хвостиком.

И никуда от него не уйти.

— Разве в Неву?

Гордая текла Нева, усмехалась на жалкого злого поползня.

Что ж, она всякого примет, а потом и выпвырнет — осклизлое пучеглазое мясо:

«не надо оно ей, не камушки!»

На пустынном Марсовом поле очутился Баланцев.

И был кругом один на пустынном поле.

И против Марс — «разделяющий» — высоко стоял один чугунный с чугунным копьём.

* * *

*

Чугуном раздавленный вернулся домой Баландцев.

Бедою всей жизни — всех жизней всего мира переполнилась его душа —

«или ничего не поправишь и ничем не поможешь?»

«и никому нет дела ни до кого?»

— Царь жестоковыйный! — шептал он из своего угла с Малой Моцетной весеннему небу разливающейся белой ночи от занывшего распятого сердца последним словом осужденного на вечную муку.

— Царь жестоковыйный, царь судеб мира, разум неисследимый, всемогущая воля! за что бросил меня и их всех, горюющих на земле, в ров львиный? За какую веру или за какое послушание? Три отрока кинуты были в печь, Даниил в ров за свою веру, прародители, первые люди на земле, брошены были на бесплодную землю — за свою вольность! Они знали свою вину — —

я — я ничего не знаю!

как дурак торчу во рву — в канаве плачущей и дураком несущее наказание. И вот эти все — вон те и те, все это ползучее на коротких ногах с лицом жестоким, и те — и Будылин и Тимофеев и Маша и Задорский и Овсевна, и они ничего не знают — —

и знает ли кто?

нет, тайна Твоего гнева, а может, не гнева, а милости Твоей к нам, канавным, закрыта для нас, запечатана и никому не откроется. А если другой и скажет, будто что-то узнал — «в утешение» скажет. А мы, дураки, и поверим. Без веры, что нагишом, и от стыда сгоришь да и замерзнешь. Грешен, я и сам выдумывал всякую небыль в утешение себе, когда моих сил больше не стало выносить канавное заключение. Во рву львином, Ты про это и сам хорошо знаешь, Ты все знаешь, ведь око Твое недремно, проникает всюду всякую пылинку, Ты знаешь, в нашей канаве плачущей все мы устраиваемся, кто как может, по талантам, отпущенным каждому Тобой же, по таланту своей судьбы. И первое в нашей жизни — надо так изловчиться, чтобы дом себе построить с крепкой кровлей да надпись написать на воротах для пущей верности, что, мол, твой это дом, — тебе принадлежит. А построив дом и укрепив его,

заглуши ты в себе совесть, истопчи ее, если можно, с корнем выдерни из своего сердца, оглуши и оледени свое сердце. И тогда — ничего, еще кое-как можно — и во рву можно. Бедь, только бессовестье спасала и спасает нас от отчаяния, то полетит твой дом к чорту — никакие столбы и самые крепкие и самые надежные ни по чем не выдержат. И ходи тогда с ручкой, проси милостыню: «добрые люди, не сжалятся ли кто, не приютит ли ночь переждать?»

а никому нет дела ни до кого!

и беда твоя так и останется — так и пойдешь с протянутой рукой. Назойливы эти попрошатели, навязчивы эти собаки! — а за то и собаки на них злы. И, конечно, ты же сам во всем и виноват останешься. И по делом тебе: чего дурака валял, не зевай! Хочешь во рву жизнь прожить, хочешь в канаве устроиться, живи, только брось эту дурь — совесть дурацкую! Совесть, что вино, а с вином дела не очень много сделаешь, да и не уйти далеко. И опять вот грех: как вино никак не выведешь, запрещай не запрещай — ни-чего! так и совести не погасишь — ты ее залил и успокоился, а она, как на зло, возьмет и вспыхнет да таким огнем — — Искалечит, калекой пустит по миру: и голова цела и руки-ноги в исправности, а тут вот — калека! Да про все это, слышишь ли, да Ты все слышишь! — слышишь ли, и малые дети нынче знают. И надо сказать правду, в нашем канавном углу нашего львиного века укрепилось-таки осповательно бессовестье. И даже в цвете духа, вон на тех ступеньках, куда нам простым и обыкновенным — дуракам! — никак уж не залезть, оно и туда на вершину духа червячком проползло и точит — честолюбием, завистью и черствостью — —

и уж правды, как ног у змеи, ни по чем не найти!

ну, и жили ничего, не так чтобы очень, а все-таки — от-дня-ко-дню, от-года-до-году, ничего поскрипываем. Тесно у нас, во рву-то, в канаве нашей, места порожнего не отыщешь. И теснота наша кишит такими лжами, такими скрытыми — у свежего человека от духоты голова закружится. А мы свыкаемся. Правда, мутит иногда, и зелень в глазах — —

«Господи, хоть бы форточку открыть, высунуться и разок глотнуть воздух!»

а форточки-то все замазаны — иначе нельзя! — да по замазке еще и бумагой на молоке заклеены. А не замазаны которые, все равно, так набухли от сырости, что разве кулаком высадить. И другой раз так подойдет, ей Богу, высадил бы, и опять грех: сил нету — сил нет да и страшно — —

— Царь жестоковыйный, за что Ты меня бросил в это канавное житие? С моим недугом, с моей болью, с моей мукой, с внезапностями, со случайностями, со всею тревогой, с моей тоской жарчайшей? Или это Твоя милость ко мне особенная, и Твое око, проникающее все и последнюю песчинку, Твой глаз обращен ко мне?

и я один — и я за всех?

нет, я не достоин этого, не могу: жалок от рождения моего, я персть исперстная, и никому ничего от меня. Не припомню, какое добро я сделал, утешил кого или зло было от меня, кого оскорбил я больно?

пустое место после меня!

и пусть бы покинутый Тобой, забытый Тобой, во кромешной тьме моего духа — в круге тягчайшего наказания Твоего, болтался б я по ветру, как клочек бумажки где-нибудь на топучих задворках, ни о чем не тужа, ничего не жалея: куда ветер, туда и меня. Господи, Твоя милость уж очень жестокая, она непосильна мне, и око Твое, как огонь. Буду все говорить — кому же и сказать? У меня нет никого — —

и я один — и я за всех.

вот иду я, и тоска на меня нахлывает о каких-то днях неканавных, о каком-то времени не плачужном, и, как волчок, завертелся б я от моей тоски жарчайшей, а иду, как шел. И никому в голову не придет, что такое там у меня, с моей душой, и какое несу сердце — жалок, ничтожен, а глаза, не моргая уставлены со всей силой, но и напряженные до боли, мои глаза ничего-то не видят, ничего не проникают — улица, дома, прохожие, все тоже, что и всегда —

откуда же эта тоска?

откуда память-нездешняя?

или это Твои слуги, вестники, посланные Тобой, как Твоя ко

мне милость, они окружили меня и нашептывают мне о том, чего я никогда не узнаю, никогда не увижу здесь, в этой-то — в моей канавной жизни — во рву?

— Царь жестоковейный, царь жесточайший, никому не придумать такой пытки, ни такой муки, как нас тут изводят! Страда наша канавная по-истине равна адовой муки:

вложить в сердце тоску, окрылить ум и бросить в канаву!

не в наказание, знаю, а в милость. И не в моготу нам милость Твоя, Господи —

слышишь ли!

и скажу я, против этой Твоей жестокой милости есть одно средство: обессовеститься и топтать ради собственного своего покоя, кого попало. А есть и еще: взять всю Судьбу Твою и со всеми таланами судьбы своей отбросить к чорту —

свою сделать судьбу себе!

смердную канаву — ров львиный — обратить в цветущий сад. Вот этими руками, разумом и мудростью, данными Тобой —

Твое обратить против Тебя!

или не выйдет? А почему?

да потому — — все равно, пропащее дело!

и первое, потому что люди, брошенные в ров львиный, шалеют от беды, от неподъемных трудов, от духоты и тесноты, — а с опалелым какое может быть дело? Одному нельзя, невозможно, надо сообща сад-то этот садить во рву на дне! А сколько кроме шалых — зачумленных бедою, сколько еще и дураков и бестолковых на белом свете! Да лучше с последним негодяем, вытравившим в своем сердце всякий след совести, лучше с наглейшим мерзавцем, по крайней мере яено и без обольщений, но с добродушнейшими и по-бабьи злым идиотом — — А таких — полмира. И с такой блаженной оравой, с таким идиотским столплением не овладеть ни одному вождю — ни демону, ни ангелу — эти идиоты непременно полезут, куда их не просят, и испортят всякое дело в самом же его начале путаницей своей и бессмысленным, бездумным шатавием.

Или никогда не удастся людям и самым смелым сбросить с себя судьбинное иго — начать по своему жизнь по воле не Твоей, а по своей по собственной?

какого рожна, в самом деле, если один какой одаренный разумом и мудростью на свой страх начнет ковать свою судьбу и того смрадного уголка канавы, где живем мы все! Ну, пускай только начнет, да та же идиотская мошкора заест его — и ничего не останется: от гордых дел один прах, который еще и огадят, а от самовольника белый гремячий скелет с ощеренной пастью и пустыми упречными ямами на месте смелых разумных светящихся глаз. «Эй, выходи, сажай свой сад, посмотрим, какой такой сад!» — —

нет, пропащее дело!

но ведь, что-нибудь да надо делать: жизнь-то канавная — невыносимая! Или так только ползти и ползти на волю Божью? Нет, сил нету больше. И вот, чтобы как-нибудь да устроиться в тесноте и тьме канавной, люди исхитрились — отыскивали всякие обходные тропки. Бессовестье и ложь положены человеком за правило жизни: трижды ложь и сорок раз «Господи помилуй!» трижды ложь и сорок высоких человеколюбивейших и обещающих слов, за которыми — ровно ничего. И ничего — потихонечку всякий доживал до своего предела. Ну, а против досадной «случайности» ничего уж не поделаешь, рождн, кагут — —

Господи, мне вдруг все так ясно, жизнь всю я вижу человеческую до последнего человека!

и чего ж это люди-то, «человецы на земле», канавные рабы, невольники Твоей всемогущей судьбы, зачем еще тянут они свои дни в тесноте и полном неведении: откуда и за что они выносят болезни, терпят беды, «случайности», опасности и, наконец, весь тот труд — простые дни существования своего с жестокой погоней за хлебом насущным? В какие дома я ни входил, в какие углы ни заглядывал, везде одно и то же:

тягота какая-то всем — и собой и другими!

соберутся в праздник гости — или говорят о выеденном яйце или из газет, осуждают, льстят и лгут, лгут, лгут, и одно только спасает — корм, а если нет и корма, все покроет — жалоба —

какая пустота и жуть от пустоты глухой канавы!

вот вышли из ворот: «Пойти, пройтись!» А я подумал вслед: «Эка, сладко видно в комнате, коли потянуло гулять в такой

мороз!» И вспомнил всю смертную скуку и всю тяготу жилых, осклизлых от нужников, застенных жилищ — —

зачем же тянут люди скучнейшее подневольное
жительство свое да еще с болезнями, бедами, напастями?

Что же их держит во рву — в канаве плачущей?

неужто рабий страх? — как поставили, ни с места! Или страх
загробных снов — ?

загробных снов — — ? Да уж чего страшнее эта
сама явственнейшая явь — жизнь канавы, не при-
думать страшнее!

и все равно, никто ведь не знает своего часа. Все не в нашей
власти: как прикажут и распорядятся, так и будет. А ты не
смей и пикнуть! Тебя не спросят — !

чего же медлить? Ждать? Раз — и готово, вот Тебе и
власть!

а может, и это по Твоей воле, и тут — Твоя судьба, и моя рука
— раба Твоей руки? И от Тебя никуда не скроешься?

но все равно, я не хочу больше терпеть —

а нет, канава кишит, ползет — танцует, покорная, рабья под
кулаком, под плетью — —

так что ж, что же держит в этом смраде и духоте и
беде несносной?

или люди так тупы и корм для них все? И пересуды, лесть и
ложь, ложь, ложь — скука — ложь — плевать! Или беспам-
ятны: смазали, утерся, позабыл; попался, ткнули, поджило,
валяй сначала! Или такая душевная мелкость, такая скудость
духа, бездушье, безголосье, слепота — ?

или я не прав?

и все не так?

и жизнь не ров — не канава?

или ров и канава, но в духоте не душно — вам не душно? — и
в смраде легко, как в чистом поле? И все это я лишь с больной
головы? И только от своей беды, от себя? А жалобы?

жалоба везде — —

есть же, стало быть, лапа какая-то и на самых заядлых сторо-
жил нашей канавы, возроптавших бы, если бы какой благоде-

тель вздумал вывести всех нас из этого львиного рва — из смрадной канавы в чистое поле? А раз есть и будет вечно жалоба —

ну, я не о всех, не за всех!

и при всей жесточайшей милости Твоей, какая изливается на меня, за всех не смею говорить, я только за себя! —

что же удерживает тебя-то самого быть на белом свете? какая такая приманка, если так безнадежно в тесноте и беде канавной?

— — — — —
а идешь по улице среди каменных домов, скованный камнем вместе с улицей, и вдруг солнце — — и так оно засветит и с чего-то на душе так вдруг радостно станет, идешь, и ничего уж не чувствуешь, все позабыл —

и только свое сердце, все существо
свое образование!

или осенью, когда желтые палые листья несет ветер по тротуару, а там — догарают заря — — и опять точно схватит —

и какая-то радость пронзит душу!

или зимним днем заскрипит снежок — заметет метель — блеснет от фонаря снежинка — — и как огонь обожжет душу —

и все твое существо заиграет от счастья!

или в грозу, когда ломится небо — — или, что тоже, как задумаешь исполнить большую задачу и горами катаешь, вот-вот раздавит, вот сорвешься — — а на сердце тоненький лучик —

и опять играет сердце!

и снова тьма и боль и тревога и —

жалоба!

или еще: улыбнется ли кто — так случайно; или заговорит — донесет отдельное слово; или нечаянно взглянет кто — — и от этого взгляда, от этого голоса, от этой улыбки, как перевернет всю душу, и окутает такую небесную негой —

все позабудешь, всю черноту и страх и боль и жалобу и благословишь, трижды благословишь судьбу!

что это? откуда?

никто ничего не знает! и узнает ли?

или это ангелы Божии сходят в наш ров — и очи их горят в солнце, переливаются в желтых листьях, а в скрипе снега чутся их голоса, а в снежинке блестят их белые крылья, а в ломающейся грозе шум небесного полета, а в громе скатывающихся гор крепость духа — «святой Боже, святой крепкий!» — и их это свет в скользнувшем взгляде, в нечаянной улыбке, и их это зов в случайно зазвучавшем голосе —

— Царь жестоковыйный, терплю и смиряюсь — — эти дары Твои, минуты озарения, эта моя радость —

ради этих минут мы живем, я живу, все потерявший, живет и будет жить Маша с своим отчаянием, и все, кто прихлопнут бедой, и все, кто ранен, все, кому не мил свет, и последняя желанная надежда — смерть.

— Царь жесточайший, только ради этих огненных минут мы все и выносим и боль и беду и болезнь и обиду и клевету. Только потому и кипит канава —

и скажу еще: как ни люто во рву львином и лучше бы вовсе не быть никогда на свете, а как вспомнишь — — и благословишь!

и как бы ни было невыносимо в канаве, где живем мы дураками — ведь, никто, никто-то по истинной по правде ровно ничего не знает, за что все это, за какую веру или за какую вольность? — а и дураками, а будем жить. Милость Твоя жестока, а дары Твои —

премудрые и милосердные они веют орошающим светом, как веяли первому человеку в его унижение на трудной земле, а звездами — нахлывной тоской — пробуждают память — —

от всего моего сердца говорю я, от всей беды моей и беды других, за кем следил в жизни —

звезды! — я вижу, зажглись звезды над нами! — и в звездах — —

во-истину: человек человеку — не стена, не бревно! человек человеку — не подлец! человек человеку — дух утешитель.

— Господи, и до чего хорошо на земле в Божьем мире'

Никогда так не бесились блудливо, как в канун кровавой расплаты.

Не знали, чего только придумать!

И танго — последнее слово обреченных — вихрем подхватив пол мира, закружило над пропастями.

Никогда не зияли пропасти так бездонно, как в канун кровавой расплаты.

Духорное ощущение в мире притупилося:

смотрели — и не видели,
слушали — и не слышали,
трогали — и не осязали,
порывались — и не чуяли.

Одно безглазое мясное выворачивалось со всеми клепками.

Крупшовские трубы без срока дымили небеса — кичела работа над железом:

загудут стальные пчелы — пьяной напьется тепло-
той холодное сердце!

А там — под зуд и стук неугомонных аэропланов собирались стаи черных умнейших птиц: как задымится на развороченной земле человечье парное мясо —

будет воронью большая пожива!

А там — под землю, треснувшей под тяжелым колосом, текли белые могильные черви, чтобы начать свою ненасытную жратву —

будет и червью праздник!

А там — ковали из серебра две великие чаши:

одна — для горчайшей тоски —
другая — для горячих слез. —

А там — Демиург скликал демиургов:

«Придите!
сотворим человека
по образу нашему и подобию!»

И медленно змей из его уст проникал в уста безобразной
косолапой мясной человечины.

А там — и вскрылил высоко над обреченной землей кара-
ющий ангел и грозный, поднял горящий факел —
и кинул на землю.

* *
*

Стозвонная Европа — родина колоколов, рыцарей и славо-
словащего камня — колыбель, Данта, Шекспира, Гёте —

я ходил по твоим каменным улицам в канун крова-
вой расплаты

Майские нарядные катанья в Париже в Елисейских полях
и какие измученные серые лица там — у подножия Святого
Сердца — жалкий приют измызганной в постоянном труде бед-
ноты и беспросветно.

Помню весенний прадник в благоговейно поблекшей Фло-
ренции, ее гремящие по-московским мостовые; и другое гулянье
в Париже в опустошенном Сен-Клю —

какие жалости подобные развлечения, топор дешево
разряженной толпы, какая грубь, сапог, и только что
по-русски не матерят.

Я помню воскресные скучнейшие семейные прогулки в Гру-
невальде, огоньки вечерних Берлинских кафе с бесконечной му-
зыкой и бесчисленными проститутками.

Я вижу в Вене в соборе у Сан-Стефана перед образом Бого-
родицы — какие вереницы страждущих и неумиренных: не
сводя измученных глаз с заплаканных очей, глядят.

Жажда чуда и свиное самодовольство —

мозолистые будни и убогий прадник, разряженная
отупелая сыть и надорванные усталостью и прого-
лодью лохмотья.

Стозвонная Европа — прокрикнутая биржевая глоть...

И какой это жгучий крестный вздвиг быть человеку в че-
ловеческой пустыне среди людей! —

в звериной пустыне со зверями завиднее доля.

И как это больно иметь живую душу, осененную помыслом,
быть на земле человеком! —

раком в сети завидней:

«дави любой, вырывавай хвостик!».

* * *

Россия, родина моя дичайшая, с синим скрипучим снегом
и тоскующей синью осенних сумерок, с белыми лебедями, бело-
снежным, златоверхим, краснозвонным Кремлем. —

Россия лениющая, бахвальная, юродивая и разбойная с Пу-
гачевым, Ванькой Каином, Разиным и неисчислимыми «во-
рами». —

Россия тайновидящая с видениями Достоевского и щемя-
щим сном Льва Толстого, со словом Аввакума, Гоголя и Ле-
скова —

тебя ли не помнить в канун кровавой расплаты!

Бакст — Leo Bakst — прославленный, как Дягилев, Пари-
жем, не забыл петербургские вечера в Казачьем переулке,
«обезьяньих старейшин», вспомнил в Париже Россию, свой пор-
трет Розанова, и зимой в канун войны приехал в Петербург на
побывку, и из участка — «по правожительству!» — отпущен-
ный под росписку, прямо угодил на самые верхи татуировать пе-
тербургских дам.

И заперели в парикмахерских витринах у Орлова и Жа-
рова невиданные парики: голубые, лиловые, розовые.

А там — и не знаю я, слишком уж проста ты, родина моя
несуразная, и за что тебе такая кара и такой великий грозный
вздви́т!

А там — и вскрыл высоко над обреченной землей ангел
грозный и пламенный, ударил крылом по пламенным водам без-
донного подземного озера —

и загорелась земля!

* * *

В дни объявления войны, когда в Петербурге невольная толпа
Невой хлынула на Дворцовую площадь и там, стоя на коле-

нях перед Зимним дворцом, видя в царе — образ России, всем народом клялась умереть за Россию. — —

И в первые дни революции, когда таже толпа хлынет Невой по петербургским улицам жечь царский суд — грозу неволи и несправедливости, Баланцев заплачет, как ребенок, поверив в наступление свободной жизни — в новую небывалую Россию.

А потом, в дни урыва и наскока, когда возопит дикая утроба, Баланцев покорно забьется в свой угол на Малой Мокетной:

«или такая судьба всех дел человеческих? и обещания вождей человечества устроить на земле рай — во рву беды и безглазой тьмы только мечта, только желание?».

* *
*

Доктор Задорский, призванный на войну, должен был еще в самом начале войны покинуть Петербург.

Перед отъездом он заехал к Тимофеевым проститься.

И опять, как прежде, засияло в доме.

— Знаете что, — вдруг сказала Маша, — мы больше не увидимся.

И перекрестила его в последний раз —

в последний раз просветили глаза светящиеся, как звезды, какие печальные, какие покорные — в последний раз.

Только любовь видит так ясно: и в правду — в последний раз!

не вернуться ему и никогда он не взглянет — ни на кого уж не взглянет.

* *
*

Баланцев, розыскавший Тимофеевых, вскоре после трамвайного случая на Каменноостровском, был единственным их субботним гостем.

Через Баланцева Тимофеев и на место определился, благо с мобилизацией нужда пошла на непризывных.

А когда началась революция — ведь нет на земле и не было необойденного! — и за жестокой расправой беда, голод, мор, Тимофеев, как и Баланцев, покорно принял судьбу. Никуда, конечно, не побежал, остался в Петербурге вместе со всеми — тем незаметным, но крепким камнем, на котором стоит Россия.

Маша после смерти Задорского, как освобожденная, вышла из круга своей личной судьбы и пошла «в мир». —

Она тоже не покинет Россию — родину мечты и горя.

В России во все времена — при всяких царях и владыках — жили люди, и таких многое множество. Это те камни — крепь земли, простые обыкновенные люди: от напастей никуда им не скрыться, где родились, там и смерть — всю тяжесть они и несут на себе. Кто же им-то поможет в беде — в трудных буднях незаметных, совсем негромких? — ведь, у всякого есть свое горе!

Маша сквозь всю черноту и труд жизни пронесет светоч своего умудренного бедой сердца.

* *
*

Антон Петрович не женился на Нюшке:

представьте, Нюшка не согласилась!

А жил Антон Петрович на Таврической на старой своей квартире, как и прежде. И Овсевна старуха жила на кухне, ну, совсем как прежде.

Когда объявили войну и начались всякие победы и поражения, Антон Петрович только руки потирал от удовольствия:

ведь все-то оправдывалось, как по писанному, все было необыкновенно нормально — «по-человечески».

А когда война вошла в обиход жизни, Антон Петрович заметил, что злейший его враг — национализм, кричавший во все пушечное свое горло на всех перекрестках, враг, как оказывается, совсем ничтожный, и бороться с ним только руки пачкать.

Антон Петрович убедился, что дело совсем не в национализме и не национализмом движется вся эта бойня, а той шкур-

ной выгодой, какую извлекают все, кому только ни лень из этой бойни:

«война во имя национализма оказалась выгоднейшим предприятием, особым промыслом — им питалось жестокое и увы, неразумное человечество!»

— Всю землю могли бы в парник обратить, идиоты!

Антон Петрович грозил брандмауеру, представляя себе те огромные средства, изобретательность и труд, все несметные богатства, какие ухлопали «культурные народы» на истребление этой самой культуры.

И когда в феврале в Петербурге вышли на Невский с революцией, Антон Петрович даже перекрестился:

— Грядет!

И стал зорко присматриваться:

его занимал тот кавардак, какой начинается на земле.

И смерч, взвитувший над Россией — он верил — летел на запад — —

— Как пустынное солнце! — подмигивал Антон Петрович брандмауеру.

Человек, извлекающий пользу из души и крови, выступал перед ним во всей своей наготе — бездушно, бессовестно с едой и американскими горами, —

и обойденность вопияла еще истошней и еще обнаженной лезла в глаза.

И уж с ожесточением кивал он брандмауеру:

«Родился подлецом и пусть подлец подохнет подлецом, бесстыжий человек!»

Но под жалостью, вдруг нахлывающей на него с невероятной болью, в мучительной памяти своей о каком-то мальчике Басе, забитом гимназисте, сверстнике своем, спохватываясь, он гавкал, выговаривая на злых духов и свои черные мысли последнее и единственное всеокрушающее заклинание:

«Абракзас!»

Алексей Ремизов.

Есенин.

А казалось... казалось еще вчера
Дорогие мои... дорогие... хор-рошие.

Пугачов.

Есенин сейчас самый любимый из новых русских поэтов. Причина тому не одно только свежее и сильное впечатление его смерти. Она только подчеркнула давно уже определившуюся любовь к нему читателей. Чувство вызванное его смертью не взрыв отчаяния от смерти великого поэта. Смерть Есенина не показалась ни неожиданной, ни бессмысленной. Она усилила общую любовь к нему не только потому, что всякая потеря увеличивает ценность теряемого, но и потому, что самой своей смертью Есенин как бы заслужил любви еще большей, — она оправдала и осветила его жизнь.

Чувство вызванное его смертью не похоже на чувство вызванное смертью Блока, как любовь к Есенину не похожа на любовь к Блоку. В любви к Блоку господствовало поклонение, сознание неоспоримого и удаляющего превосходства. Любовь к Есенину замешана на жалости и сострадании, на полном понимании и со-чувствии. Его любят нежней и ласковей, более по-человечески чем обыкновенно любят поэтов — слишком божественных для человеческого к ним отношения. Чувство это разделяется всеми, кроме очень немногих озлобленных, не умеющих в «большевике» расслышать человека. Не любить Есенина для русского читателя теперь, признак или слепоты, или если он зряч — какой-то несомненной моральной дефективности.

Есенин не великий поэт, не Блок, не Анненский, не Пастернак. В любви к нему есть всегда сознание равенства, соизмеримости с ним, полной дополняемости. Он «один из нас». В нашем сердце он занимает то место, которое сорок лет назад занимал Надсон. Сравнение это, я знаю, нынче звучит обидою, и я должен сразу же оговориться, что о сравнении дарований Есенина и Надсона не может быть и речи: просто Есенин был,

Надсон не был поэтом. Но их функции в общественном организме сходные. И тот и другой сосредоточили в себе, с особой убедительной для среднего современного читателя силой, все *слабости* и всю *тоску* своего поколения. Знаменателен образ смерти того и другого — чахотка Надсона и веревка Есенина. Первая символична для расслабленности, бессилия, бесплодия «восьмидесятников». Вторая — для пустоты, неприкаянности, ограбленности нашего поколения. Болезнь Надсона была болезнь силы. Болезнь Есенина — болезнь веры. Надсон не мог делать. Есенин не мог верить. Безверие корень трагедии Есенина.

Обычное, «вульгарное», представление о Есенине, как о поэте «левом» и «крестьянском» покоится на недоразумении. Ни тем, ни другим он не был. Представление о его «левизне» основано на его имажинизме. Имажинисты (помимо Есенина) не были «левыми» поэтами по той простой причине, что они не были поэтами. Имажинизм самого Есенина был, конечно, вполне органичен: зачатки его совершенно очевидны уже в первой из его книг (*Радунница* 1916). Но имажинизм как теория не так уж далек от старого доброго «мышления образами» Белинского и Потебни. Даже неразличение «чистого» от «нечистого» (помимо его бытовой, «хулиганской» подкладки) имеет почтенную традицию в русской литературе (с одной стороны — Андреев, Горький, натурализм Гоголя, с другой непристойная традиция Лермонтова и Пушкина). По существу своему поэзия Есенина совершенно «правая», тесно связанная с большим прошлым (Блок, декоративное народничество стихов А. Н. Толстого, сентиментальное народничество 70-х годов и т. д.). В ней нет ничего против шерсти традиционного отношения к поэзии. Идеолог крайнего поэтического консерватизма, С. А. Андреевский ограничивал область поэзии «красотой и меланхолией». Заменим нерусскую «меланхолию» русской тоской, и это определение совершенно подойдет к поэзии Есенина, — красота старой деревни, и тоска — по чем? (Вне этого определения останутся только лже-пророческие поэмы Скифской эпохи, явно не настоящие). Тоска, «сердечная тоска», которую Пушкин слышал в песнях ямщика, которая звучит в старой народной песне, и во всей той полосе русской поэзии, которую

можно назвать народно-романтической, — у Григорьева, у Некрасова, у Блока, и у неизвестных поэтов народников вроде Сурикова и Садовникова, и в лирической прозе пленительного и забытого Левитова, и в репертуаре Плевицкой. За эту тоску мы и любим Есенина. Все его хулиганство, конечно, не более, как одно из проявлений этой тоски: сочетание традиционно-русское. И тоска эта звучна у Есенина в стихах по своей легкой, доступной и сладостной мелодичности единственных в современной поэзии. По «музыкальности», в том смысле как это слово понимается средним читателем стихов, Есенин стоит рядом с Блоком и имеет то преимущество, что его музыка не отягчена и не осложнена слишком внешней музыкой сфер.

И песенность Есенина, и его тоска, конечно, очень русские, но не непременно «народные» или «крестьянские». По паспорту крестьянин, и романтик крестьянства в своей ранней поэзии Есенин не был крестьянским поэтом. Народную песню и народную легенду он воспринимал сквозь их литературные отражения, хотя-бы через Клюева. Клюев был более чем Есенин связан со своей, обонежской почвой, но и у него литературная традиция преобладает над народной.

«Литературность» же Есенина особенно ясно выступает из сопоставления его близости с литературной поэзией, при полном отсутствии близости с живым народным творчеством. В его первых книгах постоянно звучит Блок, и никогда не звучит частушка. Русское крестьянство сейчас создает удивительно живую и живучую поэзию (и как раз Рязанская губерния один из центров этого творчества), а поэт, вышедший из рязанского крестьянства, совершенно с этой поэзией не связан.

Народничество Есенина — литературного происхождения, и обусловлено литературными влияниями. Сначала ретроспективная романтика Клюева, потом социалистическая романтика Иванова-Разумника. И Клюев, и Иванов-Разумник, люди противоположного Есенинскому складу, люди с прочным идейным стержнем, без сомнений, и без тоски. Подчиниться им Есенин должен был очень легко. Но это было именно подчинение внешней воле. Имажинизм же, с его анархической бо-

гемностью, был для Есенина освобождением и обнаружением, — он оставался один с собою и своей тоской.

После того, что он изверился и в Ключевскую Русь, и в Разумниковскую Инонию, Есенину осталось только одно — вера в себя как поэта, и любовь к своей славе. Многие поэты любили и любят свою поэзию и свою славу, веруют в свое величие, и требуют себе поклонения. Но у Есенина как раз не было этой преданности себе. Поэзия и слава были для него соломинкой утопающего. Поэтому и в самой своей самовлюбленности он так глубоко человечен и трогателен, что мы его еще больше любим за нее. Подлинной веры в себя у него не было и все его самопоклонение, как и все его хулиганство, было только одной из форм его беспредметной и безнадежной тоски.

От другой его веры и любви, романтической любви к некоторой поэтической Руси у него тоже осталась одна тоска, одно разочарование. Революция, которую он сквозь Ключевские и Разумниковские очки увидел было как осуществление какой-то эстетически-мистической утопии, рано обернулась Есенину крушением всякой романтики, — предстала ему уродливым, прозаически-пресным, механически-бездушным своим лицом, — плугом вырывающим из родной земли все, что было дорого ему своей красотой и поэзией. В подлинной Революции, не утопической революции Скифов, но Революции чеки и комсомола — романтик Есенин не мог найти ни красоты, ни предмета веры. Эта жгучая и острая тоска, безнадежное разочарование в обманувшей его родине звучит с изумительно искренней силой в двух из его поздних стихотворений, которые несомненно останутся в числе самых подлинных и памятных стихов нашего времени — *На Родине* и *Русь Советская*. Но вообще стихи его последних лет (напр. *Персидские Мотивы*) свидетельствуют о явном упадке его поэтической силы, и когда последняя его вера — в свои стихи — рушилась, оставался единственно неизбежный конец.

У Есенина много плохих стихов, и почти нет совершенных. Но (если исключить фальшивую и не настоящую *Инонию* и примыкающий к ней цикл) во всех его стихах есть особое очарование, какая-то особая трогательность, которая

так влечет к нему и заставляет так человечески его любить. Кроме той тоски, за которую русский человек все прощает, в Есенине был еще какой-то огромный запас человеческой нежности. Она особенно заразительна в его чудных стихах о животных. Все помнят его Жеребенка и его Собаку. Это не «стихийные», не «настоящие», а совершенно очеловеченные животные. Ни у одного русского поэта я не знаю таких трогательно-человеческих стихов.

Нигде, может быть, тоска Есенина не звучит так ясно как в *Пугачове*. *Пугачов*, конечно, слабая вещь. Формально, трудно что-нибудь возразить тому критику, который назвал ее «жалкой и смехотворной». Но надо все-таки быть человечески-глухим, что бы не расслышать за этими слабыми стихами и нелепыми образами самой страшно-подлинной, пожирающей и безысходной тоски писавшего ее человека. Особенно последние слова Пугачева, когда изменившие ему товарищи бросаются его вязать, несравненны по своей хватающей заразительности:

Где-ж ты? Где же ты, бывлая мощь?
Хочешь встать и рукою не можешь двинуться.
Юность, Юность! как майская ночь
Отцвела ты черемуха в степной провинции.
Вот всплывает, всплывает синь ночная над Доном,
Тянет мягкой гарью с сухих перелесяц,
Золотую известкой над низеньким домом
Брызжет широкий и теплый месяц.
Где-то хрипло и нехотя кукарекнет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет околица.
И все дальше, все дальше встревоживши сонный луг
Бежит колокольчик пока за горой не расколется.
Боже мой!
Неужели пришла пора?
Неужель под думой так же падаешь, как под ношей?...
А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

Пугачов, предаваемый своими сообщниками — Есенин, *предаваемый своей последней верой — в свои стихи*. Пугачов был началом упадка Есенина. Лучшие его стихи принадлежат ко времени непосредственно предшествующему, ко времени его московской жизни с имажинистами, когда он уже успел освободиться от фальши Разумниковского псевдо-ми-

стицизма. Сюда принадлежат *Трерядница*, *Песни Забудыги* и *Кобыльи Корабли*, с пленительным *Сорокоуостом*. Правда и в этих циклах мало стихотворений вполне удовлетворительных, как *Жеребенок* или *Песнь о Собаке*. Почти в каждом есть или слишком явная реминисценция (обыкновенно из Блока, например, чудные стихи *не жалею, не зову, не плачу*, слишком неизбежно вызывают *Осеннюю Волю*); или «пустые» мало убедительные стихи; или чрезмерно неоправданные образы; или совсем неубедительная лже-мистика («Или, Или, Лима Самахане», — с характерными для книжности Есенина неверными ударениями). Но зато есть в них отдельные стихи, до краев наполненные такой безмерной и такой совершенно излившейся «сердечной тоской», что их место рядом с самыми лучшими, самыми чистыми, самыми незабвенными стихами русских поэтов; как, например, это начало:

Проплясал, проплакал дождь весенний,
 Замерла гроза.
 Скучно мне с тобой, Сергей Есенин,
 Подымать глаза...

Или

Режет серп тяжелые колосья,
 Как под горло режут лебедей.

Или

Не жалею, не зову, не плачу,
 Все пройдет, как с белых яблонь дым.

Или конец стихов к Клюеву —

Так мельница крылом махая
 С земли не может улететь.

Или эти три строфы.

И вновь вернуся в отчий дом,
 Чужою радостью утешусь,
 В зеленый вечер под окном
 На рукаве своем повешусь.
 Седые вербы у плетня
 Нежнее головы наклонят.
 И не обмытого меня
 Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
 Роняя весла по озерам,
 И Русь все также будет пить,
 Плясать и плакать у забора.

Кн. Д. Святополк-Мирский.

Проблема славянской политики.

18. Эту краткую историю развития панславизма и славянского движения за годы 1880—1905, характеризуемого, как период туманного панславизма, я бы хотел иллюстрировать несколькими австро-венгерскими документами, в настоящее время уже доступными*). Из них видно, каково было состояние славянского движения перед возникновением неославизма, и как на него смотрела с одной стороны Вена, с другой Петроград и русское правительство. Эти документы, думаю, подтверждают в значительной степени взгляды на развитие и характер славянского движения за этот период в России и у нас, мною в общих чертах намеченные.

24-го августа 1891 года австро-венгерский посол Эренталь послал министру графу Кальноки письмо об отсутствии интереса русской общественности к Пражской этнографической выставке и присоединил к этому два своих вывода о славянской политике вообще. Выводы его в общем правильны и весьма интересны, потому что они высказаны Эренталем, роль которого в австро-русской политике была так значительна. Текст документа гласит:

Его сиятельству,
графу Кальноки
и пр., и пр., и пр.

Петербург, 24-го августа 1891 г.

Сиятельный граф!

В то время, как Россия вообще, и печать в особенности, долго не интересовались Пражской областной выставкой, теперь начинает проявляться известный интерес к тамошним систематическим панславистским демонстрациям. Выражения симпатии торжеству русско-французского сближения были здесь, конечно, отмечены с удовлетворением и благодарностью. Здесь превосходно играет на руку, если в сердце Европы, среди славянских народностей Австро-Венгрии так громко раздаются энергичные протесты против тройственного союза. Эти голоса теперь с большим удовольствием комментируются, и одновременно дается совет по адресу Венской дипломатии, чтобы она учла, наконец, голос народа и от тройственного союза уклонилась в

*) См. № 2, 3, 4 «Воли России».

сторону русско-французского альянса. В печати с большим удовольствием и иронией говорят об инциденте, имевшем место во время визита 40 приблизительно чехо-русов из Киева, которые, по сообщениям здешних газет, со своими белыми шапочками, вызвали сильное волнение и причинили много забот властям.

Не приходится специально подчеркивать, что русская журналистика делает из этих событий и из озабоченности парижских властей не слишком выгодные выводы относительно монархии.

Если я упоминаю об этих голосах журналистов, то делаю это только для того, чтобы констатировать, что интерес России к Пражской областной выставке, культурному развитию и мирным триумфам чешского народа проснулся только тогда, когда в чешском главном городе разыгрались шумные демонстрации с политической окраской. — Здешнее участие является, таким образом, не первичным, а производным явлением. Мы слышим теперь только русское эхо на праздный крик из чешских лесов. Несомненно интересен и заслуживает быть отмеченным тот факт, что первое и сильнейшее «будто бы» славянское государство — Россия — долго не проявляло интереса к событию столь важному для развития Чехии, как областная выставка, и что прошло почти две трети выставочного сезона, а Прагу не посетило сколько-нибудь значительного числа русских гостей. Выше отмеченный эпизод «белых шапочек» только подтверждает то, что было приведено выше, ибо обладатели этих шапочек оказались в своем большинстве русифицированными, живущими в окрестностях Киева, русскими чехами.

Если, конечно, мои наблюдения и соображения о здешних делах правильны, из них вытекают два немаловажных заключения.

Первое заключение — весьма слабый интерес — точнее было бы характеризовать это состояние, как апатию — проявляемый в настоящее время русской общественностью ко всему славянству. Конечно, здесь имеется желание и надежда, что славяне монархии и Балкан будут тяготеть к России и искать здесь своей опоры. Однако, эти стремления славян рассматриваются здесь, как нечто, самоочевидное, и принимаются с сознанием собственного достоинства и с миной сильнейшего, которому есть, что раздавать. Точно также самоочевидным представляется здесь, что славянам дается в руки средство, при помощи которого они могут достичь горячо желанного славянского идеала, т. е. принятия русской культуры со всем, что с нею связано. Одним словом, здесь господствует, поскольку речь идет об отношении к славянскому миру, состояние квиэтизма, и если кто-нибудь проявляет желание принять участие в делах, это происходит только в направлении явного панрусизма.

Второе заключение, которое я бы сделал, это то, что фер-

мент к более живому и ускоренному развитию великославянской идеи следует искать не вне монархии (Австро-Венгерской), а внутри ее. Прогресс славянских народностей монархии и Балкан за последние годы не может оспариваться. Точно также нельзя оспаривать и большого самосознания, и политических притязаний интеллигенции внутри этих народов. Пражские события говорят в этом отношении ясно. Движущую силу славянского вопроса надо будет, следовательно, искать, по моему неавторитетному мнению, всегда в высоко развитых западно- и южно-славянских племенах, которые, разумеется, в собственных интересах, проводят правильную тактику, апеллируя к солидарности сильной России, а затем ввиду этого кичатся.

Соблаговолите принять, Ваше сиятельство, выражение моего глубочайшего уважения.

Л. Эренталь (собственноручная подпись).

Весьма характерный документ — письмо посла графа Эренталья из Петербурга министру графу Кальноки, посланное 12-го октября 1893 г. Оно базируется на этюде Пыпина о панславизме, и Эренталь подчеркивает здесь, с одной стороны отпор царя Николая Первого против панславистских планов, вызванными мотивами монархического легитимизма — страхом за самодержавную Россию, с другой стороны симмулирует свой взгляд на панславизм в России вообще.

Текст этого документа:

Его сиятельству
графу Кальноки
и пр., и пр., и пр.

Петербург, 12-го октября 1893 г.

Сиятельный граф!

Профессор Пыпин, автор известной работы о славянских литературах, опубликовал в журнале «Вестник Европы», к которому нередко прибегают либеральные университетские профессора, ряд статей о славянском вопросе. Они касаются деятельности и поездок Погодина, Григоровича, Прейса, Срезневского, предпринятых этими пионерами славянской идеи в 30-ых и 40-ых годах в Австрийскую монархию и на Балканы. Материал слишком обширен и носит слишком исторический характер, чтобы приходилось им ближе заниматься.

Статья интересна уже привлечением новейшей литературы, вышла в сентябрьском номере журнала и озаглавлена «Из истории панславизма». Профессор Пыпин делит свой материал на три части: первая часть говорит о новых исследованиях, об украинско-славянском обществе, в котором, как известно, играл роль Костомаров, и о программе министра Уварова. Последняя является точкой зрения русского императорского правительства по отношению к славянскому вопросу к концу сороковых го-

дов. В Петербурге с удовлетворением были приняты сообщения и пророчества Погодина о необходимости принять надлежащие меры для разложения Австрии, которое считалось близким. Славянский вопрос должен был, однако, остаться «в пределах исключительно правительственного секретного обсуждения». Письмо, которое послал министр просвещения Уваров, опекуну Московского учебного округа графу Строганову с той целью, чтобы в соответствующем духе инструктировать профессоров и учащуюся молодежь, хочет найти среднюю линию между двумя взаимно противоречащими моментами — между миссией России в качестве центра славянских племен и стремлением лишить славянские взаимные сношения всякого политического характера.

Что касается вышеназванного украинофильского общества, оно было распущено в 1847 г., как утверждают русские публицисты, по настоянию Венского кабинета, который сумел внушить русскому правительству опасения перед кознями славянских агитаторов.

Во второй части проф. Пыпин публикует неизвестное и в чрезвычайно своеобразных условиях возникшее признание Ивана Аксакова, касающееся славянского вопроса. В начале 1849 г. Аксаков был арестован, так как он был скомпрометирован корреспонденцией с другом Юрием Самариним и по приказу императора Николая был подвергнут допросу. Признания Аксакова тем интересней, что они снабжены собственноручными замечаниями императора Николая на полях. Осмеливаюсь дать Вашему сиятельству перевод соответствующего абзаца. — Великий русский самодержец во многих пунктах не может не согласиться с Аксаковым, но он осуждает тенденцию, направленную к тому, чтобы под лозунгом помощи угнетенным братьям велась агитация против законного авторитета соседних и союзных государств. Особенно отчетливо выражены мысли императора Николая о панславизме в следующем примечании:

«Если бы силой вещей все-таки осуществилось объединение славян, то это поведет к гибели России».

Третья и наиболее пространный часть упомянутых статей обсуждает подробно и критически деятельность И. Аксакова, его ученика Гилария Платонова и практические результаты славянофильской школы. Я вынужден ограничиться приложением перевода статьи проф. Пыпина и следующими сопроводительными примечаниями.

Суждение Пыпина о славянофильской школе может быть только интересным. Опыт показал, что ни в России, ни у западных и южных славян не была надлежащим образом подготовлена почва и что понадобится духовная работа одного или нескольких столетий, прежде чем можно будет прийти к иде-

алам мечтаний: Автор далее отмечает, что в славянофильском лагере наступил процесс разложения. Пыпин отсылает к заслуживающему внимания сочинению некоего господина Милюкова, вышедшему в этом году — «Упадок славянофильства», в журнале для вопросов философии и психологии — где формулирован принцип, что *старая* славянофильская школа подверглась таким изменениям, что с распадом своей метафизической базы перестала существовать. Нынешние представители этой идеи расщепились на два лагеря, которые ведут между собой жестокую борьбу. Правое крыло — так называемые славянофильские легитимисты — неукоснительно придерживаются только идеи (русской) народности. Не примыкая к другому основному элементу доктрины — исторической предопределенности — великорусского народа. Левое крыло, напротив, написало на своих знаменах принцип универсального значения русской народности.

Пыпин говорит, что не подписал бы безоговорочно абсолютного вывода г. Милюкова, поскольку тот огульно объявляет славянофилов старым хламом. Он ссылается на г. Данилевского и Владимира Соловьева, у которых много последователей. Последний, по его словам, в одном из своих сочинений определенно заявил, что вопрос, умерла ли в славянофильстве универсально религиозная идея, последней инстанцией до сих пор не решен. Впрочем, Соловьев, просвещенный муж и друг запада и едва ли можно его причислять к славянофилам, которых он постоянно отвергает и осыпает насмешками. Профессор Пыпин упоминает еще о славянских благотворительных комитетах, которые в известной степени могут быть названы охранными бастионами, куда убежали бойцы за доктрину старой славянофильской школы, рассеянные по различным лагерям.

Заключение статьи касается мистической теории Леонтьева, который со славянофилами соглашается только в пункте отрицательного отношения и эгалитарной и либеральной Европе. Создание компактного общеславянского государства означало бы, согласно Леонтьеву, писавшему свои статьи, начиная с 70-ых лет до середины 80-ых лет начало разложения русского государства. Таким образом, он приходит на 30 лет позднее к тому же выводу, который записал император Николай в 1849 г. на полях признаний Аксакова.

Работа ученых славистов дает утешительное подтверждение взгляду на это положение много раз высказывавшемуся, что в нынешней России представления о славянской взаимности более хаотичны, чем когда-либо в другое время, и что интерес к этому вопросу, если не вымер вполне, то во всяком случае сильно уменьшился. Из опыта последних лет возникли две доктрины, видимо серьезно здесь принимаемые. «Культурный пан-

славизм», как выяснилось, для настоящего времени и близкого будущего вещь невозможная. Что касается «политического панславизма», то мыслящие русские пришли к убеждению, что этот панславизм нанес бы смертельную рану царскому самодержавию и господству великорусской народности.

Я имею честь предложить эту проф. Пыпина и в русском оригинале, на случай, если бы Ваше сиятельство сочло уместным передать этот интересный материал литературному бюро министерства иностранных дел для перевода и использования.

Соблаговолите принять, Ваше сиятельство, выражение моего глубочайшего уважения.

Л. Эренталь (собственноручная подпись).

28-го февраля 1894 г. граф Волькенштейн пишет министру Кальноки из Петербурга официальный доклад, где излагает, какие комментарии вызвало в России заявление германского императора Вильгельма о необходимости объединения всех немцев, и присоединяет к этому свое суждение о панславизме в России. Его суждение аналогично суждению Эренталя, несмотря на то, что агитация в пользу панславизма, по его словам, уже сильнее. Он подчеркивает общую антипатию, или по крайней мере сдержанность официальной России, равно, как и всей русской общественности по отношению к славянским вопросам и полагает, что панславизм в России сводится к панрусизму.

Текст документа:

Его сиятельству /
графу Кальноки
и пр., пр., пр.

в Вене.

Петербург, 28-го февраля 1894 г.

Сиятельный граф!

Мнимое заявление Его Величества Германского Императора, касающееся желательности солидарности немцев всех стран, послужило здесь поводом для всесторонних комментариев. Нет недостатка в голосах, которые упомянутое замечание просто кладут под сукно, как «нерассудительное и достойное столько же других предшествующих суждений проблематичной ценности и сомнительной ловкости», но большинство здешних газет считало уместным начать дискуссию об императорских словах и характеризовать их в этой дискуссии, как слова, как следует взвешенные. — В связи с этим снова возвращается прежде всего старая песня о недостаточной деятельности Австро-Венгрии в тройственном союзе. Будто император Вильгельм хотел, таким образом, бросить по адресу Австро-венгерского правительства обвинение, что оно не проявляет достаточной любезности и не выходит навстречу австрийским немцам». Да будет это серьезным предостережением австро-венгерским

славянам на будущее время. Пусть они как следует дадут себе в этом отчет и уже не отдаются иллюзиям о подлинном характере союза с Германией, основной идеей которого является германизация».

Эта интерпретация настолько соответствует тенденциям большей части русской журналистики, что не нуждается в специальных оговорках; более интересны дальнейшие заключения, сделанные из упомянутого заявления. При этом исходят из утверждения, что император Вильгельм питает пангерманские планы и стремится их обеспечить, и делаются попытки доказать на основании исторических рассуждений, что это направление по существу всегда существовало среди немецких племен, но немцы ввиду своей идеологии никогда не имели силы перенести эту идею из теории в практику. Однако, должно наступить полное изменение условий, если пангерманский лозунг раздастся со ступенек трона. Это существенно повышает значение этой идеи и с этой точки зрения императорское заявление заслуживает серьезнейшего внимания. На Россию «в качестве бастиона славянской идеи» и Францию падает долг не оставаться безразличными по отношению к этим фактам, и меньше всего рекомендуется игнорировать суждение, о котором идет речь, как «безрассудное».

Интересным последствием разворачивания пангерманского знамени в Берлине должно было бы быть обновление панславистской идеи в Петрограде, и, повидимому, именно настоящий момент был бы подходящим для того, чтобы вопрос, действительно ли панславизм абсурден, был снова подвергнут основательному испытанию. — Против этого требования можно, конечно, подчеркнуть, что уже давно увлечение панславистской идеей, по крайней мере, в лучших русских кругах значительно ослабело. Эта утопия, конечно, всегда останется излюбленным средством, которое сообразно с требованием момента будет либо на востоке, либо в Австро-Венгерской монархии вызывать брожение, и, если понадобится, будет вызывать осложнения. Но в жизнеспособность панславизма, как такового, в настоящее время уже никто не верит в России, из всех, кто воспринимает авторитет императора в смысле русско-монархического принципа. Что касается низших слоев народа, то они никогда не увлекутся идеей, одною из предпосылок которой является прежде всего самостоятельность или, вернее, независимость от императорской опеки.

Идея оживления официального панславизма является поэтому фразой, которую не надо будет принимать чересчур всерьез; важно только констатировать, что мнимое заявление германского императора послужило толчком к тому, что и крупные русские газеты снова ухватились за панславистскую идею.

Конечно, это вероятно пройдет совсем безрезультатно, и уже, например, ген. Игнатъев сделал замечание: «Германский император позаботился о том, чтобы при ближайшем торжестве славянского благотворительного общества славянского движения не было подвергнуто никаким ограничениям, как в прошлом году; человек никогда не знает, где найдет союзника».

Но и эта перспектива не будет в состоянии сколько-нибудь импонировать; будут вероятно и много больше, и резче говорить, но от этого нисколько не изменится тот факт, что чисто русская идея усиливает государство, а панславистская, напротив, его ослабляет.

Соблаговолите принять, Ваше сиятельство, выражение моего глубочайшего уважения.

Граф *Волькенштейн* (собственноручная подпись).

Интересен доклад маркиза графа Паллавичини, от 12-го сентября 1894 г. австро-венгерскому министерству иностранных дел, так же подчеркивающий упадок интереса к славянским делам и уклон в сторону дальневосточных вопросов. В следующем письме, от 15-го сентября, Паллавичини излагает содержание своего разговора с министром Гирсом еще более характерного и хорошо освещающего официальную политику русского правительства.

Из письма от 15-го сентября привожу несколько извлечений: После нескольких общих замечаний о нынешней политической спокойствии Гирс перешел к дальне-восточным вопросам. У России в этих странах важные интересы, и она должна сохранить в них свой престиж. К счастью, согласие с Англией в этом направлении в настоящее время вполне осуществлено; правда, с обеих сторон есть известное недоверие, но именно это хорошо, потому что обе стороны действуют с тем большей осторожностью и умеренностью. После этого Гирс говорил об отношении к Китаю и Японии, а затем перешел к Сербии, а особенно к Болгарии. Прежде всего он констатировал, что здесь все сокращается интерес к этим странам. Опыт, вынесенный там, был, по его словам, так печален, что к этим народам здесь скорее питают чувство презрения, чем симпатии. Мы истратили миллиарды, заявил г. Гирс, и пожертвовали тысячи людей ради Болгарии; могу Вас заверить, что в другой раз мы этого не сделаем... Господин Цанков, продолжает министр, был перед своим отъездом у меня. Я сказал ему, чтобы он делал, что хочет. Русского правительства это больше не касается. Оно не хочет вмешиваться в это дело. Для нас есть только одна точка зрения. Это — берлинский договор. Этот договор нам далеко не был приятен, но, поскольку он существует, он должен быть и в этом пункте выполнен. Мы выжидаем теперь спокойно, как разовьются дела теперь в Болгарии. Особенно каковы будут ре-

зультаты выборов... Теперь, когда снова говорят о русофильстве болгар, мы не впадем в ошибку. Мы знаем, насколько можно доверять этим людям, которые все делают только из личных, или, в лучшем случае, из партийных интересов.

Паллавичини находит это замечание «заслуживающим внимания и утешительным», и присовокупляет от себя: «Более, чем пятилетний опыт в Сербии убедил меня в том, что русофильство и русофобство в этой стране ничто иное, как средство во взаимной борьбе партий, и что так проявляется стремление использовать антагонизм, господствующий во многих отношениях между Россией и Австро-Венгрией, по возможности в своих интересах. В Болгарии условия приблизительно аналогичны».

Наконец, в качестве документа о взглядах Победоносцева на чехов и об отношении русских националистов к чешским политическим планам, я привожу письмо Эренталя в министерство иностранных дел от 29-го сентября 1899 г. Текст письма гласит:

Петербург, 29-го сентября 1899 г.

Сиятельный граф!

«Русские» суждения, которые высказываются за последнее время о чехах вообще и в особенности об их стремлениях к осуществлению государственного права, приписались, как утверждают, не по вкусу пражским политикам. Заявление Победоносцева, что чехи полны немецкого воспитания и всецело зависят от немецкой науки, заслуживают внимания, будучи произнесены еще влиятельным в настоящее время русским государственным деятелем, сознательно идущим к своей цели. Если этот деятель ограничивается тем, что ставит чехам на вид их немецкое образование, то прилагаемая статья «Московских Ведомостей», прежде, как известно, органа Каткова, идет на шаг дальше и освещает пропасть, разделяющую русский и чешский мир, следующими лапидарными фразами: русскому народу его государственные идеалы и инстинкты запрещают симпатизировать стремлениям австрийских чехов. Подлинная сила славянского царства могла развиваться только у народа, которому чужды вера и политические традиции, на которых чехи были воспитаны под руководством немцев». В другом месте статья московской газеты серьезно предостерегает чешских политиков, дабы они в слепой страсти не переоценивали себя и не ставили на карту достигнутые до сих пор успехи. — Эти бьющие в цель выводы заслужили бы оценки в нашей печати, и с этой точки зрения я бы считал необходимым обратить высокое внимание Вашего сиятельства на приведенную статью.

Соблаговолите принять, Ваше сиятельство, выражение моего уважения. *Л. Эренталь* (собственноручная подпись).

Я не хочу приводить дальнейших примеров. Прибавлю только, что немцы, австрийцы и мадьяры всегда проявляли тенденцию преувеличивать опасность панславизма и русской экспансии. Поэтому нельзя думать, чтобы сообщения заинтересованных деятелей не были искренним выражением убеждений официальных австро-венгерских лиц. Я расцениваю их не как показание абсолютной истины, а лишь как *один из источников* историко-политического исследования. Увидим, что откроет и докажет дальнейшее, более основательное изучение.

Дальнейшее заключение — рядом с выводом об отсутствии интереса официальной России к славянским делам, и, — эти люди видели, как панславизм и славянское движение вообще в течение этого периода для русских деятелей все больше сводится к панрусизму. И, наконец, центр славянского движения не в России, как казалось бы, и как постоянно утверждалось и до сих пор часто утверждается, а в Австро-Венгрии и на Балканах у меньших славянских народов, приобретающих все новую силу и все новые позиции. Россия только при случае пользуется этим движением.

19. Теперь я бы хотел сделать несколько синтетических и практических выводов из всех моих рассуждений о панславизме, дабы выдвинуть более наглядно главные стороны вопроса. Итак сделаем следующее резюме:

1) Политически панславизм это движение, которое приняло, за основу своей программы освобождение и политическое объединение всех славян в виде общего государственного или же правового и административного целого под ведением России. В виде точной и ясной доктрины это было сформулировано Данилевским. С политической и этической стороны эта доктрина напоминает пангерманизм. Против пангерманизма можно возразить, что панславизм возник после пангерманизма и что задачей панславизма было в большинстве случаев действительное освобождение угнетенных и несвободных народов, в то время как немцы работали над объединением свободных же немцев, которым по осуществлению плана, должны были быть совершенно подчинены и все не-немецкие народы. Что же касается логических и политических выводов, то отсутствие демократизма и ненаучность и неэтичность основ одинаковы у обеих программ.

2) Многие, особенно противники славянства, считали без основания панславизмом все усилия России освободить балканских славян и приобрести Византию-Царьград.

3) Так же неправильно принимались за панславизм все внешние выступления во имя единого языка, общей азбуки (кириллицы) и кирилломедфодиевской идеи; в большинстве случаев это были более или менее невинные и недостаточно серьезные

научно-политические размышления, служившие прежде всего поверхностной пропаганде. Для немцев и венгров панславизмом было уже самое стремление к культурной близости и постоянным организованным культурным сношениям. В этом есть известная доля правды, так как каждая культурная связь, даже отдаленных друг от друга народов и государств становится сильным политическим оружием и орудием. Если проповедники славянской идеи не хотели этого признать, то это происходило или из-за поверхностного суждения о подобных предметах или из-за умышленной тактики, стремившейся замаскировать свои истинные умыслы и цели. Это было действительно по отношению к славянам так же, как и по отношению к немецким или романским народам.

4) Возникновение и расцвет панславизма относятся к периоду между 1856 и 1905 г.*). Московский Съезд был скорее проявлением родившегося и подрастающего, но до сих пор еще не определившегося славянского движения, чем панславянской доктрины; однако, он указал ее внутренние затруднения, разногласия между русскими и западными славянами, особенно чехами, чью концепцию тогда было вообще чрезвычайно трудно подвести под понятие панславизма. Каждый демократически мыслящий политик должен был а priori не соглашаться с политическими панславянскими концепциями с 1856 по 1905 года.

5) Славянофильство под влиянием развития внутренней и внешней политики слилось с русским национализмом; первоначально более широкая панславянская концепция перешла, наконец, у русских, занимающихся официально и неофициально славянскими делами в панруссизм, выраженный русской реакционной тройственной формулой: самодержавие, православие и народность (русский национализм). Русская политическая славянская идея, особенно же официальная, была всегда реакционная. Исключение составляли западники (Герцен, Бакунин) и некоторые неославянофилы по 1905 г. (Милюков, Маклаков и иные).

6) Несмотря на все разговоры о славянской любви, единении и необходимости сближения, русские панслависты, официальные и неофициальные, остаются всегда противниками поляков, отказывая им (за малым исключением) даже в самоуправлении; поэтому поляки были всегда и постоянно последовательными противниками всех панславянских попыток. Таким

*) Хронологическая цифра 1856 г. не означает, что до этого времени не было тенденций и взглядов, которые бы могли быть названы в обыденной терминологии панславизмом. Я сам привел несколько подобных примеров (Каразин, декабристы, Костомаров и Погодин; и у чехов могло бы найтись несколько подобных примеров). Но после 1856 г., вследствие различных событий, панславизм становится, с одной стороны, более современным, а с другой, — он принужден изложить более ясно и политически точно свою программу.

образом, славянская идея и панславянское движение выросло, главным образом, на русской и чехословацкой, частично югославянской почве.

7) С конца XIX столетия до 1905 г. центр славянофильского движения переходит вообще к меньшим славянским народам по причинам внутренней и иностранной политики, так как официальная Россия и русское общественное мнение становятся, с одной стороны, умышленно сдержанными, а с другой, обращают свои взоры на азиатские вопросы. Несмотря на то, что это движение в некоторых кругах и проявлениях имеет все еще старый наступательный характер романтизма, фантастичности и поверхности, несмотря на это, оно начинает проявлять себя и в более серьезных, реальных и действительных формах. С одной стороны, подготавливается славянское движение, получившее название *неославянофильства*, с другой, параллельно с ним, иногда совместно с ним, иногда и вразрез с ним еще более критическая *реалистически воспринятая славянская идея*, ведущая свою родословную от Палацкого и Гавличка (у нас Масарик и его школа, «Славянский Пршеглед» и т. д.).

8) Национальное усиление, приобретение новых политических и экономических позиций и культурное развитие малых славянских народов влияли на развитие движения славянского обличения сильнее, чем Россия и ее политика. Но это развитие, сопровождавшееся все увеличивающейся демократизацией австро-венгерского режима, усиливает острые распри между отдельными славянскими народами: с одной стороны, оно толкает к сближению и взаимной помощи, а с другой выдвигает несогласия и показывает на все уже известные споры, бывшие в среде самых славянских народов, о которые до сих пор разбивались все попытки истинного всеславянского сближения и единой славянской политики.

Появившееся после 1905 г. неославянофильство застаёт славянское движение в стадии неразрешенных вопросов и полного застоя, бывших с 1848 г. В актив этого периода славянской работы и движения могут быть занесены: а) выдвижение славянской проблемы и ее политического значения; б) расширение познаний о славянских народах и создание интереса и связей; в) более острая постановка спорных вопросов отдельных народов, что в конечном счете должно также означать приближение к их окончательному разрешению.

Таким образом, до 1905 г. панславизм ничего не разрешил, целей своих нигде не достиг, а политически не мог быть нигде применен в конкретных формах. В конце концов, он стал синонимом русского шовинизма, а как таковой, начал вредить всем: русским, славянам, Европе, всему свету. Славянам он вредил, главным образом, тем, что, несмотря на то, что политически и

практически был в значительной степени фантазией, их политические противники злоупотребляли и пользовались им против них же в такой степени, что не только немцы и венгры, но и вся Западная Европа видела в нем подлинную опасность и выступала часто против славян и в тех случаях, когда они были правы (против нас им пользовались даже во время последней войны).

Понятием панславизм во всей его многосторонности пользовались различно и уж поэтому оно вызывало сложные политические недоразумения. После исторического и эволюционного рассмотрения становится ясно, что политически панславизм должен был бы навсегда исчезнуть с европейской политической арены, а что то, что враги панславизма без основания называют панславизмом, должно бы было в политической терминологии носить иное название, дабы настал конец всем недоразумениям или фантазиям.

Так называемый «культурный панславизм» был политической опасностью для существующего в Европе политического режима, до тех пор пока славянские народы не были свободны и объединены. После мировой войны это стало чем-то совершенно иным уже в своей основе: он превращается в культурные сношения свободных славянских государств такие же, как мы видим у англосаксонских, романских (Франция, Бельгия, Швейцария) и скандинавских племен и т. д. Он никогда не исчезнет и никто не имеет право против него восставать и, никто не должен его бояться. Он входит в состав внешней политики одного славянского государства к другому.

С моей точки зрения, политический панславизм принадлежит прошлому точно так же, как в наше время умер панрусизм; все остальное, что не по праву до сих пор называлось панславизмом, я хочу назвать его истинным именем. Кроме того, балканские славяне теперь уже освобождены и объединены и здесь уже не будет говорить о панславизме. В будущем проблема Царьграда будет лишь царьградским вопросом, но ни в коем случае не панславянским. Все это подверглось, как я уже говорил выше, благодаря новой организации Европы, освобождению и объединению славянских народов и русской революции, таким изменениям, что не будет затруднительно составить правильного взгляда и на эти вопросы.

По всем этим причинам я был и буду против панславизма, как против самого понятия, так и против его содержания. Я считаю его умершим. Признание этой точки зрения всеми славянскими народами оказало бы великую услугу истинному славянскому движению будущности.

ЭДУАРД БЕНЕШ.

С чешского перев. Н. Мельникова-Папоушек.

Россия и Европа.

Русский народный комиссар по иностранным делам — это определенно не тот человек, к голосу которого, как только он начинает высказываться по большим интернациональным вопросам, мир прислушивается, как к голосу оракула. И всетаки утверждать, что тезисы, выставленные Чичериным в первых числах апреля перед представителями прессы в Москве, не заслуживают никакого серьезного внимания со стороны какого бы то ни было европейского государственного деятеля, как это делает орган французского национализма, — это значит черезчур низко определять международное значение Советского Союза и слишком низко расценивать ту гирию, которую он может бросить на чашки весов. Тезисы Чичерина, по меньшей мере, бросают свет на пути, по которым движется иностранная политика России, да и Россия к тому же, конечно, на какое то *quantité négligeable*, мимо которого мир, и в особенности Европа, могут пройти, ограничившись лишь легким пожатием плеч, хотя бы кормчие российских судеб, как раз по причине изоляции своей страны, и позволяли себе манеру выражаться, некоторым образом уклоняющуюся от обычного дипломатического языка, к которому привыкли остальные державы, и выделяющую себя сверхложным самомнением.

Полезно учесть хотя бы даже и тот факт, что это самое самомнение остается, хотя политика, — объяснение и защита которой сопровождалась этим самомнением, — в течение лет испытывала всевозможные изменения. Там, где нет парламента и свободной прессы, министру нечего бояться критики, которая обратила бы внимание на противоречия в его поведении. Он не только не бывает вынужден приобщаться к скромности своих коллег, находящихся в менее благоприятных условиях, но, наоборот, может, как ни в чем не бывало, выставлять себя и свою политику в виде скалы, являющей свою непокорную стойкость бурному волнению мирового моря. Кто в Москве напомним господину Чичерину, что было однажды время, когда Советский Союз определял свои отношения к остальным госу-

дарствам только под углом зрения мировой революции, кто обратит его внимание на то, что его теперешняя программа коренным образом отличается от программы дней цветения большевицких грез?

Конечно, и сегодня, как и тогда, она направлена против капиталистической Англии, однако, исходный пункт, из которого мечутся громовые стрелы, стал другим. Большевицкое правительство уже не является антибританским лишь потому, что Великобритания — государство капиталистическое: за это время большевики научились ладить также и с капиталистическими странами, — как раз напротив — их политика обусловлена тем обстоятельством, что, находящиеся лишь в ограниченной зависимости от государственных и хозяйственных форм, внешнеполитические тенденции обеих держав до сих пор не дали возможности найти какой-либо средней линии. Сам по себе Советский Союз, как это говорило Чичерин при случае и раньше, охотно был бы готов поладить с Англией путем мирных переговоров, однако, поладить не удастся. Проект договора, на котором сошлись Макдональд и Раковский, как известно, кабинетом Балдвина отвергнут, причем за разногласиями по вопросу признания предвоенных и военных долгов московским правительством скрываются англо-русские противоречия в Азии. Капиталистический и большевицкий империализмы столкнулись друг с другом на далеком Востоке. Лондон отклоняет всякие уступки в области финансов и экономики тому государству, чье толкование права самоопределения народов угрожает безопасности британских колониальных владений и британской сфере влияния, Москва же, частью из принципиальных соображений, частью же для того, чтобы посадить другую сторону за стол переговоров, не отказывается от предпринятой экспансии во имя освобождения угнетенных наций, несмотря даже на очевидную опасность слишком явного и общеизвестного противоречия между ее теориями освобождения Азии и ее практикой хотя бы в Грузии. Причем Чичерин не довольствуется простой демонстрацией, простым раскрытием русско-английского конфликта, наоборот, он старается поставить под угол зрения этих противоречий всю общеевропейскую ситуацию, выделяя Россию, как передового борца Европы. Он остается при этом верен пропагандистской традиции Советов, с той лишь разницей, что отождествление будущего интернационального пролетариата с таковым России заменяется выявлением общей гармонии интересов между советским государством и государствами континентальной Европы. Принцип, согласно которому мировая революция должна создать предпосылки для общего боевого фронта уже — и не впервые сегодня — упразднены: сейчас можно договариваться и с правительствами буржуазными. Сейчас им разъяснено, что Англия зло-

употребляет ими, как орудием в борьбе против России, стараясь одновременно с этим, выдвинуть себя на роль высшей судьи Европы.

Способ подыскания доказательств для этой тезы в своих главных чертах известен уже с более давнего времени. Британское правительство содействовало де установлению Локарнского договора с целью спаять священный союз против большевизма. Лиге Наций отводится при этом роль вспомогательного органа по проведению локарнской комбинации. В Германии мы это слышали на протяжении целого года из уст коммунистов, стремящихся этой аргументацией расстроить согласие социал-демократических рабочих на гарантийный пакт, на соглашение о третейском разбирательстве и на вступление в Лигу Наций. Однако, все это оставалось всегда лишь утверждением, не подтвержденным и немогущим быть подтвержденным фактами, порой к тому же еще некоторым образом потрясаемым и теми оптимистическими вольностями по поводу Локарнского договора, которые исходили из официальных русских учреждений. Точка зрения большинства Рейхстага и прежде всего социал-демократии не могла поэтому испытать влияние коммунистической декламации, тем более, что было вполне доказуемым, что переговоры Германии с западными державами ничем не помешают все большему укреплению сношений и с Россией, в особенности в области хозяйственно политической.

Эту оценку положения не могут изменить и паскальные объяснения Чичерина, причем меньше всего могут это сделать его новые аргументы. Чемберлен, говорит народный комиссар, посредством предоставления места в Совете Лиги Наций Польше, хочет возместить ущерб принесенный ей Локарно и пресечь начинающееся русско-польское сближение. В дальнейшем же предстоит, — де, продолжение с его стороны игры Германией против Франции, с одновременной попыткой выиграть для себя на другой стороне Польшу, как противовес Германии... Замечает ли критик английской политики, в какие неразрешимые противоречия он сам себя запутывает? Если бы Лондон имел намерение объединить Европу против России, было бы прямым сумасшествием как раз с его стороны, если бы он старался создавать новые противоречия между державами и углублял бы старые! Ненависть против Великобритании делает Чичерина слепым. В довершение всего, обещание места в Совете для Польши исходило вовсе не от Чемберлена, а от Бриана, английская же оппозиция даже делала упрек министру иностранный дел в том, что он не достаточно посчитался с интересами собственной страны и дал себя поймать и опутать своему французскому коллеге. Словом, если даже он сам черт, то, во всяком случае, достаточно глупый, намерения которого хлопот России

причинить не могут, и вызов по сему случаю на сцену континентальной Европы, собственно говоря, игра, нестоящая свеча.

Но в этом, как раз и заключаются большие политические идеи Чичерина или, по меньшей мере, он представляет их такими и присвоив себе роль третейского судьи, противопоставляет воле Англии объединенную, включая советское государство, материковую Европу. Иначе этого нельзя понять: поскольку умиротворение Европы Чичерин обозначает как цель, а взаимное понимание между Германией и Францией приветствует, как полный значения шаг на пути к этой цели. Конечно, он хочет этому единению придать патентованное жало против островного государства, а все-таки по сравнению с прежними его заявлениями остается кое что, что поражает: советский министр находится в полном созвучии с немецкими и французскими социалистами, которые издавна считали примирение своих обеих стран не только необходимостью, но и реальной возможностью, за что клеймились со стороны коммунистов фантазерами погрязшими в глупой идеологии буржуазного пацифизма.

Стал ли бы высказываться пасхальный проповедник подобным образом, если бы не лелеял желанья и надежды, что настоящие русско-французские переговоры приведут к благоприятному результату, и если бы в его намерениях не лежало попутать Лигу Наций и Англию перспективой пути через немецко-французское сближение к континентальному блоку против Локарно, — это, конечно другой вопрос. Он даже четко выставляет тезис, что дорога для непосредственного немецко-французского сближения станет свободной через крушение Локарнской системы, хотя он, собственно говоря, должен был быть знаком с их взаимосвязью.

Сближение Германии и Франции связано, по крайней мере пока, неразрывными нитями с решением гарантийной проблемы. Ни Версальский договор, ни статуты Лиги Наций не казались Франции достаточными гарантиями против нового немецкого нападения. Договоры, которые она заключила в 1919 г. с Ллойд-Джорджем и Вильсоном, не были ратифицированы Англией и Америкой, использование репарационного вопроса в целях оккупации немецких областей окончилось планом Дауса, проведение Женевского протокола от сентября 1924 г. о безопасности, третейском суде и разоружении, потерпело крушение из-за противодействия консервативного английского кабинета, сменившего рабочее правительство Макдональда. Оставался, наконец, в самом деле только пакт с Германией в качестве партнера. Но французы не пошли бы на этот пакт, если бы не было английских гарантий, также и для Германии он вряд ли стал бы приемлемым без английского содействия. Выставлять устранение Великобритании, как предварительное

условие улучшения отношений между обеими материковыми странами — это просто бессмыслица. В дальнейшем и о возможностях «Соединенных Штатов Европы» можно будет думать как кому хочется; можно вместе с Coudenhove сомневаться будет ли целесообразным вовлечение Англии, с ее охватывающими весь мир интересами, но при всяких обстоятельствах было бы безумием, если бы Европа, а прежде всего Германия, дала бы себя втянуть в антианглийскую политику.

Мы знаем, что Чичеринские пароли используются коммунистами всех стран прежде всего против социалдемократии. Наше согласие на Локарно и на вступление Германии в Лигу Наций снова выставляется в глазах рабочих в виде актов, направленных против пролетариата России. Однако, мы можем не давать вводить себя в заблуждение аналогичными нападениями. Гарантийный пакт и Лига Наций суть пути, на которых мы добьемся оздоровления отравленных вопросов, мешающих до сих пор больше, чем какие-либо иные, умиротворению Европы, и в результате чего Германия снова добьется уравнивания в правах в среде европейских государств. Нам нет нужды ломать, вследствие этого, мостов на Восток. Мы будем делать все, чтобы поддержать дружественные отношения с Россией, мы будем сопротивляться всякой попытке насильственного вмешательства в ее внутренние дела. Но из этого не следует, что от нас можно требовать, чтобы мы связали себя с Москвой, так сказать, на жизнь и на смерть. Идея такого совместного «хождения с Россией» в именно таком смысле бродит в головах коммунистов, а также и у многочисленных немецких националистов. Ее осуществление было бы роковым, ибо это сделало бы Германию своего рода плацдармом России, а нас обрекло бы на роль фехтовальщиков во имя интересов русско-азиатской политики. Такого рода роль мы отклонили бы даже в качестве члена построенной по чичеринскому плану европейской системы, не говоря уже о том, что эта система лишь фантазия, ибо Франция так же мало, как и Германия, думают о том, чтобы идти навстречу разрыву с Англией.

Московские крысоловы, наверно, рассчитывают на особое действие звуков своей флейты в момент, когда Лига Наций — этот шип в их глазу — находится в состоянии тяжелого кризиса. Без сомнения, настоящая ситуация особенно благоприятна их выступлениям. Однако, если бы мы даже считали кризис Лиги Наций смертельным, нас не соблазнила бы альтернатива, которую предлагает народный комиссар, потому что как раз она способна была бы вызвать опасность тяжелых европейских конфликтов. Да и сверх того, наши мысли уже слишком крепко заякорены в Лиге Наций, чтобы мы могли считать ее трудности данного мгновения непреодолимыми. Немец-

кая социалдемократия во всяком случае придает величайшую цену как ее поддержанию, так и включению в нее Германии. Она одобрила поведение немецкой делегации в Женеве, она согласна на содействие учрежденной комиссии изучения, она будет делать все, что только может быть в ее силах, чтобы помешать краху переговоров, и она не допустит также, чтобы, как это случилось сейчас, — возможное предоставление места в Совете Польше поставила под вопрос вступление Германии.

И дело не в том, что в Лиге Наций нам как бы видится социалистический идеал. Пока это даже и не демократический идеал. Но в данное время это единственная официальная организация, внутри которой уже поработано для поддержания мира и в перестройке и улучшении которой стоит принять участие. Причем под перестройкой не в последнюю голову следует понимать устранение препятствий, которые еще стоят в данное время на пути для вступления в нее России. Во всяком случае наибольшее из этих препятствий — это ненависть, которую пока питает мировой организации советская республика. Вопрос только в том, будет ли действительно непримиримой эта ненависть на долгое время. Токи, которые сейчас нам хлещут в уши, заставили бы нас верить в это. Стоит, однако, нам опять провести сравнение той программы, которую на пасхе развивал Чичерин, с прежней установкой русской иностранной политики, и нас охватывает почти полная уверенность, что в один прекрасный день отношения Советской Республики к Лиге станут иными, чем сегодня.

Благочестивая легенда коммунистов о том, что будто бы Россия идет в полной последовательности с самого начала по одной прямо линейной, заранее начерченной дороге, что будто бы она — это некоторого рода покоящийся полюс среди явлений разброда — не может быть уже никогда поддержанной. Существуют различные обходные пути от мировой революции, на которых в свою очередь существуют всевозможнейшего рода комбинации. — даже и комбинации русско-французского сотрудничества, — которыми можно добраться до паневропейской концепции, хотя бы в том числе и к такой, по отношению к которой применимо скептическое замечание Бисмарка: он слышал слово Европа из уст тех политиков, которые добивались от других держав чегонибудь такого, что они не осмелились требовать прямо от своего имени. Почему же не может дальнейшее развитие в таком направлении, как раз под углом зрения «собственных интересов» тоже привести в Лигу Наций?

Рудольф Брейтшейд.

Социальный строй России.

(Продолжение).

IX. ОБЩИННО-КООПЕРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА.

По ходячим, сложившимся почти сто лет тому назад, взглядом, в старину русское крестьянство было крепко организовано в двух «патриархальных», «примитивных» союзах: в «большой семье» и в земельной общине. И в том, и в другом представлении заключаются коренные ошибки и недоразумения.

По ряду разработанных в последние десятилетия историко-статистических документов (как «писцовые книги», «Румянцевская перепись» в Малороссии и т. п.) установлено, что и несколько сот лет тому назад крестьянская семья *была в среднем тех же размеров, что и теперь*. Все толки об увеличении семейных разделов, о распаде крестьянской семьи в пореформенный период — субъективные впечатления и иллюзии, опровергнутые как старой, так и новой статистикой.

В крестьянстве, как раньше был, так и теперь сохраняется известный — довольно значительный — процент «больших семей» — состоящих от 9—10 и до 15—20 и более душ и слагающихся из нескольких брачно-рабочих пар. Например, по земской статистической переписи 1910—1911 гг. в Пензенской губернии (а она показательна в данном отношении и для остальной России) насчитано из общего числа 260 тысяч крестьянских семей более 50 тысяч семей из 8, 9, 10 членов и более 25 тысяч семей из 11 и более членов, причем в тех и других было от 700 до 800 тысяч душ, т. е. почти половина крестьянского населения губернии. Таким образом, в каждый данный момент, как сотни лет назад, так и теперь, около половины крестьян живут, работают и воспитываются в *семейной кооперации*, — а значит одновременно проходит через нее и больше половины крестьянства. Конечно, это имеет огромное значение для развития прочного и глубокого кооператизма в русском крестьянстве. Но, повторяю, это не есть пережиток или воспоминание

прошлого, а это есть факт и прошлого, и настоящего, держащийся сотни лет приблизительно на одном и том же уровне.

Что касается патриархальной земельной общины, то здесь ошибка старых ходячих мнений еще резче. Земельная община — в главных и типичных своих чертах, т. е. как *уровнительно-распределительная организация*, — именно не существовала раньше, а есть факт нового времени, сложилась в последние двести-триста лет. «Живую историю» общины мы изучили на тысячах точно и детально наблюденных случаев в Сибири (см. том I моей «Русской Общины») и установили, что первоначально при полном земельном просторе господствует свободное семейно-захватное владение землей, неуровнительное и близкое к подворной собственности на землю. И лишь при наступлении «земельного утеснения», когда надел приближается к трудовой норме, возникает все более сильная борьба за землю между отдельными захватчиками, которая очень постепенно, через длинный ряд переходных ограничений захвата и частичных порываний, приводит, наконец, к регулярным переделам земли и к образованию вместе с тем полномочной земельной общины. Последняя играет роль *кооператива для распределения земли и организации земледелия*.

Историческое исследование (особенно в лице Павлова-Сильванского) обратилось в последние двадцать лет с этими данными к пересмотру прошлого общины и нашло в нем ту же картину, впрочем, частично намечавшуюся рядом исследователей и раньше. Оказалось, что о переделах земли раньше 16 века почти нет указаний. Да их и не могло быть, ибо при редком населении, при земельных просторах, превышавших трудовую норму они были бы бессмысленны и никак не могли возникнуть. Таким образом, земельная переделная община не имеет в себе ничего архаического, а развилась уже в новый — императорский и европействующий — период русской истории.

Значит ли это, что в тысячелетие истории России крестьянство было индивидуалистическим, несамодеятельным, неорганизованным? Нет, конечно, не значит, но его самодеятельность, его коллективы имели другие формы, чем это обычно себе представляют. В области хозяйственной это были главным образом две формы, как раз сравнительно мало изученные: во-первых, всякого рода «складства», представлявшие ячейки бытовой кооперации, и во-вторых, — те «погосты», «волости» и т. д., которые являлись единицами земского и муниципального самоуправления (и о которых скажу ниже).

Старинным словом «складство» я (следуя, главным образом, за Владимирским Будановым) называю в данном случае все виды соединений нескольких хозяев для всевозможных хозяйственных целей, для всякого рода сотрудничества и взаимо-

помощи. Картина их, в общем, ясна частью по документам, частью по современным наблюдениям (особенно на представляющих «живую историю» северных и восточных окраинах). Это — обмен всевозможных услуг между соседями, это — обмен семей работниками и рабочими днями в разных работах, это — соседские «помочи», созываемые крестьянином в экстренных случаях, это — «супряги», т. е. спрягание двух или нескольких семей для всевозможных полевых работ, это — «выти» или «десятки» и т. п. соединения, иногда более крупные, особенно для косьбы сена, рубки леса и т. д., это — «дружины», «артели» и т. п. — главным образом рыболовные, охотничьи, лесопромышленные и для всевозможных ремесленных и кустарных промыслов, это — «складчины» и «очереди» для содержания пастухов, ремесленников, учителей, причта, помощи бедным, производства общественных работ и пр., и пр. Сотни видов мелких бытовых свободных объединений такого рода давали русскому крестьянину веками и веками углубленное социальное воспитание в сотрудничестве и солидарности.

Таким образом, крестьянство России вступило в пореформенный период уже в значительной степени *самодеятельным, социально воспитанным, сплоченным в многообразные бытовые организации*. *Пореформенное крестьянство унаследовало от дореформенного следующие коллективы: 1) большую семью, 2) всякого рода «складства», 3) земельную передельную общину и 4) сельский вечевой «мир», как единицу самоуправления* (о котором ниже). Что сделало оно с ними в пореформенный период? Вопреки ходячему мнению, оно их *не только сохранило, но и как никогда раньше развило и приумножило*.

Как уже указано, ячейка «большой семьи», органически связанная с быстрым приростом населения и социально выработанная нашим сельским бытом, продолжает при сохранении этих условий попрежнему жить. Попрежнему, в той или иной степени и форме, большая половина крестьянства проходит с рождения и юности эту органическую первоначальную школу бытового социально-кооперативного общения. И более того, эта школа значительно повысилась качественно за пореформенный период: развитие личности сделало за этот период большие шаги, авторитарная власть большака значительно уменьшилась «нравы смягчились», положение и права подчиненных членов — женщин, детей и вообще младших членов заметно повысились. Уже к первой революции и особенно после нее крестьянская «большая» семья пришла к значительному обновлению, прошла большой путь от авторитарности к автономности.

Что касается «складств» — всякого рода «супряг», «товариществ», «артелей» и т. п., — и не только в земледелии, но и в крестьянских ремесленных и кустарных промыслах, — то и

они имеют и в настоящее время массовое распространение. Одни сирягания для вспашки и вообще обработки земли захватывали в иных южных уездах до половины и более хозяев. Складства при этом не ограничиваются старыми формами, старыми орудиями, старой техникой, а охватывают, по мере их появления и новые, так что появляются во множестве сеялочные, молотильные и т. п. сиряги, или, напр., один крестьянин покупает одну, другой другую машину, чтобы потом пользоваться ими совместно и т. д.

Если принять во внимание множество форм этих бытовых производственных кооперативов и массовое распространение некоторых из них, то несомненным надо считать, что *большинство* крестьянских хозяйств так или иначе, оказывается причастным к ним. И если вспомнить, что большая половина крестьянства проходит через кооперацию большой — или проще сказать сложной — семьи, что при этом в производственные складства вступают преимущественно именно не большие, а мелкие и слабые семьи, то пред нами вырисовывается факт чрезвычайного и глубокого социального значения: *значительное большинство русского крестьянства — несомненно не менее двух третей его — принимает участие и получает социальное воспитание в бытовой производственной кооперации*, сложившейся и складывающейся помимо всяких воздействий извне, как внутреннее и специфическое творчество самого крестьянства.

На ряду с этими мелкими и текучими, скрывающимися в глубине быта и потому до сих пор систематически и обобщающе не изученными производственными кооперативными ячейками, выдвинулся более крупный, могущественный и сильно организованный коллектив: земельная община. На основании разработанных мною обширных и многосторонних данных земской статистики и иных исследований, отчетов и анкет существо, жизнеспособность и значение крестьянской земельной общины можно резюмировать следующим образом.

По существу своему земельная община является ничем иным, как своеобразной *кооперацией*, — *если держаться широкого понимания кооперации, как автономного, — самопроизвольного и самоуправляющегося — союза трудовых единиц для хозяйственных целей*. Своеобразие общины — в той хозяйственной цели — в *распределении организации хозяйства*, — которой мы почти не встречаем в общепринятых кооперативных формах (впрочем, такова же, например, цель и структура «коллективных аренд» в Италии и других странах).

Старые представления, будто община связана с крепостным правом и создана государством и круговой порукой, прямо противоречат фактам. Община у крепостных крестьян была имен-

но крайне слабой, а часто прямо фиктивной, а сложилась она у свободных крестьян. Круговая порука ее не создавала и не могла создавать, ибо с одной стороны есть миллионы крестьян, прошедшие через круговую поруку и сохранившие подворное владение, а с другой стороны — и это главное — ведь при круговой поруке облагаются именно отдельные дворы и подразумевается именно подворное, а не общинное землевладение, при складывании же в борьбе за землю общины она постепенно просто обобщила землю с лежавшими на ней налогами и фактически сама по своему стала распределять эти налоги, выработав необыкновенное богатство их систем.

Во всяком случае, признаком автономности община обладает вряд ли в меньшей степени, чем обычная кооперация. Последняя есть в источнике своем изобретение и проповедь идеологической интеллигенции, затем она регламентируется государством и часто получает субсидии — частные и общественные. Общинное владение землей в России никем — ни идеологами, ни государством — не изобреталось, а есть результат *массового социального отбора, социальной борьбы и коллективной бытовой организации внутри самого крестьянства*, причем государство признавало и кодифицировало уже складывавшиеся формы и ячейки. Поэтому и по происхождению, и по существу в общине заключен глубокий *автономизм*, который и осознает самими крестьянством: для него «мир» есть очаг и цитадель всей его классовой жизни.

В пореформенный период община стала окончательно автономной и мощно развернула свои функции и в распределении земли, и в организации хозяйства.

Раньше переделы происходили у крепостных по рабочим силам, по мере вступления семей в крепостное «тягло», а у государственных — при переписях, по «ревизским» мужским душам. По освобождении впервые крестьяне свободно сами решали все вопросы о формах, принципах и сроках передела и прошли в этом за сорок лет — к первой революции — большой путь развития. Всего лишь $\frac{1}{10}$ общинников к тому времени еще никак не переделала земли, еще $\frac{1}{10}$ — переделывали их слабо, случайно, неопределенно, а $\frac{4}{5}$ общинников уже выработали новые усовершенствованные во многом способы переделов, причем $\frac{1}{10}$ из них изобрели и разработали новую и уравнительнейшую из разверсток: «по едокам», т. е. по всем душам обоего пола. За этот же период, особенно с 90-х годов, община все быстрее и решительнее реорганизуется системы хозяйства: переходит к улучшенным обработкам и высшим севооборотам, к травосеянию и многополью. Крестьянское хозяйство России, ведущееся на $\frac{4}{5}$ общинниками, повысило (по расчету С. Н. Прокоповича, который, мне кажется, отнюдь не преувеличен) сбор хлебов с одной

десятины от 34,7 пуда в 1896—1900 гг. до 43,5 пудов в 1909—1913 гг., т. е. на 25%: ясно, что крестьянство — и общинное крестьянство — интенсивно участвовало в общем экономическом подъеме, переживавшемся Россией. Община уже на деле показала неосновательность тех старых «философских предубеждений» против ее хозяйственной целесообразности, с которыми полемизировал еще Чернышевский.

Затем в двух революциях община выдержала жестокие испытания и одержала чрезвычайные победы. Когда в первой революции самодержавие увидело, что именно община стала организационным центром крестьянства в его борьбе «за землю и волю», то Столыпин попытался разбить и разложить этот эшелон крестьянской революции частью насилием, частью соблазнами и премиями. Община действительно претерпела чрезвычайную разруху: из 12 миллионов семей-общинников в Европейской России «вышло» из общины около трех миллионов. Но вышли не «трезвые и сильные», а слабые, наименее связанные с землей семьи, а главное — затем, после периода паники — выходы прекратились и вышедшие стали возвращаться обратно в общину. В период войны община проявила замечательную, небывалую активность. В 1917—18 году основная масса выходцев возвратилась в общину, и весь «черный передел земли» в эти годы был именно торжеством общины: выработанные общиной принципы земельного поравнения распространились на всю землю и стали публичным правом.

В общем итоге, земельная община, охватывающая в разных своих формах не менее четырех пятых стомиллионного трудового сельского населения России и еще большую долю занятой им земли, сыграла чрезвычайную и глубокую роль в сложении своеобразного социального строя России. Она вместе с государственным землевладением явилась основным организмом трудового земельного права и аграрного коллективизма в России. Оба эти коллектива — земельная община и государственное землевладение — взаимно поддерживались и развивали друг друга и только из их сотрудничества мог сложиться тот режим всеобщего трудового права, коллективного уравнительно-трудового распределения земли, который является единственным в мире, по крайней мере по разработанности и законченности.

Верховная собственность государства на всю землю России сложилась до общины, еще в татарские времена. Но она сама по себе еще не обуславливала ни трудового, ни уравнительного, ни коллективного землепользования: могла происходить, — как и происходила, — раздача земель крупным не трудовым владельцам, могло дело завершиться и распродажей земли, как это и совершается, например, в Америке и т. д. и уже вряд ли государство придумало бы само уравнительные переделы, да и при-

думав, вряд ли могло бы ввести их бюрократически принудительно. Только в самопроизвольном зарождении переделов и борьбы за землю семейно-захватных владельцев родилось в самом крестьянстве живое тело того уравнильно-трудового коллектива и действенный дух того бытового уравнильно-трудового правосознания, в которых перераспределение земли, вместе с организацией хозяйства, совершается свободно, самопроизвольно, автономно самими хозяйствующими. Однако, и земельная община сама по себе вряд ли могла бы сложиться и развиться без государственного землевладения: уравнильные переделы, оказавшиеся возможными между бессрочными пользователями государственной земли, быть может не совершились бы между собственниками.

Так или иначе, именно в сотрудничестве государственного и общинного землевладения лежала самая глубокая и интимная связь между авторитарной деспотией и крестьянским автономизмом: тут было между ними положительное взаимно выгодное сотрудничество, и на нем именно и держалась долгая историческая подданность крестьянства самодержавию. И государство само понемногу фактически перенимало выработанные общиной начала переделности и уравнильности, само поддавалось крестьянскому уравнильно-трудовому правосознанию, само заново уравнильно «наделяло» крестьян землей и постепенно — полусознательно — создало тот режим государственного *«надельного землевладения»*, который вместе с 200 тысячами работающих внутри уравнильных общинных аппаратов уже и составлял собственно режим уравнильно-трудовой национализации земли. Из 1.500 миллионов десятин российской земли — он охватывал около 1.400 миллионов десятин, из коих было в Европейской России около 200 миллионов десятин культурных земель «надельного» землевладения крестьян, казаков и пр. (бывших в их владении, но не в частной собственности) и остальные в Азиатской России (причем из них было более полумиллиарда десятин культурных или культурно-способных), которые уже прямо считались государственными.

Пока дело развивалось в этом направлении, между самодержавием и крестьянством был мир. Но когда после реформы реакция самодержавия отдала от него крестьянство и особенно когда после первой революции, самодержавие пришло в ужас пред мощью этого общинно-государственного крестьянского автономизма и попыталось ухватиться за $\frac{1}{16}$ собственной земли и разложить на собственничество самое общину, тогда произошел полный разрыв между крестьянством и самодержавием. И тогда пред крестьянством стала задача *сохранить и утвердить государственно-общинный уравнильно-трудо­вый земельный строй, но уже вопреки самодержавию и без него. В*

1917—1918 году, когда большевики, в виде отступного за захват власти, дали крестьянству свободу распоряжаться землей, общинное крестьянство это и осуществило.

Однако, наряду с этими замечательными достижениями бытовой сельской кооперации в производстве и распределении, ею не была завоевана одна важная и чувствительная для трудового крестьянства область: *обмена*. Конечно, отдельные попытки в этом направлении в крестьянстве появлялись, и та же община совершала кредитные операции, вела в последнее время покушку и передачу крестьянам и складствам орудий, семян и т. п., но все это не выливалось в единую и массовую самостоятельность и организацию. Наконец, после первой революции явилась в русскую деревню и меновая кооперация, — но уже сверху, в общепринятых уставных формах, как новая и особая организация.

Количественные ее успехи были чрезвычайные. Разные ее виды — кредитные товарищества, — к 1917 году их было около 16 тысяч приблизительно с $10\frac{1}{2}$ миллионами членов (почти сплошь крестьян) — потребительные общества — до 20 тысяч с четырьмя миллионами членов (из коих до половины — крестьяне), — сельско-хозяйственные общества и товарищества, маслособойные артели — в общем до 11 тысяч с одним миллионом членов — в 10—15 лет, от первой до второй революции, к 1917 г. — охватили не менее $\frac{2}{3}$ всего крестьянства России.

При этом качественная ее характеристика была чрезвычайно высока. А именно. 1) Устремление от специальных функций к универсальному меновому кооперативу, каковым фактически стало кредитное товарищество, занявшись всевозможным закупом-сбытом и посредничеством. 2) Массовое участие всех «слоев» крестьян. 3) Быстрое развитие активности участников при минимуме злоупотреблений. 4) Чрезвычайное устремление к широкой культурной работе и устройству «народных домов» с лекциями, библиотеками, хорами, театрами и т. д.

Этот необыкновенно высокий уровень и широкий размах крестьянской кооперации прямо поражал наблюдателей. Уже в разгаре войны, в 1916 году кн. Н. Шаховская описывала («Русск. Вед.» № 257) контраст между городской интеллигентской кооперацией и сельской крестьянской. Вот собрание в Москве: в светлом зале человек сорок интеллигентов общества потребителей критиковали «центр», искали способов отгородиться от не-членов и т. п., вскоре утомились и разошлись, не исчерпав программы. А в деревне в чайной «Народного Дома» поздно вечером после спектакля — ставился Островский — и пения хора, в дыму махорки члены кооперативов до пяти часов утра говорили и спорили и о задачах кооперативов, и о всевозможных культурных и политических вопросах с самым

широким захватом и с самым горячим энтузиазмом... Кн. Н. Шаховской «возвращение в Москву из маленькой деревушки странным образом показалось возвратом в глухую провинцию из полного жизни и движения центра».

Конечно, эти блестящие успехи *уставной* меновой кооперации в русском крестьянстве оказались возможны только благодаря тому, что оно получило глубокое *бытовое* кооперативное воспитание в «складствах» и в общине.

Таким образом, в общем итоге к моменту революции крестьянство России успело построить огромное и стройное кооперативное здание из трех этажей. Нижний этаж составляла бытовая производственная семейно-складственная кооперация. Средний — и центрально-организационный — этаж составляла земельная община, как кооператив распределения земли и организации земледелия. И третий верхний этаж состоял из уставной кооперации по всем видам обмена. Солидарность, сотрудничество, организация охватывали все полнее все стороны крестьянского хозяйства. В эти организации вошло огромное его большинство, мало ими остался захвачен разве узкий западный край России, совсем вне ее оказались лишь немногие распыленные индивидуумы из крестьянства. По той социальной объединенности и организованности, которая дает кооперация, крестьянство России, в результате пореформенной эволюции, стало единственной в мире силой.

Само собой разумеется, что большевизм внес сильные повреждения в это здание, но разрушить его не смог. На попытку его магическим жестом создать производственно-потребительные «коммуны», крестьянство ответило все теми же артелями и «товариществами» — наиболее интегральными видами складств, которые, конечно, выжили и даже — вероятно из-за бедствий — повидимому и усилились. Хотя отношение к общине у пришедших к власти большевиков-марксистов осталось враждебное, хотя были у них течения и попытки даже в сторону хуторов, но напасть на нее прямо они не решились, а возведенные были новые самопроизвольные выходы из общины вскоре же почти прекратились. Только едва построенный верхний этаж — уставную меновую кооперацию — большевизм снес было целиком, но затем должен был вновь его допустить, и он теперь, хотя и в искаженном виде, но, повидимому, уже восстанавливается. Общинно-кооперативное крестьянство, естественно, как организация автономизма, — оказалось самым сильным и непобедимым врагом авторитарной коммунистической деспотии.

X. КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОДВЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА.

Так как каждая социальная группа, каждая социальная сила характеризуется не только материальной, но и духовной жизнедеятельностью, то для полной социальной характеристики крестьянства, как и других классов, необходимо очертить его культурную, а также и политическую активность и организованность. Вопросы при этом представляются следующие: 1) какова общая исторически данная культура крестьянства, 2) насколько в него проникла и как преобразилась новая культура, 3) является ли крестьянство культурно и политически однородным, 4) какова его культурная и политическая активность и организованность.

Наиболее труден вопрос о самом «существо», о самом «духе» крестьянской культуры России. Во-первых, определение всякого вообще «существа», всякая обобщающая синтетическая характеристика наиболее трудна. Во-вторых, при увлечении нашей научной социальной мысли элементарной аналитикой, это *обобщающее* постижение *социально-культурного существа* крестьянства, хотя и может, и должно быть сделано наукой, стало у нас предметом не столько научного открытия, сколько художественного откровения. А между тем, в последнем слишком велик и опасен субъективный элемент. И действительно, наша бытописательная беллетристика, представившая богатейшие, единственные в своем роде материалы для обобщающей характеристики крестьянства, именно в очень большой степени страдала двумя субъективизмами — народническим крестьянофильством и антинародническим крестьянофобством, — которые, конечно, весьма интересны для характеристики сменявшихся настроений интеллигенции, но крайне мешают осмыслению существа крестьянской культуры. И только нейтрализовав оба эти окрашивающих зеркала — как розовое, так и черное, — мы найдем зерна научной правды в интуициях наших художников.

Имея все это в виду, я не претендую в этом вопросе на законченную и твердую формулировку, а предлагаю лишь некоторое предварительное намечение самых схематических ответов по двум пунктам: 1) насколько активна и талантлива русская крестьянская культура? 2) в чем именно состоят ее характерные черты?

По первому вопросу возможно сравнительно определенное и категорическое суждение, тем более, что оно вынесено уже компетентными специалистами в разных областях, и не только русскими, но и иностранцами. Так, авторитетнейшие наши агрономы констатируют массу ценных знаний и умений, накопленных вековым хозяйственным творчеством крестьян. Вел-

ческое ремесленное и художественное искусство, обширнейшая устная анонимная словесность — былины, сказания, сказки, пословицы и приметы, частушки и прибаутки и т. д., — наконец, наша столь своеобразная, богатая и глубокая песня, — все это наше «народное творчество», фактически являвшееся и являющееся преимущественно, а иногда почти исключительно творчеством крестьянства, — нашло уже себе всеобщее и высокое признание — и не только, повторяю, в России, но и за границей. Все это не оставляет сомнений в том, что наше крестьянское культурное творчество весьма обширно и активно, своеобразно и талантливо.

Труднее наметить, в чем именно состоит основная черта и основная сила этого социально-культурного творчества нашей деревни. Мне кажется, что наиболее метко и объективно она намечена двумя великими нашими художниками-реалистами: Гл. Успенским и И. Тургеневым:

Глеб Успенский вывел и построил социально-культурный тип крестьянина из «*власти земли*». Постоянное и глубокое общение с природой, все хозяйство, весь быт, весь душевный строй, пронизанные *целестремлениями земледельческого труда, цельность и автономность* — самостоятельность, самодеятельность — личность крестьянина, который — «сам себе слуга и хозяин» — вот по Успенскому лейтмотив всей сельской культуры, который дает ей чрезвычайную силу и высоту, но — при данных по крайней мере условиях — часто низводит ее и к низшим проявлениям, к «зоологической правде». Это определение в общем и художественно убедительно, и логически аксиоматично. Но у него два существенных недостатка. Во-первых, это определение не русского, собственно, а всякого вообще крестьянина: его находим и в «Земле» Золя, и в польских крестьянах Реймонта, и в итальянских рассказах Верги и т. д. Во-вторых, Успенский почти всецело поглощен бытом, а собственно культурой, духовною жизнью крестьянства он занимался мало. Так что, как это ни покажется странно, Успенский не дает ни картины, ни формулы собственно *крестьянской русской культуры*.

Эту формулу — или, лучше сказать, общую схему для нее — я нахожу в определении, данном Тургеневым русскому языку. У всякого языка есть свое свойство, своя тайна, своя сила, для русского ее Тургенев определяет так *правдивая простота, свободная сила*. Можно множеством фактов обосновать это определение — и более того — вывести его, как естественное и необходимое следствие географии и истории России.

Простота, непосредственность, подлинность, искренность, правдивость — все это черты сельской культуры, и эти черты явились в языке России в значительной степени именно от му-

жика, именно потому, что «Rus est rus» — что Россия — «руральна». Но в правде и в правдоискании есть и другой глубокий психологический источник — «сравнение вещей», «столкновение мнений». Именно бурные столкновения и сложные напластования различных культур в России, ниспровергая уклады и идеи, догмы, и «истины», способствовали развитию в ее народе страстного, критического правдоискания, даже доводя его иногда до болезненного переразвития, до сверх-критицизма, до самообличения и самоотрицания и т. д. С другой стороны, особенности нашей страны — ее просторы, ее разнообразие, ее изменчивость — широчайшие амплитуды температур, бурные контрасты времен года и т. д. — в связи с рядом потрясающих исторических переживаний и изменений, все это тоже не только возбуждало критику и жажду познаний и пониманий, но и создавало в самой психологии устремление к «свободе» и «силе», к самому широкому масштабу и размаху жизни. Все это сказалось в языке, выражающем дух народа. А народ наш это и есть крестьянство, и именно в нем живет в наибольшей чистоте и красоте этот язык правдивой простоты и свободной силы. И он выражает его своеобразную историческую индивидуальность: крестьянство — не узкое, традиционное и инертное, а широкое, изменчивое, динамическое, иногда до революционности.

Наметив эти формулы (которые не могу, конечно, здесь развить и к которым обращусь в другом месте), подчеркну еще только, что именно лишь этим и объясняется необыкновенно страстное устремление сельского населения России к знаниям и пониманиям, к образованию и правдоисканию. Крестьянин много и страстно говорит, рассуждает и спорит и в трактире, и на сходе, и в вагоне железной дороги. Нет вопросов, которые бы его не интересовали. И нигде я не встречал такой свободы слова, как на сходах мужиков под царской деспотией. Увлечение чтением, жадное искание знаний и пониманий проявлялось во множестве форм — и в виде подростков, бегущих за поездами и просящих: «газет, газет», и в чтении вслух в лавочке, в чайной, даже в чтении подростками газет на улице, «за копеечку» и т. д., и т. д. Наконец, искание религиозной правды выражалось во множестве «странников», в развитии множества сект, иногда достигавших необыкновенной высоты и охвативших еще до революции 1917 года миллионы крестьян.

Все эти основные черты крестьянина, как культурного типа, ярко выразились и в напряженном и необыкновенно быстро усиливавшемся усвоении им и новой культуры, прежде всего в стремлении к образованию.

Как уже указано, школа в сельской России развилась

быстрее, чем в городах. Это — в значительной степени — заслуга нашей идеологической интеллигенции — земского дворянства и «третьего элемента». Но что и крестьянство не пассивно лишь принимало вводимую школу, а активно само работало над ней, это ярко устанавливается длинным рядом фактов (обычно либо игнорируемых, либо просто неизвестных). Во-первых, и в земской школе крестьянские сельские «миры» непосредственно брали на себя (постройки и содержание помещений и т. п.) значительную долю расхода на школы. Во-вторых, в чисто крестьянских земствах — как пермское, вятское, — процент расходов на народное образование составлял не меньшую, а большую долю бюджета, чем в земствах дворянских. В-третьих, даже и в земских губерниях село по развитию школы обогнало город. В-четвертых, рядом с земской школой крестьяне содержали в складчину или миром множество «самовольных» школок с самодельными учителями из дьячков, солдат и т. п., в которых (судя по моим разработкам по нескольким уездам разных губерний) учились сотни тысяч детей. В-пятых, крестьянство очень быстро перестало удовлетворяться элементарной школой и сейчас же после первой революции, как только это стало фактически возможным, начало открывать в селах крестьянские гимназии и иные средние учебные заведения, каких ко времени войны было уже несколько десятков во всевозможных полосах России. Наконец, восстановление школы в деревне после ее разгрома большевиками происходит в большой доле самостоятельно заботами и усилиями вчера еще умирившего от голода, а местами и до сих пор голодающего крестьянства.

В результате русская деревня далеко уже не является той безграмотности и невежества, как это думают не знающие ее интеллигенты: в 1915 году оставалось всего семь лет до завершения сети всеобщего обучения, во время войны уже две трети новобранцев было грамотных и т. д. Так что если бы не война и революция, мы имели бы уже не больше неграмотных рекрутов, чем, например, Франция.

Но усвоение новой культуры не ограничивалось в русском крестьянстве техническим или чисто практическим приобретением грамотности, а соединялось с горячим интересом к самому существу этой культуры, — ее идей, знаний, ее эстетики, политики и т. д. Библиотеки, читальни, кружки саморазвития, чтение дома, в чайных, на улице, лекции, народные дома, народные театры, отклик крестьян на пропаганду агрономов, на пропаганду политических партий, на пропаганду религиозных сект, — все это с каждым десятилетием, с каждым годом развивалось все шире и все сильнее в нашей деревне.

Ко времени первой революции, во время нее и после нее

крестьянство было охвачено таким ярким и жадным устремлением к культуре, что его можно сравнить с пробуждением нашей интеллигенции в 60-е годы. Во это время в деревне выдвигались из пореформенных поколений, уже не знавших крепостного права, сотни тысяч развитых, начитанных крестьян, которые являлись могучим инициативным меньшинством в развитии агрикультуры, общины и кооперации, которые сами начинали работать в народных домах, играть в деревенских театрах, которые тысячами и тысячами шли и гибли в политической борьбе, — которые, словом, уже образовали *новую собственную крестьянскую интеллигенцию*.

Большевизм нанес огромный ущерб этому впитыванию новой культуры, этому собственному культурному творчеству крестьянства, но тем самым еще более усилил устремление его к культуре. Значительная часть самородной крестьянской интеллигенции прямо-таки истреблена, или искалечена большевизмом. Но теперь подрастает не менее активная молодежь и *вырастает вся крестьянская масса*. Когда местами констатируется, что до половины крестьян-комсомольцев — добывается среднего и высшего образования, когда уже среди самих крестьян образуются общества краеведения для систематического самоизучения, то это выражает необыкновенно сильную тягу крестьянства к культуре. Когда сами большевики начинают признавать, что крестьяне оказываются культурнее большевизмских комьячек, когда уже не передовая группа «сознательных», а вся масса хозяев является на лекции агрономов и иных культурных работников, слушает, по словам последних, с огромным вниманием и необыкновенно быстро отзывается на нововведения, — то ясно, что пореформенная эволюция и две революции вызвали в крестьянстве самую напряженную культурную самодеятельность, и деревня вступает, — точнее, вступает, как только позволят политические условия, — в полосу яркого культурного расцвета.

Что касается третьего поставленного выше вопроса, — насколько однородным и однотонным является крестьянство в социально-культурном отношении, то общий ответ на него опять-таки противоречит ходячему представлению: именно, в культурном смысле оно является более разнородным, пестрым и красочным, чем в социально-классовом.

Эта социально-культурная разнородность трудовых земледельцев России создана, главным образом, тремя рядами условий: географическими, этнографическими и политическими.

Огромные географические различия России, — от полярного круга до Кавказа и Туркестана, — обуславливают не только различия в хозяйстве, но и в самом физическом и психическом типе людей, в их переживаниях, в их быте и обычаях.

в их знаниях и пониманиях, в их эстетике, этике, религии. И, конечно, эта «власть земли» всего сильнее в крестьянстве.

Этнографически земледельческий класс России состоит не только из русского крестьянства — которое тоже уже имеет множество различий, — но еще из сотни народностей, из коих десять-двадцать более значительных и жизнеспособных. Понятно, эти племенные различия, связанные с языковыми, религиозными, историко-культурными, окрашивают в очень яркие цвета наше живущее и работающее при земле население.

Наконец, велика и политически созданная разница в разных группах крестьянства, как бывшие государственные, крепостные, удельные, монастырские, «четвертные», колонисты, казаки и т. д., и т. д. Все эти группы жили в столь различных условиях, столь отличались по размерам и условиям землевладения, по хозяйству, по государственным и иным обязанностям и привилегиям, по характеру самих деревень, самого населения, его костюмов, его манер и поведения, — что опытный глаз и до сих пор сразу отличит большое село государственных или казаков с зажиточным, сильным, независимым народом, от малых и бедных крепостных деревень с серым и подавленным населением.

Эта социально-культурная разнородность крестьянства России есть в общем факт несомненно, положительный и высокоценный. Свободное общение в пределах единого государства такого множества типов и переживаний, скрещение такой массы особенностей и своеобразий вносит чрезвычайное богатство элементов, необыкновенно энергичную подвижность и изменяемость, напряженную энергию и инициативу в культурную самодеятельность и в культурное творчество нашей стомиллионной крестьянской массы. Именно этим, я думаю, и объясняются в значительной степени вышеуказанные положительные культурные особенности и достижения русского крестьянства.

Но и в этой области, и во всей пореформенной эволюции, и в двух революциях несомненно происходила «нивелировка» крестьянства, сдвигание его от большей к меньшей разнородности. «Это культурное «сслоение» крестьянства, конечно, не могло происходить в сфере различий географических (что до известной степени представимо лишь при очень больших социальных и технических достижениях), но она несомненно значительно продвинулась в сфере этнографических и политических отличий.

Конечно, было бы упрощением и искажением сказать, что произошла и происходит «ассимиляция» инородческого населения с русским, «руссификация» его. Но происходил существенно иной — гораздо более культурно-творческий процесс: *приобщение к русской культуре инородческой деревни с поглоще-*

нием лишь немногих, немногочисленных слабейших групп, но с пробуждением у сильнейших инородцев именно от вложения этой широкой и гуманистической русской культуры — их собственной национально-культурной жизни. Наоборот, ликвидация историко-политических сословных и подобных им различий шла скорым и все ускоряющимся темпом, и с 1917—1918 гг., — с крушением самодержавия и его законов и с земельным переворотом (приблизившим бывших крепостных к уровню бывших государственных и т. п.), — эти искусственно сверху расклинявшие крестьянство «столбы» и «заборы», частью уже повалились, частью валяются и рассыпаются бытовыми процессами.

Трудно подвести точный итог значению этого социально-культурного «сслоения» крестьянства. Сословно-хозяйственная нивелировка, покончившая с остатками форм феодального типа, конечно, только полезна культурному творчеству, ибо завершает ту свободную конкуренцию трудовых хозяйств при равных условиях, которая сама собой в социальном «естественном отборе», еще до революции, и затем в них победила в деревне. Эта нивелировка, подобно равенству в политических вольностях, не есть обезличение, а, наоборот, именно свободное развертывание всех личностей. Здоровым было и согласование — не уничтожение — этнографических различий, ибо тут многозвучие народностей не терялось, а лишь складывалось из хаоса в аккорды, открывшие и дальнейшее обогащение. Но большевизм растравил национальные устремления, смешал их в болезненную какофонию, так что оздоровления, — возвращения к складывавшимся аккордам вокруг основных лейт-мотивов российской культуры — можно ожидать преимущественно снизу, из того же крестьянства, которое сможет скорее всего преодолеть «дисгармонии» и найти «гармонии» в опытно-бытовом общении, изживании и творчестве.

Наконец, последний из поставленных выше вопросов — о культурно-политической организованности крестьянского класса — сводится, фактически, главным образом, к одной, но чрезвычайно сильной и важной организации: к многократно поминаемому, но еще очень недостаточно изученному и смутно понимаемому «миру».

Рядом с выше охарактеризованными хозяйственно-кооперативными объединениями в нашем крестьянстве искони существовали и действовали более крупные союзы с культурными, правовыми и политическими функциями: более крупные деревни и группы деревень, объединявшиеся в волости и т. п. Эти объединения прежде всего ведали всякого рода земско-муниципальными функциями: материальным благоустройством всякого рода, — улицами, дорогами, мостами, плотинами, со-

общениями (подводами и т. п.), общественными зданиями, общественным здоровьем, призрением, образованием, наконец, церковно-религиозными нуждами и т. д. Затем здесь же сосредоточивался бытовой суд, как уголовный, так и гражданский, в том числе дела по захвату и владению землей, как отдельными дворами, так и починками (группами дворов). Наконец, это была и низшая инстанция налоговой организации и вообще мелкая ячейка самоуправления и управления. Словом, это были центры общения и самостоятельности по всевозможным общественным делам, как возникшим внутри на местах, так и приходившим извне от государства. Таким образом, это тоже были «веча», в которых — по крайней мере у некрепостных крестьян — веками жила некоторая фактическая автономия, в которых развивался некоторый вид своеобразной бытовой демократии.

В течение XVIII и XIX века в организации этой сельской вечевой мирской демократии произошел глубокий и важный поворот. С одной стороны в нечерноземной лесной России сгустилось население, разрослись более крупные, чем раньше деревни. С другой же стороны произошла колонизация южной и юго-восточной степной России, где к нашему времени оказалось около половины крестьянства и где оно селилось преимущественно крупными селами. Таким образом, в последние два века наше крестьянство в большинстве как бы переселилось из мелких починков в средние и крупные деревни и села. Естественно, в этих более крупных обществах развилась гораздо более сильная общественная жизнь. А вместе с тем, естественно, и мирская, культурно-политическая самостоятельность переселилась из волости в село. Мирское вече отождествилось с сельским сходом. Понятно, что такое оживление деревенского общения и приближение и углубление мирской организации внутрь и в быт крестьянства чрезвычайно оживило и укрепило вечевую мирскую самостоятельность. В этом смысле, подобно общине, и *сельский мир* есть преимущественно создание нового времени.

Картина пореформенной культурно-политической организации и самостоятельности сельских миров резюмируется следующим образом. Если считать круглым счетом около 20 миллионов дворов земледельческого населения и до 200 тысяч «сельских обществ» (и равнозначных им единиц), то в среднем придется сто дворохозяев на сельское вече. Если исключить мелкие лесные починки и инородческие «аулы» (с сильными еще феодально-родовыми пережитками), то все-таки надо считать, что ныне значительное большинство крестьянства живет в деревнях и селах от двух-трех десятков и до тысячи и более дворов и практикует *вечевую самостоятельность сельских сходов*. Соби-

раются на них обычно домохозяйства — главы семей (допускаются и женщины), иногда же от больших, сложных семей приходят и по несколько представителей. Собираются сходы весьма разнообразно, но в среднем от одного раза в неделю до одного раза в месяц.

В пореформенный период сельский мир, подобно земельной общине, с которой он, хотя не сливается, но фактически или совпадает, или соседствует или скрепляется, прошел большой путь развития. Я затрудняюсь составить список дел, которыми занимаются сельские веча: по предпринятой мною в 1902 году анкете их оказалось несколько сот, причем список заведомо неполон и он охватывает все мыслимые сферы социальной жизни. Точнее всего будет сказать, — как это и сформулировали некоторые мои деревенские корреспонденты — *что сельский сход фактически занимается всеми без исключения вопросами: трудно себе представить такие социальные проблемы, которых в тех или иных из 200 тысяч веч не ставили бы на обсуждение.*

Таким образом, чрез сельские веча проходило все земское дело, все благоустройство, все выраставшие в пореформенный период культурные проблемы и бытовые переживания и новшества. Чрез них прошла и агрономия, и кооперация. Они стали в первую революцию очагом политическим и автором мирских наказов в Государственную Думу. Они в 1911—12 гг. начали массовое закрытие кабаков. Они развили во время войны огромную самостоятельность помощи солдатам, их семьям, раненым, беженцам и т. д., и т. д. Уже в 1902 году, по моей анкете, влияние на сходах быстро переходило от стариков, богатеев и темных к молодым грамотным середнякам и порядок обсуждений и решений быстро улучшался, пьянство уменьшалось и т. д. Наконец, и под большевицким режимом новый «сельсовет» остается полу фиктивным, служит, как прежний староста, для сношений с начальством, а сельское вече по-прежнему живет полною жизнью и остается фактическим хозяином всей внутренней социально-культурно-политической жизни деревни.

Насколько велика роль общественной деятельности в быте крестьянина, по сравнению с другими классами, это недавно получило даже выражение в статистических цифрах. С. Струмилин (в своей чрезвычайно интересной работе «Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922—23 году»), подсчитал все употребление времени, — на труд, сон, отдых, развлечения, самообразование, общественную деятельность и т. д., — в нескольких десятках семей рабочих и крестьян. И вот получилось, что хотя на «самовоспитание» (чтение и т. д.) глава семьи рабочий Петрограда, Москвы, Иванова-Вознесенска, — т. е. культурнейших центров, — употребляет времени значительно больше, чем глава семьи крестьянин Воронежской губернии (района скорее отсталого, а главное — в момент самой полной культурной раз-

рухи деревни), но за то на общественную деятельность в среднем ежедневно рабочий тратит всего 14 минут — и это при ее почти обязательности при большевицком режиме, — крестьянин же употребляет — вполне самопроизвольно и вопреки этому режиму — в четыре раза больше — от 56 до 61 минуты, т. е. отдает общественной деятельности в среднем каждый день по часу.

Таким образом, деревенское общение, где все крестьяне живут «на людях», живо интересуясь жизнью друг друга, где все дела, от которых зависит их материальный и духовный быт, решаются, или по крайней мере обсуждаются на сельских вечерах, создало высокую «социальность» и «политичность» русского крестьянства. В этом отношении другие классы, — дворянство и буржуазия, интеллигенция и пролетариат, — имели несравненно меньше практики и возможностей и оставались гораздо меньше воспитанными и организованными социально и политически. Эти классы являются более «сознательными», но эта сознательность, обладая важным преимуществом большей осведомленности и более общей постановки проблем, уступает, однако, крестьянской общественности по своей абстрактности, специализации, техничности, по преобладанию слова над действием, и конечно именно эти качества и привели, когда гегемония очутилась в руках города, к крушению демократической революции и к торжеству большевизма.

Наоборот, политическое развитие русского крестьянства, освобождение его от векового гипноза абсолютизма и приятие им демократического государства было необыкновенно быстрым. Обаяние самодержавия было впервые подорвано режимом Александра III, «приблизившим власть» к народу — особенно в лице земских начальников и открывшим на нее глаза крестьянам. И затем после пятилетней тайной пропаганды, уже в 1906—7 году крестьянство послало в Государственную Думу почти сплошное демократическое — в значительной части социалистическое — представительство. В 1917 году крестьянство уже сплошь стало на сторону радикальной демократии и при этом почти совершенно не педдалось большевицкой демагогией. В гражданской войне, попав между красными и белыми, успевшими захватить почти все оружие, оно все-таки и несмотря на то, что получило уже землю, делало бесчисленные попытки восстаний и потеряло в них сотни тысяч своих лучших людей. Наконец, и под большевицким режимом, несмотря на все его усилия задавить бытовое самоуправление крестьян и бюрократизировать его посредством «сельских советов», фактически, по обследованиям самих же большевиков, сельское вече созрало всю свою силу и остается непоколебимо основной ячейкой классового крестьянского автономизма — «крестьянской активности» — и вообще сельской демократии России.

Итак, ответ на поставленные в начале этой главы вопросы намечается схематически следующим образом.

В трудовом сельском населении России исторически, органически сложилась обширная, своеобразная и активная *сельская культура* «Дух» ее, — выявленный в некоторых чертах вообще в русской культуре, — сосредоточен в быте и типе трудового хозяина земледельца, которого «власть земли» — своеобразной европо-азиатской русской земли — сделала цельным и автономным и — в отличие от западного по преимуществу «статичного» крестьянства, — сравнительно инициативным и «динамичным».

В пореформенной эволюции и двух революциях крестьянство России и культурно, и политически прошло большой путь развития. Оно уже в значительной степени модернизовалось и европеизовалось, не только усвоив много технически, но и проработав и выработав внутри себя начатки новых культурных ценностей, нового культурного творчества.

Крестьянская культура России, своеобразная и единая в своем общем типе, обладает большим многообразием и богатством проявлений. Оно обусловливается огромностью географических и исторических различий России и разнообразием вошедших в ее творчество элементов и оно обусловливает — чрез их скрещение и оплодотворение — яркость и многокрасочность этого творчества.

Крестьянство России является культурно и политически активным и организованным. Эта активность и организованность веками сложилась и воспиталась в сельском вечевом автономизме, частью на кооперативно-общинной экономической самодеятельности, частью именно на местном — мирском — культурно-политическом самоуправлении и строительстве. Эта общественная деятельность, эта «res publica», эта союзность и организованность глубоко внедрили в русское крестьянство свойства «социальности», «публичности», которые в испытаниях последнего времени еще более окрепли и созрели.

Сводя воедино все эти черты самодеятельности, «публичности», «социальности» русского крестьянства (которые я наметил и обосновал еще в 1906 году в моем «Народном праве»), можно резюмировать их в сопоставлении с Западом следующим образом. Хотя Великая Французская Революция провозгласила интегральную социальную формулу «Свободы, Равенства и Братства», но XIX век, живший «религией Разума», воплотил преимущественно лишь *свободу*. И потому *построившиеся демократии были еще негативны и формальны*: разрушив автократизм, создав *политическую* форму автономизма, они еще не наполнили ее соответственным содержанием — *живым творческим социальным автономизмом*. В русском крестьянстве и

взростали исторически эти элементы *социального автономизма* — *равенства и взаимности, братства и союзности*, — как живая практика быта, как обычное право и правосознание, как эстетические, этические и религиозные устремления. В последние полвека в живом культурном пробуждении, в огне грозных политических испытаний, эти социально-культурные начала быстро созрели в сельской России, и они, можно думать, отвечают тому наступившему с XX веком и мировой войной великому историческому перелому, который под страхом новых катастроф, призван оживотворить «религию Разума» «религией Добра».

К. Кочаровский.

(Окончание следует).

Жгучий вопрос эмиграции.

Имеет ли русская эмиграция представление о том гигантском миграционном*) потоке, в который она влилась сначала чуждой, особой струей и в котором она все больше и больше растворяется?

Имеет ли русская эмиграция — в целом — представление о неразрывной, нередко трагической связи между ней и этим общим миграционным потоком?

Знает ли русская эмиграция, что, превратившись в своем большинстве в людскую массу, ищущую на чужбине заработка, она тем самым стала составной частью мировой миграции и что ее ближайшая судьба зависит от приливов и отливов миграционных волн?

Вряд ли... Ее внимание и ум привлекались всегда к явлениям иного порядка. Предполагаемые выразители настроений и дум эмиграции — осколки бывших либеральных и правых партий — рассматривали ее исключительно, как оружие борьбы с советской властью. Позднее часть бывших либералов, поняв, что для вооруженной борьбы эмиграция не годится, начала рассматривать ее, главным образом, как среду, из которой можно вербовать приверженцев для создания новых партий. Право и «умеренно» настроенная эмигрантская печать, эмигрантские съезды — не говоря уже о приказах, распоряжениях и литературе всевозможных «командований» — занимались и занимаются какими угодно

*) Миграцией называется переселение из одной страны в другую в целях обоснования в ней.

Мигрирующий для покидаемой им страны является эмигрантом. Для страны же, в которую он въезжает, является иммигрантом.

Когда эмигрант покидает родную страну окончательно, он принадлежит к миграции постоянной, когда покидает ее с целью вернуться обратно на родину, принадлежит к миграции временной.

Русская эмиграция, переходя на положение трудовой, психологически может быть причислена скорее к временной, хотя и не представляет себе, когда сможет вернуться на родину, будучи лишенной в подавляющем своем большинстве подданства.

вопросами вплоть до перекройки мировой политической карты. Не занимались они только одним вопросом — вопросом защиты русского труда за границей.

Они упрямо не хотели видеть, что жизнь уносит основную массу эмиграции — «их массу» — все дальше и дальше в бурное трудовое миграционное море. Они упорно не хотели понять, что не только русские рабочие и крестьяне, попавшие за границу, но и значительнейшая часть интеллигенции и офицерства превращается условиями эмигрантского и беженского существования в трудовую массу, и что даже значек галлиполийца на куртке шофера или на блузе рабочего не может сотворить чуда — не может поставить обладателя этого значка в какие то особые правовые и экономические условия жизни, независимые от общих для всей эмиграционной массы законов.

В этом добровольном ослеплении и непонимании есть большая доля расчета: понять и увидеть то, что происходит в русской эмиграции и сделать из происходящего правильные выводы, это значило бы для руководителей правой и «умеренной» части русской эмиграции работать против самих себя, против всех тех политических «доктрин», какими заполнены их газеты, листки и журналы. Ибо правильное понимание происходящего превращения большинства русской эмиграции в трудовую массу неизбежно толкает ее на путь осознания себя, как таковой. Одни медленно, другие более быстро, но, в конце концов, русские эмигранты, предлагающие свой труд в качестве квалифицированных или неквалифицированных рабочих, неизбежно проникнутся в подавляющем своем большинстве профессиональной психологией, проникнутся сознанием необходимости связи с остальной международной рабочей массой.

Ибо без осознания этой связи, трудовой связи, с профессиональными организациями трудящихся всего мира (и в первую голову с профессиональными союзами стран, давших эмигрантам убежище), без включения себя в общий миграционный план, трудовая часть русской эмиграции всегда будет находиться в особо жалком материальном и — прибавим мы — моральном положении. Она не пользуется защитой своей страны, она не знает, когда сможет вернуться к себе на родину, она не организована. Она не связана с профессиональными рабочими организациями. На нее обычно смотрят, как на досадную помеху, как на вечную попрашайку, а часто, как на неорганизованную массу штрейхбрехеров.

И в поисках труда она, конечно, является самой слабой

из всех составных частей международной эмиграции и на ней тяжелее всего отзываются и будут отзываться международные и национальные экономические кризисы и прежде всего и больше всего назревающий гигантский миграционный кризис.

Вот почему ее внимание должен с особой силой привлечь съезд двух организаций: Интернационала Профессиональных Союзов (Амстердамский Интернационал) и Социалистического Интернационала (II-ой Интернационал), — который был назначен на 20-ые числа мая в Лондоне и который теперь отложен на месяц. Этот съезд двух могущественнейших рабочих организаций — профессиональной и политической — будет целиком посвящен вопросам миграции и ее урегулированию для того, чтобы, (как говорит в своем замечательном докладе*) съезду, секретарь Международного Интернационала Профессиональных Союзов, Джон Браун).

«Изучить со вниманием все виды проблем настолько же разнообразных, как и многочисленных, вызванных миграциями. И как только он (рабочий интернационализм) определит свою политику, он бросит на чашку весов все свое влияние в учреждениях, которые управляют миром».

* * *

Каковы же размеры миграционного потока? Доклад Джона Брауна рисует картину грандиозного переселения народов, переселения трудового, ибо вызвано оно исключительно поисками труда вне пределов родных стран. Пятнадцать государств Европы в пятилетие, предшествовавшее войне, от 1909 до 1914 г., отправили только за океан 6,740,000 человек, ищущих труда.

Та же Европа в пятилетие после войны, с 1920 по 1924 г., в лице 24 государств отправила за океан 3,750,000 человек. Но в это число не входит внутриевропейская миграция, — это только заокеанская. За пятилетие 1920—1924 г. миграция заокеанская и внутриевропейская достигает размеров 5,600,000 человек.

Если же прибавить, что кроме белых миграций на миграционный рынок выбрасываются и миллионы цветные — так, например, в 1921 г. вне пределов Китая, Индии и Японии находилось 8,870,000 китайцев, 2,000,000 индусов и 631,000 японцев (главным образом, мигрирующих в самой Азии и

*) *Les migrations et la classe ouvrière* par John Brown secrétaire de la Fédération Syndicale Internationale. Rapport présenté au Congrès Mondial des Migrations, Londres 1926. Premier volume p. 226. Amsterdam F. S. J.

на островах Океании), — можно себе представить, в какой грандиозный поток попала русская политическая эмиграция, волею судеб все больше и больше превращающаяся в экономическую, трудовую.

Из белой массы за пятилетие 1920—1924 г. Канада приняла 438,000, Соединенные Штаты — 1,900,000, Южная Америка, главным образом, Аргентина — 692,000 и Бразилия — 381,000, Австралия (вместе с Новой Зеландией — 51,000) за четыре года приняла 505,000, Южная Африка—76,000 человек. Кроме того, происходила (часто нелегальная) миграция в Мексику, Центральную Африку, на Антильские острова, в южно-американские государства, в Океанию и т. д.

До 1921 г. заокеанской миграции не ставилось никаких политических барьеров, и в первые четырнадцать лет XX века 15 европейских стран, из которых происходила, главным образом, миграция, дали 17 миллионов заокеанских эмигрантов. Таким образом, Европа ежегодно выбрасывала в среднем 1,200,000 человек только за океан. После войны экономические условия ухудшились, но заокеанская миграция уменьшилась.

«Причины этого явления, говорит рапорт секретаря Международного Профессионального Интернационала, ясны: хотя многие из народов Европы еще нуждаются в возможности эмигрировать, они не находят больше благоприятного приема. Если Соединенные Штаты являются единственной страной, окончательно установившей защитительный пояс против эмиграции), то и другие нации направляются также по этому пути. Второй причиной является экономический застой в некоторых главных странах иммиграции, особенно в Канаде, Южной Африке и Аргентине. Общее экономическое недомогание отчасти тоже ответственно за это положение; точно также несомненно, что некоторые из этих стран недавно получили гораздо больше эмигрантов, чем они в силах переварить. Но несомненно также и то, что и род посылаемого эмигранта не отвечает нужде. По большей части новые страны требуют земледельческих рабочих рук и только их. Они не имеют или имеют слишком мало промышленности. Европа же изобилует промышленными безработными рабочими, которые не требуются за океаном. И поскольку они не могут предаться земледелию, им лучше всего остаться у себя, в противном случае они лишь увеличат число безработных, находящихся во всех больших прибрежных городах новых стран, обременяющих страны иммиграции и дискредитирующих этим всю эмиграцию в целом.»

И действительно, в 1921 году Соединенные Штаты поставили первый барьер иммигрантской волне, и в ряде пор-

тов Европы готовившиеся к отплытию эмигранты были задержаны, а уже прибывшие в Америку отправлены обратно.

Причины этого решения сложны: они не только экономического, но и национального характера. Альберт Джонсон, председатель Комиссии Иммиграции в Палате Депутатов Соединенных Штатов резюмировал следующим образом предмет нового проекта закона об иммиграции—вернее сказать закона п р о т и в иммиграции:

«Нашей надеждой является надежда создать однородную нацию. Был момент, когда мы принимали всех, и все прибывали сюда для создания нации. Но этот период теперь закончен: котел для сплавки должен остановить свою работу. Наша нация должна быть так же совершенно однообразна, как все остальные нации Европы или Азии. Этого требует забота о самосохранении».

Новый закон об иммиграции и базируется на этих соображениях Комиссии. Он был принят в мае 1924 года. Им устанавливается так называемая иммигрантская квота для каждой страны. Общее число эмигрантов для всех стран Европы, Азии, Африки, Австралии и Океании, которых они могут послать в Соединенные Штаты, устанавливается на период с 1924 по 1927 год в 167,000 человек. Начиная же с 1927 года — в 150,000 человек (из них на долю русских — русская квота — в первый период приходится всего лишь 2248 человек ежегодно, в следующий период и того меньше!)... Если к этому прибавить, что уже в 1922 году Европа смогла выслать в Америку всего лишь 350,000 человек, станет ясным, какое огромное количество людей, осталось в Европе, и какой критический период невиданной конкуренции трудящихся масс открылся в ней. Достаточно сказать, что одни итальянцы, выехавшие за первые девять лет XX века в Соединенные Штаты в количестве 2,000,000 человек, были приняты по первому исключительному после войны закону в количестве всего лишь 42,000 человек, теперь же их квота сведена до 3,845 человек!.. Канада, Бразилия и Австралия точно также встали на путь ограничения иммиграции...

В самой Европе в свою очередь сократились возможности внутренней миграции. Более благоприятной в этом отношении была Франция, чувствовавшая острую нужду в рабочих руках. Но теперь и Франция, в которой скопилось до 3½ миллионов иностранных рабочих (по исчислению Генеральной Конфедерации Труда), встала перед проблемой решительного ограничения иммиграции.

Таким образом, в Европе ежегодно остается около миллиона человек, нормально долженствовавших бы отпра-

виться в поисках труда за океан. Этот ежегодный миллион спутывает карты в н у т р и е в р о п е й с к о й миграции, устраивает ей конкуренцию, пытается мигрировать во внутриконтинентальные страны и увеличивает собою то огромное количество безработных, которое создается экономической и политической послевоенной разрухой Европы.

* * *

Вот, в кратких словах, то миграционное море, в которое влилась невольная русская эмигрантская струя. Надвигающийся миграционный кризис чреват грозными последствиями для европейских масс, ищущих работы, несмотря на то, что эти массы находятся под защитой своих наций, несмотря на то, что о них заботятся не только мощные рабочие организации, но и особые правительственные учреждения, и несмотря на то, что они могут рассчитывать на силу и покровительство специальных договоров по вопросам миграции, заключаемых правительствами их стран.

Но на что может рассчитывать трудящаяся часть русской эмиграции, лишённая подданства, неорганизованная?

Мы не говорим уже о безумных — и комических в то же время — советах, которые дают эмиграции газеты типа «Возрождение», восхваляющие «пулеметы нечаевцев» — то есть вмешательство эмигрантов вооруженной рукой на стороне реакции во внутренние дела Китая, Болгарии и вообще всюду, где можно вмешаться, восхваляющие работу по... «по-сильному подкреплению казны Великого Князя!» Эти советы смехотворные, мало убедительные для русских, имеют большое отрицательное значение, ибо, становясь известными иностранным рабочим организациям и иностранному общественному мнению, они вооружают против русских, ищущих заработка, как против элементов беспорядка, иностранное общественное мнение и, что важнее всего, международные объединения трудящихся.

А вне связи с этими объединениями, вне защиты права русского эмигранта на труд этими организациями русские, ищущие заработка за границей, рано или поздно осуждены на катастрофу. Помочь им могут только эти организации.

Я помню, как в начале 1919 года ко мне пришел в Нью-Йорке русский адмирал.

— Теперь я понимаю, сказал он, и не только понимаю,

но и глубоко ощущаю, почему надо защищать право рабочего на восьмичасовой день.

— Я сам работаю на верфях, продолжал он, простым рабочим. И знаю, что это такое — рабочий день!

Не далек тот час, когда и русская эмиграция, ж и в у щ а я т р у д о м р у к с в о и х, поймет на собственном горьком опыте, какое огромное значение имеют для нее не только высокая заработная плата и восьмичасовой рабочий день, но и рабочая самодеятельность и рабочая организация; когда она осознает, что судьба эмигранта, работающего — будь-то в рудниках Болгарии, будь-то в горах Югославии, будь-то на заводах Франции — тесно, неразрывно связана с судьбой рабочих масс мира. Не далек тот час, когда она поймет, что разрешение вопросов въезда в ту или иную страну и нахождения в ней той или иной работы зависит от весьма сложных причин, одинаково действующих на положение в с е й рабочей массы, одной из частиц которой — хочет она этого или не хочет — является и трудящаяся часть русской эмиграции.

Не благоглупости и мелодекламации правой и «умеренной» эмигрантской прессы могут помочь русскому трудящемуся эмигранту, а защита его права на труд, защита, идущая не вразрез, не наперекор движению мировой рабочей массы, но в духе ею выдвинутых положений.

На съезде двух мировых организаций трудящихся — Международных Профессионального и Социалистического Интернационалов —, решения которых будут иметь огромное значение, в порядке дня значатся следующие доклады:

регулирование миграции, докладчик Жуо,
ограничения и ассимиляция, докладчик Крэмп,
защита иммигрантов, докладчик Кноль,
положение иммигрантов, докладчик Де-Брукер,
экономические факторы иммиграции, докладчик Браун,
иммигрантская политика рабочих организаций, докладчик Мертенс.

Надо ли говорить, как ответственны и важны эти доклады и какие крупные силы привлечены к работам съезда?

На этом съезде русские социалисты, в лице особой делегации партии социалистов-революционеров, будут защищать право на труд русской эмиграции, перешедшей на рабочее положение. Они укажут на особые тяжелые условия этой категории трудящихся. Несмотря на то, что партия социалистов-революционеров не является эмигрантской партией, что она действует исключительно в России и не преследует никаких целей — ни «вербовочных», ни иных — по отношению к эмиграции, она считает своей

обязанностью защищать право на труд русских за границей.

В этом смысле ее делегация представит съезду о миграциях печатаемый в этой же книжке «Воли России» меморандум.

Одно из положений меморандума, касающееся паспортной части и виз, с успехом защищалось двумя членами этой делегации на съезд: И. М. Брушвитом и Ф. Е. Махиным (председателями пражского и белградского Земгоров) на особой международной конференции, созванной при Международном Бюро Труда в Женеве.

Надо надеяться, что и инициатива русских рабочих в Париже, организовавших при содействии О. С. Минора русскую секцию при французской Генеральной Конфедерации Труда, не останется без подражания. Только на этом пути — на пути самостоятельности трудящейся части русской эмиграции и ее связи с мощными рабочими организациями — лежит залог возможности противостоять катастрофическим последствиям общей для всей рабочей массы полосы безработиц и кризисов.

Жить только одной мечтой на немедленное возвращение в Россию для трудящихся элементов эмиграции невозможно. Поддерживать же иллюзию этого н е м е д л е н н о г о возвращения преступно. Борясь за право возвращения на родину, надо бороться в ожидании этого возвращения и за право на существование, за право на труд за границей. А эта борьба возможна только на путях, указываемых меморандумом партии социалистов-революционеров. Все остальные выходы ничто иное, как временные, черезчур временные «комбинации» и легкомысленные иллюзии, разрушающиеся при первом столкновении с жестокой действительностью.

Вл. Лебедев.

В защиту русского труда заграницей.

Меморандум.

Международному Конгрессу о миграциях.

Представляя свой доклад Международному Конгрессу о миграциях, российская партия социалистов-революционеров, в задачи коей не может не входить защита русских рабочих, находящихся в странах Западной Европы, Азии, Африки и Америки, считает необходимым раньше всего обратить самое серьезное внимание Конгресса на исключительные условия и характер российской миграционной массы.

В настоящее время и в предшествующие двенадцать лет (с начала мировой войны) экономической миграции из России не происходило. Границы России были закрыты сначала по соображениям военным, а затем вследствие, с одной стороны, политики в этом вопросе советской власти, а, с другой стороны, вследствие политики по отношению к советской России и к подданным СССР правительств всех остальных государств. Тем не менее, в результате гражданских и национальных войн, происходивших на территории бывшей российской империи, за пределами СССР оказалась внушительная масса бывших русских граждан.

Основная часть этой беженской массы составила: из военно-пленных мировой войны, оставшихся в Европе, из остатков русского экспедиционного корпуса во Франции и Салониках, из интернированных в Германии во время русско-польской войны красноармейцев, из остатков белых армий, эвакуировавшихся из России в результате гражданской войны и просто из мирных граждан, бежавших перед ужасами войны и голода в России.

Излишне говорить о том, что бывшие русские военнопленные, остатки экспедиционного корпуса и интернированные в Германии красноармейцы представляли собою в массе чисто трудовой крестьянский и рабочий элементы. Но и остат-

ки белых армий, набранных по принудительной мобилизации на юге России и в казачьих областях, — в значительной своей части, главным образом, земледельческие и рабочие элементы. А за годы пребывания за-границей даже большая часть эмигрантской интеллигенции вынуждена была силой вещей приспособиться к ручному и физическому труду.

Таким образом по составу своему основная часть русской беженской массы может вполне и по праву быть приравнена к миграционным массам других народов.

В настоящий момент эта масса бывших русских граждан в подавляющем своем большинстве является лишенной подданства СССР и, следовательно, как таковая, лишена защиты законов своего государства и возможности вернуться в него впредь до того или иного изменения не от нее зависящих обстоятельств. Ибо по декрету советского правительства от 20 декабря 1921 года все русские беженцы фактически лишены права подданства.

Существующее и широко распространенное мнение о том, что эта, лишенная подданства, масса может вернуться в Россию и, таким образом, урегулировать свое положение, в корне неверно.

Разрешения на въезд из-за-границы в Россию для русских даются лишь советским подданным. Остальные русские могут только просить об амнистии или о разрешении явки с повинной. Теоретически из этой массы исключаются рядовые различных белых армий, попавшие под частичные амнистии. Но на практике не только для этих «амнистированных», но даже и для бывших военнопленных мировой войны, не воспользовавшихся правом зарегистрироваться в указанные сроки, — возможность возврата весьма проблематична, как о том свидетельствует следующий параграф сборника правил о въезде русских в Россию, изданного Комиссариатом Внутренних Дел в конце 1925 года:

«В виду того, что экономическое положение СССР стало улучшаться только в последние годы, въезд названных лиц может быть отсрочен в целях предотвращения СССР от увеличения кадра безработных. Лицам имеющим намерение тотчас после оформления гражданства или амнистии возвратиться в СССР, рекомендуется прилагать к заявлению документы, удостоверяющие, что проситель не пополнит кадра безработных».

Таким образом, советская власть даже амнистированную ею небольшую часть эмиграции в настоящее время в Россию пускать не намерена. Тем более, что фактически экономиче-

ское положение СССР, после издания этого декрета, продолжает ухудшаться.

Невозможность вернуться обратно в СССР ставит эту эмиграционную массу в весьма тяжелое положение и выделяет ее из ряда других национальных миграций. Лишенная покровительства, она очень часто делается легкой добычей работодателей и невольно является невыгодной конкуренткой местных рабочих в ряде государств. С другой стороны, она в некоторой части своей попадает в руки командующих гражданской войны, так называемых «белых генералов», которые не только стремятся сделать беженцев орудием их реакционных авантюр, но и организуют их в целях эксплуатации, как рабочую силу. Конечно, положение такой массы особенно безнадежно.

Численность русской эмиграции.

Переходя к фактическим данным о составе, численности и характере, об экономическом, политическом и трудовом положении русской эмиграции, партия социалистов-революционеров констатирует, что чрезвычайно трудно произвести точный учет и анализ всей этой массы русских, силой вещей ушедших с родины, благодаря разбросанности, течучести и неорганизованности этой массы. Попытки Лиги Наций и Международного Красного Креста произвести в 1921 г. более или менее точную регистрацию беженцев в славянских странах, Румынии, и Константинополе не дали исчерпывающих результатов. Достаточно сказать, что, по имеющимся у нас данным, через один только Константинополь прошло в свое время свыше 315.000 русских беженцев.

По исчислению Международного Бюро Труда при Лиге Наций, сделанному в 1923 г. по всей Европе насчитывалось русских беженцев, рабочих и крестьян около 1.000.000, из коих 800.000 успели так или иначе пристроиться, а 200.000 человек еще не нашли себе работы. Вот этими последними и думает заняться Лига Наций, предполагающая, наряду с другими планами, организовать массовую перевозку русских в Южную Америку.

По данным Международного Бюро Труда, собранным русскими Земско-Городскими организациями в 27 странах и относящимся к 1925 г., количество обратившихся за помощью к различным русским организациям, в главных странах скопления беженцев, распределяется следующим образом:

В Германии	60.000
» Франции	200.000
» Польше	25.000
» Литве	10.000
» Финляндии	15.000
» Эстонии	15.000
» Турции	12.500
» Болгарии	28.000
» Сербии	35.000
» Чехии	18.000
» Швейцарии	3.000
» Бельгии	3.500
» Китае	более 25.000 и т. д.

Но несомненно, что эти цифры являются далеко неполными и можно, без боязни преувеличения, сказать, что около 500.000 русских в разных странах Европы и Азии нуждаются в настоящее время в помощи разного рода и являются элементом трудовой миграции.

Сконцентрированные первоначально на Балканах, в лимитрофных с Россией странах, в славянских странах и в Германии, русские беженцы, в силу особо тяжелых условий жизни в некоторых странах, гонимые безработицей из Германии, Польши и др. устремились и устремляются до сих пор в главный центр притяжения вообще эмигрантов из всех стран — во Францию, где постоянно ощущается большой недостаток в рабочих руках, в особенности в сельском хозяйстве.

Профессиональный состав русских мигрантов.

Уже из того, что почти нет точного учета эмигрировавшей массы русских, ясно, что невозможен и подсчет их по профессиональному признаку.

Однако, некоторое представление об этой стороне вопроса, ближе всего интересующей нашу партию, дают сведения о отчеты Бюро Труда при Объединениях Земских и Городских деятелей во Франции, Чехо-Словакии и других странах.

Приведенная таблица даёт представление о числе зарегистрированных в Бюро Труда вышеназванных учреждений в Париже и Марселе:

	Всего зарег.	Отправлено на работу		Оказана нетрудовая помощь	Всего оказана помощь
		за счет Бюро	за счет предпр.		
До 1924 г.	21.267	2.675	11.184	4.784	18.643
в 1924 г.	7.764	558	4.056	3.152	7.776
в 1925 г.	5.434	320	1.360	2.746	4.426
	34.465	3.553	16.000	10.682	30.845

Из этой таблицы видно, что в двух действующих Бюро Труда парижского Объединения Земск. и Гор. деятелей за время с 1921 г. по 1925 зарегистрировано обратившихся за помощью беженцев — 34.465 ч., ту или иную помощь получили 30.845 ч., на работу же отправлено за счет названного Бюро Труда 3.553 и за счет предпринимателя — 16.600, всего же устроено на работы (фабрики, заводы и фермы) 20.153.

Чтобы получить хоть некоторое представление о профессиональном составе беженской массы, возьмем разработанные разными беженскими организациями статистические данные и материалы.

Просматривая эти данные мы видим:

Марсельское и парижское Бюро Труда за 1921 и 1923 гг. дают следующее процентное отношение между различными профессиональными категориям русских беженцев:

	1921 г.	1922 г.	1923 г.
1. Мастерские, ремесл. и квалифицирован. рабочие	32,5	31,8	30,5
2. Черноработные и сельскохозяйственные	32,5	30,7	30,5
3. Интеллигенты на физическом труде	26,9	32,1	31,8
4. Интеллигентный труд	3	3,6	1,1
5. Женщины	4,9	1,6	5,9
6. Инвалиды	0,2	0,2	0,2

По материалам Марсельского Бюро Труда за 1924—25 г. можно установить, что на каждую 1.000 зарегистрированных рабочих приходится:

Сельско-хозяйственных рабочих	288
Слесарей и токарей	101
Матросов и кочегаров	89
Разных рабочих не специалистов	82
Рабочих разных специальностей	103
Интеллигентов, устроенных на физическую работу	227
Женщин разных категорий труда	80
Интеллигентов рабочих	30

Данные Бюро Труда Земгора в Праге, Ужгороде, Братиславе и других пунктах Чехо-Словакии, через которые прошло за период 1921—1925 гг. свыше 7.000 чел. дают следующий средний процент русских беженцев по профессиям:

Рабочих промышленных и ремесленных	21%
Рабочих сельско-хозяйственных	42,5%
Лиц интеллигентных профессий, живущих физическим трудом	30%
Лиц интеллигентных профессий, устроенных по специальности	6,5%

Украинский Комитет помощи беженцам в Чехо-Словакии за это же время зарегистрировал 5.627, из них земледельцев —

2881, рабочих — 718, лиц интеллигентных профессий, вынужденных обратиться к физическому труду, — 1869, торговцев — 85, нетрудящихся — 73. Тут земледельцы составляют 50%, рабочие разных категорий около 13%, интеллигентов, вынужденных заниматься физич. трудом 35%, разных нетрудовых — 2%.

Такое в общем процентное отношение сохраняется и в других странах. Из этих данных ясно, что основная масса трудового беженства следующим образом распределяется по категориям: 23% ремесленников и рабочих, 41% земледельцев, 31% интеллигентов, живущих физическим трудом и лишь 5% лиц, живущих интеллигентным трудом.

Общее положение русской беженской массы.

Вся эта масса трудящихся с большим трудом добывает себе средства для жизни и несомненно в условиях в общем несравненно менее благоприятных, чем местные рабочие.

В Константинополе, Варне, Софии, Белграде и десятках других мест, где выброшенные на берег люди несли работы, они тотчас же попадали в руки отечественных и местных предпринимателей и вербовщиков, которые законтрактовывали беженцев на работу, самую тяжелую, в рудники, леса, на кофейные плантации в Бразилию, и немалое число гордых голодом и холодом легко подписывали, не понимая смысла их, контракты во французский Иностранный Легион на 5 лет, лишь бы спастись от ужаса голодной смерти. И такого рода беженцев нашлось свыше 10.000 человек.

Вся многочисленная масса эвакуированных белых армий, спаянная военной дисциплиной, совершенно не знавшая местных языков, условий труда и абсолютно беспомощная невольно делалась добычей разных генералов, полковников и чиновников, мечтающих еще и до сих пор о том, что эта масса может явиться естественным организованным кадром, который в их руках послужит орудием для восстановления «порядка» в России, конечно, старого порядка.

Бездомные, заброшенные далеко от родины, крестьяне, рабочие, казаки оказались в руках дельцов, в которых обратилось их начальство.

Так в Сербии эти господа создали такое положение, что без них ни один солдат, казак или рабочий — не мог получить работу, ни один не имел возможности без них уехать в другую страну, не получив особой визы от генерала, вербовщика рабочих, — г. Потоцкого, — для Франции.

Эти старые генералы, и старые полицейские фактически держали бывших чинов армии в своей кабале, извлекая из них просто материальную выгоду.

Так, с каждого желавшего уехать, например, на работу во Францию, такой вербовщик, как ген. Потоцкий, брал не менее 300 динаров: но за то через него легко было достать и французскую и все проездные визы.

Он состоял и состоит в связи с различными организациями во Франции (*Société Générale d'Immigration*), которым он доставляет русских рабочих на рудники, заводы, копи и т. д. Люди из Сербии не могли без этого бюро получить визу во Францию: консул требовал особой отметки Потоцкого на паспорте.

Еще хуже с этой точки зрения положение русских беженцев в Болгарии, где русские генералы пользуются полной поддержкой и покровительством реакционного болгарского правительства и где, по свидетельству представителя Врангеля — генерала Миллера и приближенного того же Врангеля проф. Даватца, беженцев не только закабаляют экономически, но и пытаются использовать в целях борьбы политической. Так большая часть работы на государственных болгарских рудниках «Перник» выполняются вот уже третий и даже четвертый год русскими рабочими, организованными в войсковые части. Их заставляют не только работать по пониженным ставкам и в условиях невыносимых, но и путем экономического давления (непокорных лишают работы) пытаются втягивать в борьбу против рабочих масс, политически и экономически недовольных режимом болгарской диктатуры.

В некоторых странах, граничащих с территорией советской России, русские беженцы фактически попадали в положение, не отличающееся от положения граждан враждебных государств. Не говоря уже о том, что легально попасть в эти страны русскому беженцу чрезвычайно трудно, почти невозможно, раз попавший в эти страны русский беженец, очень часто подвергается длительному задержанию в пограничных пунктах, иногда попадает в концентрационные лагеря, выбиться откуда ему чрезвычайно трудно.

Но и после преодоления этой первой трудности, он не может рассчитывать на более или менее беспрепятственное проживание его в пределах этих стран. Здесь ожидает его целый ряд мытарств по получению права проживания. Ставя многие затруднения по получению паспорта на проживание в пределах государства, правительственные власти очень часто чинят русскому беженцу препятствия по избранию им места жительства. Воспрещая проживание в столицах, а в иных случаях и в более или менее населенных пунктах или районах, представители власти нередко ограничивают проживание беженца лишь в определенном пункте и, без разрешения со-

ответствующих властей, не допускают свободного передвижения беженца из одной местности в другую.

В некоторых странах, как например в Финляндии, Польше, Румынии, Болгарии и Турции на каждую поездку требуется брать особое разрешение местной полиции, а на перемену места жительства—исхлопотывать разрешение у высших представителей власти. Все эти разрешения отнимают массу времени и, главным образом, сильно отзываются во время поисков работы. Это, собственно, является своего рода закабалением рабочего у хозяина. Русскому беженцу приходится дорожить местом своей работы, несмотря иногда на тяжелые условия этой работы. Все это предприниматели знают прекрасно и, поскольку возможно, стараются использовать положение, заставляя рабочих работать больше и дешевле.

Гонимый всеми этими тяжелыми условиями труда, моральной обстановки и материального существования, русский беженец в поисках лучших условий, естественно, стремится попасть в те страны Западной Европы, где условия труда для него представляются более заманчивыми. Но это стремление также очень часто встречает большие препятствия. Раньше всего беженец наталкивается на различные ограничения, установленные для въезда русских беженцев правительствами тех или иных стран. Многие из этих стран, одни по экономическим, другие по политическим соображениям, установили такие ограничения для въезда русских беженцев, которые фактически сводятся к почти полному воспрещению въезда их в пределы данной страны.

Так, если русский пожелает выехать из какой-либо страны во Францию или обратно для свободных поисков труда, а не по контракту, то не говоря уже о том, что за самое право на въезд — визу — приходится страшно дорого платить — этого права никак без контракта добиться нельзя.

Русским трудящимся приходится поэтому выезжать в страны, где есть труд и, в частности во Францию, только по контрактам, при чем бывает часто, что последние написаны не на их родном языке и, вследствие этого, рабочие нередко опять-таки попадают в ужасные условия заработной платы, жилища, длительности рабочего дня (например, дело Дельвиша во Франции, где рабочие вынуждены были бежать от патрона, заставлявшего их жить в сырых, грязных, нетопленных бараках, — работать по 14—15 часов в сутки за 11 франков!).

Во Франции, где в настоящее время сосредоточена большая масса русских рабочих и куда продолжается переселение, иностранные рабочие вообще являются людьми же-

лательными для выполнения самых тяжелых и невыгодных работ и нежелательными элементами, как люди своей массой влияющие на условия труда местных рабочих.

Вследствие этого практические требования по ограничению эмиграции со стороны органов и учреждений, ведающих этим вопросом, нередко вступают в резкое противоречие с принципами, выраженными в предложении Организационного Бюро настоящего Конгресса о свободе передвижения.

Согласно последним, казалось бы, — каждый трудящийся эмигрант должен пользоваться всеми правами местного рабочего, но реальная опасность для местных рабочих конкуренции эмигрантов, заставляет эти учреждения выработать совместно с властью меры, абсолютно неприемлемые для социалистов.

Иностраный рабочий, согласно проекту новых законов, обязан, если он законтрактован на один год, например, на сельскохозяйственные работы, после выполнения контракта в течение пяти лет наниматься только на сельскохозяйственные работы и только в том департаменте, куда он впервые был нанят; если же он захочет изменить род работы и перейти на промышленный труд, то может это сделать только через Бюро Труда и только по особому разрешению Министерства Труда.

Таким образом, для русского рабочего, не имеющего защиты в каком-либо междугосударственном договоре (подобно польскому, чехословацкому, бельгийскому) — положение создается безвыходное, ибо как было уже сказано выше, он не может уехать ни к себе на родину, ни в какую-либо другую страну, где легко мог бы найти работу.

Тяжелое положение русского эмигранта рабочего страшно усугубляется отсутствием для русского беженца вообще нормальных национальных паспортов.

В одних государствах русским выдаются так называемые «нансеновские паспорта», в других выдаются паспорта, устанавливаемые этими государствами. Срок проживания по ним, как и права, предоставляемые ими, также чрезвычайно различны. Как общее правило, ни одно государство не выдает русскому беженцу постоянного паспорта. Максимальный срок проживания по паспорту не превышает одного года. В некоторых же государствах срок этот понижается до 3—4 месяцев. В иных странах исходатайствование внутренних паспортов сопряжено, кроме больших формальных затруднений, с значительными материальными расходами, чрезвычайно тяжелыми для скудного бюджета бе-

женца. Разные виды внутренних паспортов имеют разное значение и при выезде беженца из пределов данной страны. В некоторых странах перемена внутреннего паспорта на заграничный требует почти месячного бюджета беженца.

Партия социалистов-революционеров констатирует, что положение русских рабочих затруднено за границей еще и тем, что в некоторых государствах их, как иностранцев, почти не принимают в профессиональные союзы, при чем в Германии, например, несиндицированному рабочему чрезвычайно трудно найти работу, а в некоторых отраслях труда и синдицированных иностранцев не допускают; в Чехо-Словакии и др. странах, где профсоюзы являются партийными, совсем не допускают в профессиональные союзы иностранцев, не членов этих партий.

При таком тяжелом и безправном положении русских трудовых масс за-границей сильные русские профессиональные или социалистические организации могли бы хоть сколько-нибудь успешно бороться за улучшение бытия беженской массы. Но, к несчастью, состав беженцев, разбросанность их по всем странам света, постоянное передвижение из страны в страну, и вообще то специфическое положение, в котором они находятся в некоторых странах, где местные власти просто запрещают создание русских рабочих организаций и преследуют деятельность русских социалистических партий, содействуя при этом активности реакционных элементов, — чрезвычайно затрудняет возможности массовой организации русских трудовых масс в Европе.

Только за последний год удалось образовать во Франции русскую секцию при Генеральной Конфедерации Труда. До сих пор в некоторых странах защитой русских беженцев против военных и капиталистических авантюристов и эксплуататоров занимались и занимаются объединения русских Земских и Городских деятелей за-границей. Но деятельность этих организаций, несмотря на то, что в некоторых из них — в Чехо-Словакии, Югославии, и во Франции — работают активно социалисты, не может коренным образом разрешать самостоятельно трудовые беженские вопросы, так как эти организации по типу своему занимаются не только трудовыми, но и беженскими вопросами вообще и являются организациями не массовыми, а филантропическими. С другой стороны, деятельность этих организаций по устройству русских рабочих на работы наталкивается в некоторых странах на препятствие со стороны правительственной власти. Так, например, во Франции было закрыто Бюро Труда Объединения Земских и Городских деятелей.

Вкратце трудность и ненормальность положения рус-

ских беженцев в огромном большинстве представляющих собою элементы труда, могут быть резюмированы в следующих основных чертах:

1. Русские беженцы лишены гражданства на своей родине, вследствие чего, — после признания советского правительства и уничтожения повсюду института старых консулатов и посольств, они лишены возможности пользоваться национально-государственной защитой их прав и интересов.

2. Русские беженцы не могут, подобно эмигрантам других стран, свободно в настоящее время вернуться к себе домой, ибо они в огромном своем большинстве являются эмигрантами не экономическими, а политическими. Даже для въезда в Россию амнистированных эмигрантов советская власть установила такие ограничения, которые фактически лишают и возможности вернуться домой.

3. В поисках труда и более или менее сносных условий существования русские беженцы-рабочие и земледельцы вынуждены эмигрировать в страны, где есть спрос на рабочую силу и где условия жизни и труда сравнительно неплохи. При этом необходимо иметь в виду, что число этих эмигрантов постепенно понижается.

4. Принимая во внимание то обстоятельство, что американская квота совершенно закрывает возможность въезда в Штаты Северной и в некоторые государства Южной Америки, и то, что Парагвай, Бразилия и Уругвай, климат и условия жизни которых слишком неподходящи для русского человека, не могут являться местом массовой иммиграции, русские рабочие и земледельцы за последние годы и в настоящее время устремляются из разных стран во Францию.

5. Во всех странах русским беженцам чинятся невероятные препятствия для свободного въезда в целях подыскания труда. В некоторые страны их пускают только по контрактам.

6. В целом ряде стран русские беженцы лишены права свободного передвижения для подыскания работы внутри этих стран.

7. Трудности русского рабочего и земледельца за границей чрезвычайно усиливаются тем, что до сих пор для всех русских эмигрантов не существует нормальных паспортов.

8. Бесправное положение русских беженцев в Европе и их неорганизованность легко делают их объектом спекуляции отечественных и иностранных авантюристов и дельцов, старающихся использовать русских трудящихся для экономической и политической борьбы на стороне реакции и капита-

листов против рабочих и крестьян некоторых стран, в которых русские эмигранты вынуждены пребывать.

9. Тяжелое экономическое положение в целом ряде европейских стран и то обстоятельство, что большинство русских земледельцев и рабочих являются фактически людьми, у которых нет государства, которое могло бы заключить международный договор на основе взаимности, как это практикуется между государствами вообще, очень часто вызывают недоброжелательное отношение к ним даже со стороны братьев-рабочих этих стран, что явно противоречит общечеловеческим законам о праве убежища и принципам интернационализма.

Принимая во внимание все вышеуказанное, партия социалистов-революционеров полагает, что Конгресс, стоя на точке зрения свободы труда должен:

1. Разрешить вопрос об урегулировании миграционного движения и, прежде всего, об отмене всяких запрещений (американских и австралийских квот), принципа закрытия границ, виз, обязательности контрактов, как мер, фатально ведущих к эксплуатации трудящихся.

2. Конгресс должен провести принцип допущения и втягивания в местные синдикаты русских и вообще иностранных рабочих, занятых трудом физическим или умственным, и уравниения русских и иностранных рабочих в правах с местными их товарищами.

3. Конгресс должен высказать пожелание, чтобы русские трудовые массы, оказавшиеся за границей и эмигрировавшие не по причинам экономического характера, а политического, так же, как позднее антифашисты из Италии, Испании, Венгрии и т. д., пользовались в полной мере содействием и защитой социалистических партий и синдикальных организаций всех стран.

4. Предложить социалистическим партиям и профессиональным союзам тех стран, где еще сохранились остатки врангелевских армий, оказать содействие борьбе русских социалистов за раскрепощение бывших солдат белых армий и добиваться ликвидации формирований, носящих военный характер.

5. Вместо планов переотправки безработных излишков русской эмиграции в страны по климатическим, почвенным и иным условиям совершенно для них непривычные и неподходящие, необходимо воздействовать в международном порядке на советское правительство, с целью понудить его открыть границы для всех желающих вернуться русских уроженцев, не обставляя процедуры возврата никакими унижающими личное достоинство человека условиями.

6. Конгресс должен наметить к выработке определенный статус гражданского бытия для русских эмигрантов, трудящихся в разных отраслях промышленности. По мнению партии социалистов-революционеров, гражданское положение русских трудящихся за границей должно быть урегулировано следующим путем:

а) Для остающихся пока за границей должно быть установлено уравнение в паспортных условиях с другими иностранцами с тою разницей, чтобы заграничные паспорта, выдавались им, — вместо правительства родной им страны, переставшего считать их ее гражданами —, особою международною инстанцией.

б) Документы эти не должны иметь особой отличительной формы, резко выделяющей их владельцев от остальных иностранцев, и потому могущих превратиться в своего рода «волчьи паспорта».

в) Для русской трудовой миграции, равно как и других рабочих миграций, оказавшихся в юридическом состоянии «бесподданничества», должна быть обеспечена консульская защита ее интересов, вручаемая определенному соглашающемуся взять ее на себя государству особым мандатом Лиги Наций.

7. Конгресс должен осуществить идею создания Центрального Международного Миграционного Информационного Бюро, которое бы правильно информировало рабочих и всех трудящихся о положении труда в разных странах. По мнению партии социалистов-революционеров только такой международный орган способен урегулировать передвижение масс из одних стран в другие и охранять страны с подавленной промышленностью или перенаселенные от наплыва излишних рабочих рук.

Партия социалистов-революционеров полагает, что такое Бюро должно состоять из представителей Синдикальных Организаций, представителей правительств и работодателей, как это имеет место в Международном Бюро Труда. Высказывая все вышеизложенные соображения партия социалистов-революционеров полагает, что окончательное урегулирование положения миграционного вопроса в Европе может наступить лишь с открытием возможности передвижения европейского сверхнаселения на огромные пространства Америки, Австралии, Восточной Европы и Азии и лишь с выступлением России на путь здорового экономического восстановления.

А это последнее станет возможным лишь после освобождения России от большевизма и диктатуры партии, то есть после демократизации ее строя.

Исторический конфликт.

(Английская забастовка).

За сравнительно короткий период *old merry England*, старая, веселая Англия, гордящаяся незыблемой прочностью своих традиций и размеренной чуждой неожиданностью эволюцией, поразила мир двумя громадными событиями исторического значения. И оба эти события как раз явились самыми яркими свидетельствами того перелома, который наступает в развитии западноевропейского человечества.

Два года тому назад то было появление рабочего правительства в этой величайшей капиталистической империи современности, где мощь капитала, основанная на вековом владычестве, достигает гигантских размеров. Теперь небывалая по своему размаху забастовка широчайших масс пролетариата, затормозившая колеса колоссального механизма английской промышленности.

До войны положение в Англии казалось парадоксальным в том смысле, что, несмотря на ее сугубо промышленный характер, на арене политики противоположность между трудом и капиталом проявлялась весьма слабо — рабочая партия поздно возникшая не играла значительной роли и даже не имела социалистической программы — а на почве чисто экономической английское рабочее движение еще только изживало дух старого тред-юнионизма, чуждого классовой борьбы. Это объяснялось, конечно, не тем, что Англия, сверхиндустриальная страна, чудодейственным образом избежала противоречий капиталистического развития. Благодаря необычайному богатству английского капитала и его неограниченным возможностям они лишь не давали себя остро знать до поры до времени, но за то накапливаясь под внешне мирной и гладкой поверхностью. Кризис всего европейского капитализма, порожденный войной, естественно должен был отразиться, несмотря на отчаянные усилия гордой британской буржуазии, пустившей в ход все свои могучие средства, чтобы отгородиться от его последствий,

и на экономическом положении Англии. И накопленные в английской промышленной действительности противоречия столь же естественно не преминули выявиться наружу с огромной силой.

Рабочее правительство, родившееся благодаря переходу миллионов избирателей под знамена Labour Party, было результатом осознания широкими трудовыми слоями этих противоречий. Грандиозная забастовка английских рабочих явилась реальным выражением порождаемого ими неприемлемого столкновения интересов труда и капитала.

Эта забастовка всей мировой прессой названа величайшим в истории социальным конфликтом. Но она заслуживает такой оценки не только по числу ее участников, и не только потому, что явила изумительную картину сплоченности и дисциплинированности громадной трудовой армии, дающей как бы предчувствие назревающего будущего. Уже сам по себе тот факт, что по приказу своих руководителей в один и тот же день, в один и тот же час миллионы рабочих, как во время наступления на войне, в организованном порядке прекратили работу, не мог не поражать воображения. Но историческое значение забастовки, потрясшей Англию, определяется однако еще другими более важными чертами. Она явилась действительно небывалым по размерам социальным конфликтом, потому что в нем столкнулись две самые могущественные противоположные классовые силы современной Европы — английский капитализм и английский пролетариат. И она была сверх того, в чем истинный смысл события, величайшим социальным проявлением того глубокого органического кризиса, который переживает в старом свете весь капиталистический строй.

Этот кризис рано или поздно, неизбежно должен был получить такое проявление именно в Англии, потому что она база европейского капитализма, а в самой Англии конфликт вспыхнул раньше всего в угольной промышленности, потому что на ней базируется вся английская индустрия, к тому же препятствия, заграждающие выход из тупика, как раз в ней особенно велики. В таком развитии событий есть своя внутренняя закономерность, которую нельзя устранить никакими искусственными мерами. Поэтому и не могла преодолеть ее при всем своем могуществе британская буржуазия. Забастовка получала такое значение, помимо прочего, уже в силу определяющей роль угольной промышленности в английском народном хозяйстве. На угле создалась и им питается вся огромная промышленная мощь Англии и на нем продолжает держаться и теперь. Достаточно сказать, что в угольном производстве занято сейчас 1,200,000 рабо-

чих, а стоимость ежегодной добычи черного топлива достигает громадной цифры в 250 миллионов фунтов стерлингов. В то же время, проблемы, вызвавшие конфликт между шахтовладельцами и углекопами, стоят в той или иной форме перед всей промышленностью Великобританских островов. Исход борьбы, начатой горняками, мог, следовательно, предопределить и то направление, в котором стали бы разрешаться эти проблемы и во всех прочих ее отраслях. Поэтому к углекопам, чтобы поддержать их борьбу, присоединились миллионы рабочих других профессий, поэтому к ним, наверное, присоединились бы еще новые и новые миллионы, если бы забастовка затянулась. И поэтому также конфликт в угольной промышленности неизбежно должен был разрастись до размеров конфликта между всем рабочим классом Англии и всем английским капитализмом.

На Англии еще в большей мере, чем на других промышленных странах Европы — потому что в довоенный период она занимала преобладающее место во всем капиталистическом мире — отражается влияние изменений, произошедших после войны в мировом экономическом положении. Европейская промышленность страдает раньше всего от сокращения своего сбыта, вызванного с одной стороны, объединением Европы, падением покупательной силы ее населения, главным образом, восточно-европейского, с другой — быстрым ростом индустриализации заокеанских стран, в первую голову Америки и Японии, и развитие собственной индустрии в ряде стран, ранее исключительно сельскохозяйственных. Чтобы выдержать борьбу со своими новыми все более победоносными и могучими конкурентами и добиться усиления спроса на свои продукты, у промышленной Европы остается одно только средство: усилить свою производительную способность, иными словами, производить больше и дешевле. Для этого в тех условиях, в которых живет нынешняя Европа, необходим переход к новым, высшим формам хозяйственной организации, которыми устранялись бы наиболее отрицательные стороны капиталистической системы, выражающиеся в отсутствии планомерности, недостаточной концентрации, раздробленности и несогласованности усилий. Но, вместе с тем, такой переход только в том случае мог бы дать прочные результаты, если бы не был сопряжен с углублением социальных противоречий, и не приносил бы в жертву уже достигнутых завоеваний трудящихся масс. Все дело, однако, в том, что отрицательные стороны капиталистической системы определяются раньше всего у с т а р е в ш и м и

отношениями собственности. Именно поэтому перестройка промышленности на новых, более прогрессивных началах встречает в них непреодолимое препятствие. В столкновение, необходимости реорганизации с устаревшими отношениями собственности, все более и более противоречащих интересам жизни и развития европейского общества в целом и заключается подоплека всех социальных конфликтов в современной Европе. Английская забастовка в этом отношении особенно показательна, потому что в угольной промышленности Англии как раз сохранились наиболее архаические собственнические права, в то время, как эта промышленность питает производство величайшей индустриальной страны.

* *
*

Английская угольная промышленность, занимающая огромное место в мировой экономике, сохранила в значительной мере чрезвычайно отсталые формы организации, далеко несоответствующие уровню современной техники. Она весьма парцелирована, насчитывает большое количество мелких шахт, разной степени производительности, разбросанных на больших пространствах и хозяйственно не объединенных. Поселки, где живут шахтеры, часто находятся на очень большом расстоянии от разбросанных шахт. В силу тех же причин подвоз угля к железнодорожным линиям организован примитивно и связан с непроизводительной тратой труда. На угленосных полях Англии имеются и крупные шахты, представляющие замечательные достижения технического прогресса, но ими не покрывается основной порок английской угольной промышленности — отсутствие необходимой концентрации, планомерной, на экономической целесообразности построенной добычи угля. Отсталые формы организации в этой основной отрасли народного хозяйства Великобритании объясняются, раньше всего, необходимостью применяться к существующим в ней отношениям собственности.

350 лет назад английские королевские судьи вынесли решение, признающее право собственности владельцев земельной поверхности на недра, за исключением серебра и золота. В силу этого решения угольные залежи в Англии являются до сих пор частной собственностью землевладельцев, на территории владений которых построены шахты. Угледобытчики обязаны выплачивать им так называемые «royalties», то есть определенный процент за каждую тонну добытого угля, составляющий ежегодно сумму до 6 мил-

лионов фунтов стерлингов. При чем, эта огромная дань, которую должны создавать своим тяжким трудом углекопы, взимается владельцами, среди которых некоторые, как, например, герцог Нортунберленский или лэди Родда, получают до 100 тысяч фунтов в год только за то, что угольные залежи находятся на территории их земель*). Они не вкладывают ни своих капиталов, ни своей личной предприимчивости в промышленность, подобно хотя бы шахтовладельцам, и абсолютно ничего не давая ей, перекачивают из нее миллионы в свой карман только благодаря вынесенному более трех веков тому назад решению суда. Эта привилегия лендлордов настолько скандальна, что даже так называемая королевская комиссия, о которой подробно будет сказано ниже, высказавшаяся в своем докладе за национализацию «royalties», в числе прочих соображений указывает на необходимость такой меры в интересах социального мира, в виду возмущения, вызываемого у шахтеров необходимостью отдавать плоды своего труда праздным земельным магнатам.

Частная собственность на залежи угля не только облагает угольную промышленность большим сверх-налогом, удорожающим производство, но и препятствует целесообразной ее организации. Частновладельческие границы земельных участков не позволяют устранить разбросанности шахт, провести объединение их эксплуатации, ни применения — возможного лишь в широком масштабе — технических усовершенствований.

Королевская комиссия по обследованию угольной промышленности в своем докладе категорически заявляет, что частная собственность на недра — главная причина несовершенной организации этой промышленности. «Многие из основных дефектов ее, говорится в докладе, преимущественно происходят от того, что при постройке шахт необходимо считаться с правом собственности владельцев земельной поверхности. Это приводит к непроизводительным расходам и громадной потере времени... Дефекты, наблюдавшиеся в прошлом, существуют и сейчас. Их вредные последствия неизбежны и в будущем. При нынешнем положении невозможно установить настоящего контроля над расположением новых шахт, постоянно строящихся в процессе нормального развития промышленности в разных концах угольного поля. Нет также средства против упрямства владельцев, нежелающих почему либо разрешить на своих участках добычу угля, диктуемой интересами национального производства. Комиссия убеждена, что беспристрастное изучение вопроса

*) Это однако не помешало герцогу Нортунбергскому высказать перед королевской комиссией свое «презрение» к углекопам.

не может не привести к заключению о несоответствии частной собственности на недра земли интересам общества и что страна сильно выиграла бы, если бы законодательные учреждения пересмотрели вынесенное 350 лет назад решение судей и сохранили бы уголь за государством. Раз существующая система неправильна, то она должна быть изменена. Нынешнее поколение не должно останавливаться перед трудностями, связанными с проблемой исправления ошибок прошлого».

Заключение королевской комиссии, как видим, — решительный приговор над правом частной собственности на недра, как помехи на пути экономического прогресса и явления глубоко антиобщественного.

До войны, когда развитие английского капитализма шло по протеренной колее, угольная промышленность, несмотря на несовершенства своей организации и техническую отсталость, могла работать без резких перебоев. При изменившемся в повоенный период общем экономическом положении такая роскошь стала уже ей недоступной и она вступила в полосу острого кризиса.

В том же докладе королевской комиссии дан перечень главных причин, его вызвавших. В нем указывается, что спрос на уголь в самой Англии в сравнении с довоенным периодом остался на прежнем уровне. Изобретенные способы более экономичного сжигания угля в связи с депрессией в железной, стальной и судостроительной промышленности, уравновесили влияние роста населения и индустриального прогресса. В то же время вывоз угля за границу в 1925 году дал уменьшение на 22% в сравнении с 1909—1913 годами (в 1913 году английский вывоз составлял 98 миллионов тонн при общей добыче в 287 миллионов тонн). Во всей Европе и не только в Англии угольная промышленность испытывает сейчас большие трудности. Это обстоятельно, по мнению комиссии, объясняется замедлением производства в основных отраслях индустрии европейских стран, полным прекращением вывоза угля в Россию, широко практикующейся на судах заменой угольного топлива нефтью, быстрым ростом добычи бурого угля в Германии и разработкой новых угольных залежей на континенте. Вместе с тем необходимо еще отметить, что с конца 1925 года цены на английский уголь за границей значительно понижаются в виду усилившейся конкуренции Германии после эвакуации французами Рура. В связи с сокращением заграничного вывоза и падением цен на внешнем рынке, доход английской угольной промышленности уменьшился. Вместе с тем, в виду сокращения рабочего дня углекопов до семи часов и повышения их заработ-

ной платы, расходы ее выросли. Совокупность этих причин привела в результате к тому, что она стала работать в убыток. Даже в самой Англии цены на уголь стоят ниже стоимости его производства. Но законность сокращения рабочего дня в колях признается всеми беспристрастными социальными политиками. С другой же стороны, повышение заработной платы явилось прямым следствием вздорожания жизни в Англии. Оно же вызвано сохранением курса нынешнего фунта стерлингов на уровне золотого фунта, достигнутое с невероятными усилиями и чрезвычайно тяжкими материальными жертвами для страны.

Для английского финансового мира, для ворочащих миллионами банкиров лондонского Сити, интересы которых отстаивала в данном случае государственная власть, это был вопрос жизни и смерти. Ибо только при незыблемости курса английской валюты британский банковский капитал может бороться против натиска финансовых королей Америки, стремящихся выбить этого единственного своего серьезного соперника из всех его мировых позиций и восстановить свою полную гегемонию над новым и старым светом. Борьба между денежными магнатами Нью-Йорка и Лондона получает свое внешнее выражение в борьбе на международной бирже фунта и доллара. При поражении первого доллар превратился бы в единственное, настоящее мировое денежное мерило и лондонскому Сити пришлось бы тогда спустить свой флаг. Но в то же время высокий курс фунта означает дороговизну жизни и тем самым неизбежно высокую заработную плату. Это обстоятельство тяжело отражается на всей промышленности Англии, но в особенности, в виду ее специфических условий, на угольной.

Таковы причины поразившего ее в результате изменения общих экономических условий глубокого кризиса, выражающегося в сокращении сбыта и убыточности производства. При теперешнем положении она, сохраняя свою отсталую организацию, определяемую в первую голову устаревшими отношениями собственности, уже не может давать одновременно и заработную плату, обеспечивающую достигнутый уровень жизни рабочих и прибавочную стоимость предпринимателям и пресловутые «royalties» лэндлордам. Удовлетворять всех заинтересованных она уже не в состоянии. В этом социальная сущность кризиса в угольной промышленности, на почве которого разыгралась драма забастовки.

Первое проявление угольного кризиса в его социальной форме имело место еще в 1919 году, когда рабочие начали борьбу за повышение заработной платы. Тогда еще Ллойд-

Джорджем была назначена анкетная комиссия под председательством судьи Сэнки. Комиссия представила доклад, рекомендовавший, как единственный выход из положения, — национализацию всей угольной промышленности. Либеральный Ллой-Джордж, теперь находясь в оппозиции, заигрывающий с радикальными идеями рабочей партии, тогда, будучи всевластным диктатором Англии, категорически отверг заключение им же самим назначенной комиссии. Углекопы желали, однако, использовать этот крупный козырь и в 1920 году внесли на чрезвычайный конгресс трэд-юнионов предложение о провозглашении всеобщей забастовки во имя требования национализации шахт. Конгресс большинством 3,700,000 голосов против 1,100,000 это предложение отверг. Однако, в конце 1920 года углекопам все же удастся добиться нового увеличения заработной платы на 2 шиллинга в неделю. В следующем году вспыхивает новый конфликт, кончившийся не в пользу рабочих, вынужденных согласиться на введение ставок по округам. Наконец, в 1924 году, когда благодаря рурской оккупации, дезорганизовавшей один из самых крупных угольных районов Европы, огромно увеличился спрос на английский уголь и дела английских углепромышленников процветали, углекопы производят новый натиск и одерживают победу: устанавливается основной национальный минимум заработной платы для всей угольной промышленности с увеличением существовавших ставок на 11%.

В общем, заработная плата углекопов увеличилась по сравнению с довоенным временем на 78%. Но индекс цен указывает, что за этот же период жизнь вздорожала в Англии на 72%. Таким образом, если благодаря завоеванному в 1924 году повышению, английский углекоп и получал изрядную заработную плату, доходившую в некоторых округах до 67 шиллингов в неделю, то все же материальный уровень его жизни повысился не на много. Единственным реальным и ценным его завоеванием было сокращение рабочего дня с восьми до семи часов. После прекращения оккупации Рура кончаются короткие быстро промелькнувшие золотые дни английской угольной промышленности, впадающей в сильный маразм. Кризис на этот раз разражается в самой острой форме. Эксплоатация шахт становится убыточной, а горняки отстаивают свои завоевания. Здесь начало той стадии кризиса, которая завершилась забастовкой.

Конфликт должен был вспыхнуть еще десять месяцев тому назад, когда шахтовладельцы и углекопы резко столкнулись в непримиримом споре. Первые, ссылаясь на убыточность производства требовали снижения заработной платы;

вторые, аргументируя вздором жизни, отстаивали свои прежние ставки. Хозяева, заявляя, что промышленность не может работать в убыток, были верны логике капитализма, но и рабочие, отвергавшие снижение своей заработной платы, были верны логике своих законных интересов. В этом особенно ярко сказалась невозможность приспособления капиталистической системы к требованиям измененного положения. Уже тогда создался тупик, из которого нельзя было найти выхода при помощи средств капитализма. Для выхода из тупика необходимо было уже вмешательство всей коллективности и тем самым проведение уже запечатленных иными принципами мер государственствления и обобществления. Но в данном случае интересы коллективности — английской нации — были представлены консервативным министерством Болдвина. Если бы забастовка разразилась в тот момент, в виду полной неуступчивости обеих сторон, шансы на победу для рабочих были бы, пожалуй, сильнее, ибо тогда английская буржуазия еще не была готова к борьбе и рисковала быть застигнутой врасплох. Во всяком случае Болдвину удалось предотвратить неизбежный конфликт согласием на выплату в течение девяти месяцев угольной промышленности правительственной субсидии, при условии сохранения в течение этого периода заработной платы на ее прежнем уровне. Тогда же назначена была королевская комиссия под председательством Герберта Самуэля*), которой поручено было использовать девятимесячную передышку для всестороннего обследования положения угольной промышленности и выработки программы мер, способных вывести ее из тупика.

Правительственная субсидия выдавалась в размере 2¹/₂ шиллингов за каждую добытую тонну угля в течение двух первых кварталов и трех шиллингов за тонну в последний квартал. В общем, британская казна на девять месяцев выплатила угольной промышленности около 25 миллионов фунтов стерлингов. Этой дорогой ценой куплена была отсрочка конфликта.

Желтая английская пресса, усиленно возбуждая своих читателей против рабочих, старалась изобразить дело так, что субсидия почти исключительно идет в карманы «жадных» углекопов, ибо она, ведь, давалась для того, чтобы предотвратить снижение их заработной платы. В действительности же, как раз львиная доля субсидии, одним которой в глазах налогоплательщиков возлагали на трудящихся, досталась тем же капиталистам. Как видно из таблицы, помещенной в док-

*) В состав комиссии вошли, помимо ее председателя Герберта Самуэля, генерал Герберт Лауренс, сэр Вильям Беверидж и Кенет Ли.

ладе королевской комиссии, при режиме субсидии производство давало в среднем прибыль в полтора шиллинга на тонну. Но это только в среднем. Некоторые углепромышленники, оказывается, благодаря субсидии получили дивиденды более высокие, чем даже в до военное время. Из $2\frac{1}{2}$ шиллингов субсидии на долю рабочих доставался, следовательно, только один шиллинг и при этом продолжали еще аккуратно выплачиваться «royalties».

Нельзя еще забывать, что углекопов насчитывается 1,200,000, а шахтовладельцев, может быть, самое большое несколько тысяч. Из 25 миллионов фунтов стерлингов выплаченных казной, эти последние получили в виде прибыли кругленькую сумму приблизительно в 15 миллионов фунтов. Капиталисты угольной промышленности, как видим, не дурно нагрели руки на субсидии, сохраняя вид угнетенной невинности. Как это всегда бывает на почве «беспримесного» капиталистического строя, меры государственной помощи промышленности неизбежно превращаются в крайне выгодное дельце для имущих.

* * *

Перед королевской комиссией обе стороны — хозяева и рабочие — выступили со своими планами разрешения кризиса, чрезвычайно характерными для оценки психологии пролетариата и капиталистического класса в Англии. План, представленный совместно от имени федерации углекопов, Рабочей партии и генерального совета тред-юнионов, основывался на заключениях анкетной комиссии Сэнки 1919 года. В основу его положено было требование полной национализации всей угольной промышленности, согласно весьма сложной и оригинальной системы. Он сводился в основных чертах к следующему: упразднение «royalties», т. е. частной собственности на недра, выкуп государством существующих шахт, реорганизация добычи и продажи угля через посредство широко построенной организации с участием производителей, потребителей и государства. Кроме того, план национализации угольной промышленности приспособлялся к программе национализованного производства электрической энергии и утилизации угольных отбросов. Особенность его состояла в том, что выдвигаемая им глубокая социальная реформа связывалась с мерами более целостного технического использования важнейших индустриальных ресурсов страны, поднятия на высшую ступень ее производительных сил.

Программа углепромышленников, представленная председателем их ассоциации Вильямом Эвансом, была гораздо более короткой, но зато в смысле выразительности побивала все рекорды. Она состояла всего из пяти пунктов: прекраще-

ние государственной субсидии, выдаваемой для поддержания заработной платы на уровне 1924 года, упразднение основного, на всю промышленность распространяющегося, минимума заработной платы и замена его ставками по отдельным районам, что означало бы в некоторых случаях сокращение почти на сорок процентов; удлинение на один час рабочего дня; понижение железнодорожных тарифов, причем это понижение должно было быть компенсировано сокращением заработной платы железнодорожных рабочих. Дальше этого творческая фантазия углепромышленников не шла.

Обе стороны сходились в одном только пункте: в необходимости искать разрешения кризиса путем увеличения производства и его удешевления. Но в то время, как для рабочих эта проблема сводилась к перестройке промышленности на более совершенных экономических и социальных началах, во имя блага не только углекопов, но и всего национального целого, хозяева, ослепленные своим классовым эгоизмом, отстаивали один только способ — усиление эксплуатации труда. Для них все должно было остаться по-прежнему, и частная собственность на недра и архаические, неотвечающие требованиям прогресса и новому положению, формы организации производства и обеспеченная прибавочная стоимость предпринимателем, — изменению подлежали только заработная плата и рабочий день. Это был план разрешения кризиса и исключительно на спине трудящихся, путем снижения их материального и морального уровня жизни. Цинизм хозяев не прикрывался никакими фигурными листками.

Королевская комиссия не согласилась с доводами углепромышленников, но и не приняла целиком программы рабочих, хотя меры, намеченные в ее докладе, более приближаются к последней. Из этих мер, срезюмированных в 14 пунктах, основными можно считать следующие: выкуп государством «royalties», причем сумма долженствующая быть выплаченной нынешним владельцам недр определена в 100 миллионов фунтов стерлингов. «Royalties» будет взимать само государство, с тем однако условием, чтобы часть составляемого ими дохода пошла на улучшение условий жизни рабочих, жилищное строительство, пути сообщения, и т. д. Далее образование национальной комиссии по топливу и энергии, с присвоением ей прав общего контроля над угольной промышленностью в смысле проведения планомерности и рационализации производства. В числе ее функций намечаются такие меры, как закрытие малопродуктивных эксплуатаций, широкое объединение существующих отдельных пред-

приятий, регулирование бурения и постройка новых шахт, а также общее наблюдение за ходом всего производства, без прямого, однако, вмешательства во внутреннюю производственную жизнь. Объединение отдельных предприятий предусмотрено и в принудительном порядке, в случае сопротивления какой-либо из заинтересованных сторон или предъявления ею чрезмерных требований. Комиссия должна также координировать производство в угольной промышленности с другими соприкасающимися с нею промышленными областями. Кроме того, в докладе выдвинуто также необходимость проведения обязательного принципа участия рабочих в прибылях через предоставление им известного количества акций. Наконец, им предусматривается образование в каждом угольном предприятии смешанных комиссий из представителей хозяев и рабочих. Этой совокупностью мер предопределяется нечто в роде полунационализации угольной промышленности: огосударствление только недр, за приличным выкуп, при оставлении шахт в собственности их нынешних владельцев, но при условии довольно далеко однако идущего государственного регулирования и контроля. Углепромышленники, верные своей концепции, программу комиссии отвергли. Рабочие же, после некоторых колебаний, согласились ее принять, оставаясь лишь непримиримыми в вопросе о заработной плате и рабочем дне.

Ввиду того, что переговоры после опубликования доклада комиссии, от которого ожидали примирительных результатов, окончательно уперлись в тупик, произошло вмешательство самого Болдвина.

Известно, какую базу для соглашения предлагал британский премьер. Она заключалась в том, что правительство берет на себя проведение программы комиссии при условии, если рабочие пойдут навстречу требованиям хозяев на счет заработной платы и рабочего дня. И здесь опять проявилась во всей ее негибкости капиталистическая логика. В реорганизации угольной промышленности заинтересованы государство, хозяева и рабочие. Ее результатом должно быть повышение производительности, от которого выиграет вся страна, и увеличение доходности, могущее обеспечить прибавочную стоимость шахтовладельцам и сносный уровень жизни углекопам. Но пока что в переходный период, жертвы во имя реорганизации, обещающей принести блага всем трем сторонам, требовали только от одной из них — от рабочих. Правительство не желало давать более субсидии, хозяева отказывались временно нести убытки, углекопам же рекомендовалось больше работать и меньше получать.

И тем не менее, хотя представители тред-юнионов на это требование не соглашались, они все же продолжали переговоры в надежде на соглашение. Но вот тут-то и произошло обстоятельство, старательно замалчивавшееся буржуазной прессой, но дающее ключ для понимания всех последовавших событий. Переговоры фактически сорвали углепромышленники, отвергавшие план комиссии и упорно стремившиеся, если не мытьем, так катаньем провести свою собственную циническую программу.

30-го апреля во всех шахтах были расклеены объявления, предупреждавшие углекопов, что в виду наступающего прекращения правительственной субсидии, только те из них будут допущены на работу, которые согласятся на пересмотр прежних ставок заработной платы. Так как никакого договора насчет новых условий между хозяевами и рабочими еще не было заключено, то это, по существу, означало локаут. На такой акт горняки ответили с своей стороны провозглашением забастовки. Исполнительный комитет тред-юнионов, не прекращая переговоров с правительством, разослал тогда приказ рабочим организациям, долженствовавшим поддержать горняков о прекращении работы. Приказ этот, однако, носил условный характер — его проведение в жизнь предполагалось лишь при неудаче соглашения. Иначе поступить исполнительный комитет не мог, ибо он был связан постановлением конгресса тред-юнионов о немедленном выступлении на помощь углекопам, если вспыхнет угольная забастовка. Локаут автоматически должен был вызвать приказ о забастовке, что, повидимому, учитывали и промышленники. Но он то и послужил поводом для Болдвина, истолковавшего известный инцидент в «Daily Mail», как начало фактического осуществления всеобщей стачки, чтобы объявить переговоры прерванными. Положение, следовательно, было таково. В угольной промышленности локаут, правительство переговоры прервало. Исполнительному комитету ничего более не оставалось, как принять бой.

Нельзя при этом забывать, что углепромышленники не ограничивались, ведь одними лишь заявлениями о невозможности для них нести убытки, и с чисто британским упорством добивались усиления эксплуатации труда. Они провозгласили локаут для того, чтобы принудить рабочих подчиниться их требованиям и первые выступили против рабочих в уверенности, что победа позволит им осуществить их план — разрешения кризиса на спине трудящихся. Забастовка являлась со стороны пролетариата обороной против наступления капитала, стремившегося отнять у него его основные завоевания повоенного периода. В этой борьбе дело шло не

только об углекопах. Все английские промышленники мечтают найти выход из тяжелого экономического положения в том же направлении, какой указывали шахтовладельцы. Если бы забастовка кончилась разгромом тред-юнионов, снижение заработной платы и ухудшение условий труда было бы проведено по всей линии не только в угольной, но и во всех прочих областях промышленности. Вот почему забастовка превратилась в гигантское столкновение между всем английским рабочим классом и всем английским капиталом, в котором с обеих сторон участвовали громадные силы. В нем пролетариат отстаивал достигнутый им ценою долгих усилий свой Standard of life, уровень жизни, от натиска капиталистов, добивавшегося его снижения. В этом и был глубокий драматизм конфликта, но также и его огромное социальное значение. Оно еще более усиливалось оттого, что защищая свой уровень жизни, рабочие отстаивали принцип перестройки на более совершенных началах производства ради приспособления его к новому мировому положению, а хозяева, во имя своего классового интереса, защищали сохранение, не соответствующим ему, прежних устаревших форм промышленной организации. Первые являлись в данном случае поборниками прогресса, экономического и технического, вне которого нет спасения для старой Европы, потерявшей свою былую промышленную гегемонию в мире. Вторые выступали, как непреклонные противники этого самого прогресса, упорно устремляя свои взоры назад и не желая смотреть вперед. Защищая себя, рабочие одновременно защищали интересы своего общества, которому все более угрожает классовый эгоизм капитала. И это тем более, что нет иного выхода из нынешнего экономического кризиса, расшатывающего устойчивость европейского социального здания, помимо того пути, который указывает организованный труд. Если бы даже капиталистам удалось добиться всеобщего снижения заработной платы, то серьезного улучшения положения от этого все равно не произошло бы. Такая мера может быть и привела бы к росту заграничного вывоза, но результатом ее было бы также падение покупательной силы рабочих масс и тем самым неизбежное сокращение сбыта на внутреннем рынке. Хвост вытаскил, нос увяз. Беспримесному капитализму не преодолеть властных требований преобразенной действительности, бьющих по самым основам, на которых он построен.

В громадном социальном конфликте, потрясавшем Великобританию, рабочий класс участвовал организованными миллионными отрядами. Но и капитал двинулся в бой подготов-

ленным и сильно вооруженным. За девять месяцев, протекших после первой угрозы забастовки, капиталистическая Англия сумела вызвать к жизни громадную организацию, предназначенную для борьбы со стачками. Была создана целая армия добровольцев полицейских, насчитывавшей десятки тысяч «бойцов» (в одном Лондоне было свыше 50,000), организованы большие массы платных и добровольных штрейхбрехеров для замены в случае стачки бастующих в разных профессиях, а также образованы и специальные военно-технические части правительством для той же цели. Тщательно подготовлена была помимо того настоящая мобилизация перевозочных средств, автомобилей, грузовиков и т. п., принадлежавших буржуазии. Заготавливались, как это делается в предвидении настоящей войны, запасы продовольствия и топлива. Появились также и многочисленные фашистские группы, усиленно тренировавшиеся и готовые по первому сигналу ринуться в бой против рабочих. Антистачечная армия вербовалась отчасти среди безработных, число которых давно перевалило в Англии за миллион, но преимущественно среди буржуазной молодежи*). Вместе с тем на стороне капитала, благодаря нахождению у власти консерваторов, был также целиком и полностью весь грозный аппарат государства, с армией и флотом, часть которого была концентрирована во время забастовки в промышленных портах Англии.

Несомненно, что умеренное крыло консерваторов, создавая такой кулак, рассчитывало лишь погрозить им рабочему классу и тем отвлечь его от прибегания к оружию забастовки. Но die hard «твердые», непримиримые консерваторы смотрели на дело иначе. Для них кулак создавался для того, чтобы при первом же удобном случае ударить им по рабочему классу, разбить вдребезги его организованную силу и поставить его на колени. «Твердые» не стеснялись проповедывать открыто, что только такой тактикой можно оградить от гибели английскую промышленность и обеспечить длительное политическое господство консерваторов, единственным серьезным соперником которых является рабочая партия.

Во всяком случае наличие заранее и хорошо подготовленной антистачечной организации объясняет то обстоятельство, что хотя забастовка охватила почти пять миллионов рабочих в основных отраслях, ее парализующее влияние не оказалось таким молниеносным, как можно было предположить. Правда, производство было приостановлено в ко-

*) Необходимо однако, отметить, что некоторая часть буржуазной интеллигенции открыто симпатизировала рабочим и даже активно помогала им во время забастовки.

лоссальных размерах, и английская промышленность несла ежедневно миллиарды убытков. Но полного парализования главных нервных центров хозяйственной жизни не получилось. Забастовка в той форме, в которую она вылилась, привела к некоторому состоянию равновесия сил борющихся, при котором ни та, ни другая сторона не могла рассчитывать на полную победу, не выходя из намеченных ими пределов борьбы. Рабочие не в состоянии были заставить своим давлением правительство отказаться от поставленного им условия для возобновления переговоров. Правительство, в свою очередь, бессильно было сломить забастовку и восстановить нормальный ход производственной жизни в стране, вопреки воле тред-юнионов. При таком положении продление забастовки могло быть оправдано лишь при готовности перевести борьбу в более острый фазис, с почти неизбежным уже переходом к прямым боевым действиям и с перспективой впереди гражданской войны, к чему толкали крайние элементы обеих лагерей. Но правительство, в котором благодаря давлению общественного мнения возоблагодало влияние умеренной группы министров — не питало склонности к такой авантюре. Не было подобных боевых настроений и желания перейти в рукопашный бой и у преобладающей массы бастовавших рабочих.

Английский пролетариат вступил в борьбу для определенной цели — добиться справедливого ограждающего интересы трудящихся и всего общества разрешения конфликта в угольной промышленности, а отнюдь не для того, чтобы начать гражданскую войну. Если экономическое положение в Англии усиливает сейчас в ней остроту социальных противоречий, то оно во всяком случае не столь еще катастрофично, чтобы вызвать крайнее революционизирование рабочих масс и толкнуть их на бурный штурм капиталистической цитадели, не задумываясь о последствиях. Этим объясняется и самый характер забастовки и поведение масс, в ней участвовавших. Вот почему крики правительства о том, что забастовка является угрозой английской демократии и политическим вызовом, брошенным всей нации, не встретили никакого отклика даже среди буржуазных и обывательских слоев населения, симпатии большинства которого все более склонялись на сторону бастовавших, как защищающих правое дело. И вот почему также большевики лишний раз обнаружили свое полное непонимание европейского рабочего движения вообще и английского, в частности, утверждая заранее, как это делала «Правда», что «никакими искусственными мерами забастовку не удастся удержать в прокрустовом ложе профессиональной борьбы» и что «железная логика

борьбы неизбежно приведет к превращению ее в политическую». Именно потому, что борьба в той стадии, в которой она находилась, не дала решительного перевеса ни той, ни другой стороне, она и была прекращена компромиссом умеренных элементов правительства и тред-юнионов. Нужно при этом, однако, отметить, что и вожаки левого крыла английского профессионального движения, в том числе и сам Персель, на которых возлагают столько надежд большевики, отнюдь не требовали превращения забастовки в политическое движение и в этом вопросе были совершенно солидарны с «правым» крылом. Формально борьба кончилась как будто победой правительства, забастовка была прекращена без всяких условий. Но в официозных переговорах, которые велись председателем королевской комиссии Гербертом Самуэлом с вождями рабочих, последним дано было заверение об исполнении выставленного ими основного требования: отмена локаута в угольной промышленности, которое должно было осуществиться благодаря согласию правительства продлить еще на некоторое время субсидию. В этом заключается первый и главный компромисс. Престиж правительства был спасен, но и рабочие не капитулировали. В тех же официозных переговорах намечены условия, долженствующие лечь в основу соглашения, разрешающего конфликты в углепромышленности. Во-первых, и это самое главное и важное, государство берет на себя ее реорганизацию, на основе доклада королевской комиссии. Что же касается переходного периода, то рабочий день не удлиняется, но за то рабочие принимают пересмотр заработной платы, без замены однако основного национального минимума ее ставками по округам, чего требовали хозяева. Вместе с тем даны и определенные гарантии насчет размеров понижения самого минимума. Наконец, обещано создание специальной комиссии для разрешения вопросов заработной платы, причем комиссия составляется из равного числа представителей рабочих и хозяев при нейтральном председателе.

Внешнее впечатление завершившейся борьбы как будто правительственная победа, но по существу, в результате прошедшего столкновения, правительство не только обязалось провести реорганизацию в угольной промышленности, что является огромным шагом вперед, но не смогло и отстоять полностью требования углепромышленников, а намеченные соглашения предполагают взаимные уступки с обеих сторон. Как правильно указывает орган английских кооперативных кругов «Кооперативныйюз», а это свидетельство стороны прямо в борьбе неучаствовавшей: «тех, кто читал меморандум сэра Герберта Самуэля, который послужил основанием

для восстановления мира, хотя бы только временного, не согласятся с теми, кто вычитал в нем сдачу конгресса тредюнионов. Меморандум не предполагает сдачи ни со стороны конгресса тредюнионов, ни с чей либо другой». Формально соглашение, приведшее к прекращению борьбы, означало восстановление того положения, которое существовало до перерыва переговоров. В виду того, однако, что в решении о принятии условий сформулированных в меморандуме Герберта Самуэля представители углекопов не участвовали, оно не привело к прекращению борьбы в угольной промышленности, продолжающейся еще в момент, когда пишется эта статья. Рабочие не соглашались на те условия, которые выставил Болдвин. Что же касается шахтовладельцев, то они категорически отвергают всякое соглашение на основе доклада королевской селки и объявляют абсолютно неприемлемой реорганизацию промышленности через вмешательство государства. Английский пролетариат не вышел на этот раз из борьбы торжествующим победителем, но и британской буржуазии не удалось нанести ему поражение, в котором она была уверена, и сокрушить его организованную силу.

В начале статьи мы указывали, что английская забастовка самое огромное по размерам и значимости социальное проявление общего кризиса европейского капитализма, вызываемого ограничением его возможностей на ряду с ростом материальных и моральных потребностей трудящихся. И на том же примере Англии мы видим, как сильно разрешение кризиса в единственно правильном направлении сталкивается с устаревшими отношениями собственности, с непосредственными классовыми интересами капитала, с теми началами, из которых и на которых вырос современный капитализм. Поднять производительные силы на высшую ступень, при условии одновременного удовлетворения растущей потребности трудовых слоев, невозможно теперь в ставших тесными для осложненного содержания экономической жизни рамках капиталистического строя. В Германии, где промышленная организация более молодая, чем в Англии, буржуазия широко используя картели и тресты, проделала опыт модернизации промышленности, оставаясь внутри этих рамок. Но ценою такого опыта явилось страшное усиление безработицы, доведшее число германских безработных до двух миллионов. И, таким образом повышение технической базы германской промышленности куплено за счет еще большего ослабления социальной устойчивости общества.

Жизнь ставит в порядок дня промышленной Европы меры радикального преобразования ее хозяйственного уклада, без которых она обречена испытывать все учащающиеся и усиливающиеся подземные удары, напоминающие о возможности катастрофы. Но эти меры расширяющегося вмешательства государства и организованных социальных сил в экономику, меры национализации и обобществления, отрицают самую сущность капиталистической системы с ее всевластием капиталистов-собственников, безконтрольным распоряжением частновладельцами важнейшими ресурсами нации, неограниченной свободой личного почина предпринимателя. Проведение таких мер, если Европа вступит на этот единственно для нее возможный путь спасения, не будет, конечно, каким то перерождением капитализма, изменением лишь его внешних форм при сохранении его внутренней природы, а наоборот, возведением моста для перехода от устаревшего, изживающего себя строя к новому, ему п р о т и в о п о л о ж н о м у, контуры которого намечены в программе социализма.

Английская забастовка самим своим фактом, только уже тем, что в самой старой, сильной и богатой стране Европы пять миллионов рабочих вынуждены были прибегнуть к единовременному прекращению работ для защиты своих непосредственных интересов, показывает, насколько ослаблены и расшатаны устои капиталистической системы под влиянием раздирающих ее противоречий. Она — грозная иллюстрация усиливающегося их несоответствия требованиям измененного исторического положения.

Е. Сталинский.

Иностранная жизнь.

Социалистический конгресс и политическое положение во Франции.

Конгресс французской социалистической партии созывается в Клермон-Феран, большом городе центра Франции. На этом конгрессе подлежат обсуждению вопросы о партийной организации и пропаганды: обновление центральных органов, создание ежедневной газеты, развитие союзов молодежи и женских групп и т. д. Но в действительности и на этот раз прения будут сосредоточены на оценке политического положения. Оно по прежнему, как это само собою понятно, определяется раньше всего финансовым кризисом. Правительству г. Бриана удалось удержать власть лишь благодаря последовательной смене трех министров финансов: Лушера, Думера и Рауля Рерэ. Первый пал после того, как ему удалось добиться вотирование уймы налогов в три миллиарда франков, которыми предполагалось создать обеспечение для намеченных миллиардных авансов у Французского Банка и тем избежать инфляции. Второй, отказавшись поддержать финансовые проекты, выработанные делегатами трех групп левой с участием социалистов, был свергнут вотумом палаты, со своей стороны отказавшейся принять налог на торговые обороты. Третьему удалось провести целый ряд косвенных налогов и частично налог на торговые обороты (оптовой и полуоптовой торговли), что дало основание утверждать об достигнутом равновесии бюджета на 1926 год. Но и этого результата удалось добиться с большим трудом, при помощи всевозможных маневров со стороны правительства, вызвавших резкое недовольство против него республиканского большинства, которое оно вынудило отречься от своих избирательных обещаний. Все это со-

здало такую парламентскую смуту, что правительству с трудом удалось собрать кворум для голосования по вопросу о посылке в сенат законопроекта, вотированного палатой. Правительству пришлось аргументировать непрерывным падением франка. Оно уверяло, что задержка в вотировании законопроектов, как и падение правительства по вопросу о налоге на торговые обороты и косвенных налогов единственно способных, по его мнению, доставить немедленно ресурсы казне, вызовут реакцию биржи, финансового мира и разрушат доверие: «что, наконец, произойдет немедленный крах франка, если вопрос не будет разрешен в духе правительственных требований до 30 апреля».

Позиции партий при этом чрезвычайно важном голосовании, где правительством был поставлен вопрос о доверии, определилось следующим образом. Правая в части своей, наиболее враждебно настроенной против картеля, и в которой главную роль играет группа Луи Марэна, вотировала против. Эта, часть правого крыла палаты и есть прежний Национальный Блок, от которого, однако, откололась фракция во главе с такими людьми, как Летрокер, бывший министр общественных работ в кабинете Пуанкарэ, Ландри, тоже бывший министр, стремящиеся вместе со своими политическими друзьями, содействовать созданию политики центрации, объединяющей средние группы, для замены ею политики картеля. Они ищут в этих целях сближения с наиболее умеренным группам левого большинства: радикальной левой, к которой принадлежит министр финансов Рауль Перэ.

Настоящие радикалы, те, которых называют здесь радикалами из улицы де-Валуа, после серьезного сопротивления в большинстве голосовали за правительственные проекты, в виду воздействия на них в этом смысле их лидера Эдуарда Эррио, не желавшего взять на себя ответственность за действия направленные против кабинета или дать повод истолковать свое поведение, как борьбу за власть ценою ухудшения финансового положения страны. Однако, около сорока левых радикалов воздержались при голосовании. Социалистическая парламентская группа также не оказалась единой. Семьдесят социалистов воздержались, а двадцать пять голосовали против. Коммунисты-большевизаны, естественно голосовали против. Правительство собрало всего 228 голосов. Если бы социалистическая группа вся голосовала против него и если бы так же поступили сорок воздержавшихся радикалов, правительство было бы свергнуто. Кроме того, кворум, то есть половину голосов палаты, удалось получить только потому, что не все социалисты воздержались. Благодаря довольно комическому стечению обстоятельств, голо-

совавшие против, увеличивая число поданных голосов, содействовали тем самым в известной мере спасению правительства. Отсюда ясно, что позиция кабинета Бриана далеко не прочная.

К этому еще надо прибавить, что с момента парламентских каникул имели место новые факты, не улучшившие положение министерства. Националисты, которые уже выступали против Локарнского соглашения, теперь используют против него новый германо-русский договор, ослабляющий его значение. Переговоры о долгах с Соединенными Штатами никого не удовлетворяют. Правительство упрекают в том, что оно не добивалось внесения в соглашение гарантийного пункта, связывающего выплату французского долга с поступлением германских репарационных сумм, ни пункта о переводе части репараций на Америку. Республиканские и социалистические круги относятся очень критически к соглашению, подготовляемому в Вашингтоне французским послом Анри Беранже, и еще вопрос, будет ли оно ратифицировано Палатой. Мирные переговоры с рифами также кончились неудачей и новые военные операции в широком масштабе, предпринятые в Марокко, начинают беспокоить общественное мнение. Радикалы недовольны отстранением из кабинета Мальви. Среди реакционеров царит недовольство в связи с уличными столкновениями, которые отметили праздник Жаны д'Арк, и при которых подчиненные министра внутренних дел не пощадили «молодых патриотов», фашистов и роялистов. Социалисты не могут одобрить ни одного из правительственных актов. При возобновлении парламентской сессии в конце мая правительство в силу сказанного должно встретить довольно плохой прием в палате.

В виду описанного положения прения на социалистическом конгрессе могут получить решающее значение. Социалисты, как я уже сказал выше, в большинстве воздержались при последних парламентских голосованиях. Но эта тактика вызывает довольно резкие возражения в партии. К воздержавшимся принадлежат, однако, те, которых, без особенного глубокого для этого основания, называют левым крылом партии: Поль Фор, Леба, Бюисон, затем такие люди, как Леон Блюм, Ориоль, но также и депутаты, причисляемые к правому крылу, как Поль Бонкур, Жорж Вейль, Барт и т. д. Вместе с Бедусом, Маркэ, Кайрелом, Эвваром я принадлежу к числу тех, которые голосовали «против» правительства. Это отсутствие единства парламентского голосования парламентской группы смущает партию и она, наверное, не пожелает, чтобы метод воздержания превратился в обычное средство для выхода из затруднительного положения. Абстенционисты,

и в особенности Леон Блюм, объясняли свою позицию тем, что нельзя было вызвать падение кабинета, ибо оно в тот момент угрожало опасными осложнениями для страны и без того, недовольной зрелищем парламентского бессилия. Но те, которые голосовали против, полагают, что необходимо во что бы то ни стало положить конец политическому экивоку и что республиканцы должны снова взять в свои руки бразды правления и ответственность за решительные финансовые меры, которые до сих пор отвергались, ибо иначе легислатура картеля рискует кончиться полным бесплодием. Но это станет возможным только в том случае, когда нынешнее правительство будет заменено чисто радикальным правительством, наиболее вероятно правительство Эррио. Можно быть уверенным, что эта операция уже совершилась бы, если бы сам Эррио не проявлял некоторой нерешительности. Но ему трудно будет отклонить обязанность образовать министерство, если кабинет Бриана, против которого борются социалисты, будет свергнут. В случае, если конгресс в Клермон-Феране отвергнет тактику возрождения и даст парламентской группе директиву в смысле решительной оппозиции, то судьба правительства Бриана будет без сомнения решена. Резолюции, обсуждавшиеся в федерациях, в большинстве предусматривают возобновление политики поддержки при образовании действительно левого правительства. Левое крыло рассчитывает, таким образом, избегнуть политики участия во власти. Правые же в свою очередь думают, что благоприятный момент для такой политики уж прошел. Благодаря этому, создается общее соглашение на политике поддержки. Будем ли мы свидетелями возобновления политики картеля, прерванного падением правительства Эррио в апреле 1925 года, и замененной более умеренной политикой правительства Пэнлеве и Бриана? Это зависит в большей мере от социалистического конгресса*).

Нет нужды пояснять что внимание политической прессы, а в особенности консервативной приковало к конгрессу в напряженном ожидании его решений.

Пьер Ренодель.

*) Номер уже был сверстан, когда открылся съезд французской социалистической партии. Политическая резолюция съезда требует энергической борьбы против политики концентрации, отвергает участие социалистов в коалиционных правительствах и высказывается за парламентскую поддержку левого кабинета.

Примечание редакции.

Политические партии в Эстонии.

Для того, чтобы правильно расценить политическую жизнь и политические партии молодой республики, необходимо бросить взгляд на ее прошлое*).

Несмотря на то, что эстонский народ имел за собой очень длинный и тяжкий период крепостной зависимости от национального чужого дворянства, освобождение его от этой зависимости (1819—1826) не принесло, однако, того, что можно было бы назвать политическими и гражданскими свободами. Прошло целое десятилетие, прежде чем начало пробуждаться национальное сознание, и народное образование шагнуло так далеко, что широкие народные слои стали способны создавать себе общее представление о политических вопросах. Но даже и тогда насилие русского правительства во всеоружении всех его средств и при энергичной поддержке местного дворянства, было на «своем посту», в целях «удержать народ вдали от политики». Уже приблизительно около 1856 г. существовали эстонские политические газеты, но цензоры всевозможного рода были постоянно на чеку, чтобы предупредить хотя бы малейшую «политичность» этих недельных листков. Так, например, даже в 80 годах газетам еще не было «дозволено» помещать информацию об определенных политических течениях за границей по той причине, что такого рода известия могут, ведь, разбудить «демократические» или даже социалдемократические стремления! А от этого необходимо держаться в стороне. И все-таки до бесконечности так продолжаться не могло.

Высокая волна национализма в средней Европе, в эпоху основания больших национальных государств (Германия, Италия и т. д.) проникла также и в Эстонию и нашла отклик. Как раз на это время падает широкое распространение деревенской школы в лиф-эстляндских деревенских общинах с

*) Автор этой статьи М. Мартна, основатель эстонской социал-демократической рабочей партии.

обязательным трехлетним курсом. В общей сложности — 300 учебных заведений, с некоторым числом так называемых «приходских» или иначе «кистерских» школ, в виде высшей ступени деревенской школы. (К сожалению, обязательность распространялась только на деревенскую школу, оставляя не затронутой городские народные школы). Благодаря усердию учителей деревенской и других школ, начало распространяться просвещение; крестьянство же, благодаря своей неустанной работе, начало мало помалу обретать под ногами все более и более твердую почву и в смысле хозяйственном, вместе с чем нарастал новый напор к все большему просвещению.

Когда Карл Роберт Якобсон (1841—1882) начал издавать свой еженедельник «*Sacala*» (1878), он нашел уже многочисленных друзей, так же, как и он, стремившихся к политическому прогрессу.

К. Р. Якобсону принадлежит заслуга пионера политического пробуждения. Несмотря на ежовые рукавицы цензоров, он сумел, однако, говорить так, что народ осознал свое поработанное состояние и начал — сначала, разумеется, почти безотчетно и очень тихо — выговаривать политические требования.

Это было во времена панславистского движения в России. Панславизм был направлен, главным образом, против западно-европейских культурных влияний в России, включая и балтийско-немецкое дворянство. Под покровом этого движения также и здесь — в эстонских газетах — стало возможным сказать кое-что против всевластия дворянства. К. Р. Якобсон говорил открыто о том, что не только дворянство, как это было до сих пор, но и крестьянство, как масса налогоплательщиков, должно иметь право принимать участие в управлении страной, — иначе говоря, принимать участие в рыцарских ландтагах. Практически требование это оказалось, конечно, бездейственным, дворянство оставалось, как и прежде, неограниченным в своем могуществе. Тем большим было зато моральное значение этого требования: народ жадно ухватился за него, оно стало шпорой для политического мышления...

Суррогатная политика.

За этим периодом пробуждения последовал период острого упадка. Органы дворянства вели кампанию старательных доносов против «революционных» стремлений. Даже такие люди, как доктор Креузвальд, горячий сторонник народного образования, собиратель *Kalevi-poig* — *saagu* был оговорен, как революционный зажигатель; против на-

рода были пущены в ход все средства насилия, пресса подвергнута еще более строгой цензуре и только что пробудившиеся стремления к образованию были в зародыше задушены.

Эстонская пресса и так едва заслуживала этого имени. Теперь она опустилась еще ниже и так как ей не было возможности стать водительницей действительной политики, она изобрела суррогат политики.

Некоторые редакторы были чрезвычайно изобретательны в отыскивании таких вопросов, которые не считаясь по своей малоценности достойными внимания цензуры, другими редакциями, однако, обсуждались, и вызывали, таким образом, дискуссию. В дискуссии крестили друг друга как попало, называя, например, «противника» «изменником народного дела». Такого рода статья называлась «Политика», а толпа сторонников того или другого лагеря называлась «партией».

К началу столетия подобного рода «борьба» развернулась между еще живущими и в настоящее время на политической арене действующими господином И. Тониссоном (Jaап Тõnisson), «вождем партии» «postimees» и господином Константином Пятсом (Konstantin Päts), вождем противной партии «Teataja».

Тониссон со своим органом слыл за героя «идеализма» и истинного «национализма» с лозунгом: маленький эстонский народ не должен раскалываться на «партии» и «классы», наоборот, он должен развиваться целостно и гармонично, как одна семья. Противная партия слыла, за идущую навстречу «материалистическим», «земным» интересам и всецело единую с «руссофицирующими элементами» (г. Пятс и кое-кто из его сторонников отваживались определять как приемлемые некоторые положения руссификаторской политики, как, например, судебную реформу и изъятие народной школы из под влияния лютеранской церкви). Времена русской конституции положили этому конец.

Времена конституционных веяний.

Когда в России оживленнее начала биться политическая жизнь, и стали на очередь требования конституции и в Эстонии должны были ослабеть узы. Дискуссия вокруг подлинно политических вопросов не могла уже оставаться под спудом, хотя цензура была снята впервые лишь во время первой революции (1905 г.). Рука об руку с борьбой за конституцию зрело в России революционное движение, находившее свой гулкий отголосок и в Эстонии. Не только пролетарские слои, но также и буржуазия возлагала свои надежды политического освобождения на революцию.

Между тем, конституция принесла разочарование, ибо власть дворянства осталась все той же и политические свободы теперь, как и раньше, были всего лишь прекрасной мечтой. Недовольство проявилось открыто в восстании 1905 г., для подавления которого была послана (под тайным руководством местного юнкерства) позорная карательная экспедиция.

Время до второй революции представляет собой страстный путь сквозь невероятные насилия. За мировой войной последовала катастрофа. Революция 1917 г. положила конец насилию царизма и власти дворянства также и в Эстонии. Однако, и здесь обнаружилось, что революция, после того, как она сломала старое, отжившее, способна далеко не с такой же легкостью выявить наружу новое, долженствующее остаться. Революция чрезвычайно способствовала развитию процесса политического мышления; она поддерживала также стремления к основательным новшествам в практической жизни. Однако, она не в силах была с сегодня на завтра исправить все унаследованные недостатки и ошибки. Для этого необходима работа десятилетий.

В России, а еще менее в Эстонии, революция не нашла условий, которые предполагает высоко развитая политическая жизнь. Лишь политическая самодеятельность народа способна поднять на высоту даже развитые политические партии. Предстояло, таким образом, начинать с самого начала. Предстояло тяжело выстрадать все «детские болезни» политики.

Партии в свете избирательных результатов.

Прежде чем перейти к характеристике партий, мы хотим остановиться на их численных силах и на изменении обстоятельств, эти силы обуславливающие.

Выборы в Конституанту имели место в марте 1919 года (было избрано 120 депутатов. Это число для следующих народных представительств — Riigikogu — Государственное собрание было окончательно зафиксировано на 100 мандатов). Со времени русской революции протекло два года, эстонский народ пользовался государственной самостоятельностью, но в момент первых же выборов он очутился в кровавой борьбе с войсками советского правительства. Благодаря германской революции, немецкие оккупационные войска покинули страну, которую они занимали с февраля по ноябрь 1918 г. Следом за уходящими немецкими войсками шли через Нарву советские войска, занявшие вскоре большую часть страны. Народ должен был спешно подняться, чтобы защитить свою политическую свободу. Хотя, вторгшихся

удалось к счастью скоро вытеснить за границу, на границе кровавая борьба длилась по январь 1920 г. Такого рода борьба предполагает, конечно, большую политическую зрелость. Также предполагают ее и неизбежность и необходимость выборов в течение подобной борьбы! Партии начали избирательную кампанию в строго организованной форме. За избирательной кампанией последовала усердная парламентская работа. После того, как война была закончена, приемлемый мир заключен, принята конституция, и проведены некоторые иные неотложные законодательные работы, конституанта сама себя распустила. А в конце 1920 г. последовали новые выборы. Можно сказать, что в отношении партийного предраспределения новые выборы внесли изменения лишь постольку, поскольку число партий, выставивших своих депутатов в первый Riigikogu (Парламент), возросло по сравнению с числом партий Конституанты, с 8 до 10, в то время, как число мандатов было понижено до 100. А по истечении трех лет, число конкурирующих партийных группировок поднялось до 24 из которых только 14 фактически получили мандаты! Это большое число партий наводит на некоторые размышления и ни в каком случае не говорит за большую политическую зрелость народа.

Ниже мы даем количественный обзор избирательных результатов в трех до сих пор имевших место избирательных кампаниях. Избирательные группы, не смогшие приобрести ни одного мандата, мы оставляем без рассмотрения.

Партии конституанты I-го и II-го	Конституанта 1919—1920, 120 депутатов		I-ое Riigikogu 1920—23 100 депутат.	2-ое Riigikogu 1923—26 100 депутат
	Мандаты	%		
Социал - демократы	41	36	18	15
Рабочая группа	30	26	22	12
Народная партия	25	20	10	8
Крестьянская партия	8	6	21	23
Соц.-революционеры	7	5	—	—
Христиан. народн. партия	5	4	7	8
Немецко-балтийская партия	3	2	4	3
Русские	1	1	1	4
	120	100		

Новые партии в I-ой Riigikogu

Независимые социалисты	—	—	11	5
Коммунисты	—	—	5	10
Хозяйственная группа	—	—	1	—
			100	

Новые партии во II-ой Riigikogu

Национал-либералы	—	—	—	4
Новопоселенцы	—	—	—	4
Союз домовладельцев	—	—	—	2
Партия квартиронанимателей	—	—	—	1
Демобилизован. военные	—	—	—	1

Демобилизован. военные

100

Величины фракций в настоящий момент, однако, заметно отклоняются от выше указанных цифр. Сразу же после последних выборов 2 представителя домовладельцев примкнули к крестьянской фракции, в то время, как сама эта фракция, в результате ликвидации избирательного листа коммунистов получила еще один мандат, так что число ее мандатов простирается до 26. К социалистической фракции в настоящий момент принадлежит тоже 26 депутатов: 15 социал-демократов — 1 соц.-демократ вследствие ликвидации коммунистического листа, 5 независимых социалистов и 5 прежних коммунистических депутатов. И национал-либералы имеют вследствие ликвидации коммунистов также одно лишнее место. Два коммунистических мандата все еще находятся на руках коммунистов, ибо обладатели их пока не появляются. По всей вероятности они бежали в Россию.

Прирост числа партий легко объясняется растущим недовольством буржуазных кругов. Определенные мелкобуржуазные элементы и другие слои надеялись, очевидно, достигнуть большего, чем им удалось. Домовладельцы с удовольствием приняли бы уничтожение защиты прав нанимателя, в то время, как наниматели были бы очень рады закону, обеспечивающему их интересы; новопоселенцы хотели бы увеличения государственных пособий, в то же время и демобилизованные военные держатся того взгляда, что для их поддержки можно было бы сделать больше... Эти интересы группируют их в специальные группы стремящихся увести в парламент собственных представителей, в целях увеличения своего «веса». Этот процесс далеко еще не закончен.

С другой стороны ясно, что правые партии выигрывают. В процентах мы имеем следующую картину:

	Правые и левые в %		
	1919	1920	1923
Буржуазные партии	60	66	70
Социалистические партии	40	34	30

Это объясняется весьма просто. Надо принять во внимание, что на революцию возлагали большие и невыполни-

мые надежды. Революционные партии должны были совершать почти невозможные вещи. Если они не оправдывали фактически упований, к ним поварачивались спиной. Даже пролетариат ожидал значительно больше, чем в действительности могли дать революция и революционные партии... Ведь даже рабочие стран, имеющих за собой долгие годы политического воспитания, проявляют свое недовольство, если видят, что старые вкоренившиеся недостатки не могут быть устранены немедленно. Это, впрочем, известно из нашего старого опыта: время революции несет социалистическим партиям большой прирост из рядов полупролетариата и из беднейших элементов промежуточных слоев. Как только, однако, они замечают, что их повседневные нужды не могут быть смягчены в течение ночи, они покидают социалистическую партию.

К такого рода приросту в Эстонии необходимо отнести очень большое число нуждавшихся в земле. Этот голод, примерно у 28,000, сейчас утолен. Они живут теперь в сфере интересов мелкого крестьянского хозяйства, социализм вряд ли когда либо их интересовал. Но во время революции они рассчитывали совершенно правильно, что с помощью социал-демократии они смогут вернее осуществить свои специальные желания. Отпадение этих попутчиков нужно рассматривать, как естественное.

Выборы в III Riigikogu предстоят в мае этого года. Эти выборы также принесут некоторые неожиданности: говорят уже о новых партийных группировках. Но вряд ли они будут достаточно глубоки, чтобы привести к изменению общей ситуации*).

(Окончание следует).

М. Мартна.

*) Только что опубликованные сведения результатов выборов подтверждают предвидения автора. Следует отметить только, что потерпели поражение национал-либералы, утратившие все свои четыре мандата. Редакция.

Среди книг и журналов.

Современная деревня в художественной литературе.

Годы войны и революции расшатали в русской деревне всё то, что держалось силой привычки и исторической традиции: и классовые взаимоотношения, и привычные семейные устои, и старые навыки религиозной жизни и основы традиционной морали и т. д. Глубокие потрясения и сдвиги, произведенные истекшими годами во всем строе русской жизни, далеко еще не изучены и не нашли своего полного отображения в художественной литературе. Но поколение молодых писателей, соприкасавшихся за последние годы с разными сторонами русской деревни успело уже дать очень ценный материал для уяснения совершающихся в глубине народной жизни процессов и характерных черт новой психологии русского человека пореволюционного периода. Нижеследующий очерк имеет своей задачей проследить, как отразилась в художественной литературе последних лет современная русская деревня с теми разнообразными процессами, которые совершаются в ней в настоящее время.

— «Десять лет стояла жизнь на одном месте. Двадцать лет стояла на одном месте. Думали — еще будет стоять пятьдесят, а она повернулась. Куда пошла — никто сказать не может. И когда вернулась — никто сказать не может. В этот год или в тот. Печи топят, собаки лают, всё как было. Поглядишь одним глазом — есть где-то, что-то, только руками не сразу нащупаешь».

— «Ходят три мужика, словно охотники по заячьему следу — в голове колеса ворочаются. Повернется одно, так бы и убил на месте чортову коммуу. Повернется другое — так бы ударил об угол кого. Разве можно так жить? Исполком приказами мучает, а тут еще бабы травы дикой наелись... В дому непорядки: лежит веник под порогом — никто не берет. И воды налить в рукомойник некому, и сапоги подать некому».

— «Эх, как можно избить за такие штуки!»

Так характеризует жизнь русской деревни молодой, безвременно скончавшийся, писатель А. Неверов в своей повести «Андрон Непутевый». И, действительно, «такие штуки» проявляются в деревенском быту чуть-ли не на каждом шагу. Вот приезжает в глухую деревню, во время деревенской страды, стриженная худенькая девушка, в красной кофточке, в пенсне на черной ленте, закинутой за ухо. Она прибыла от уездного женотдела «ликвидировать» женскую неграмотность и убеждает деревенских баб и девок учиться грамоте:

— «Товарищи, — говорит она, — грамота для вашей же пользы. Как вы не поймете? Без грамоты не может быть гармонической личности»...

— «И-и, барышня, — отвечают слушательницы — учили бы дома нас. А здесь чаво-жа учить?»

— «Знамо! Всеё зиму без дела сидим, зады греем. А теперь приехали страждавать, она здесь и настагает с грамотой»...

— «Для вашей же пользы».

— «А сколько нам за это платить будут?».

— «За что?».

— «А вот учиться заставят».

— «Ду-у-ры! выучимся, мужиков перешибем».

— «Гляди, в писаря назначат. Чаво брусникой-то быть?».

— «И-и, девки! К чаму она, грамота, нынче? Вон тетя Соня куда грамотна, да вишь страждует вместе с нами»*).

— «Вот он, женский отдел! — говорит один мужик в упомянутой повести Неверова: — слетела одна чайка, теперь не удержишь... Словно детей у них нет и мужьев сроду не было. Хозяйство забыли, скотину забыли, всё домашнее не надо стало... Про Андрона говорят, про Гришку Копчика говорят, про флаг красный, голубым шелком вышитый. Про своих мужьев — ни слова. Андрон — хорош. Гришка хорош, атлас-материя хороша, свои мужья никуда не годятся... Смеются бабы с девками: «забастовку надо сделать им».

В интересных очерках «От деревенских полей» Ф. Панферов описывает один из случаев такой «забастовки».

«Пошел великий раскол по селу — пипет Ф. Панферов — бабы на ноги поднялись, — белены вроде объелись: За Ульяной ходят, за селом собираются, Ульяну слушают. К месту собрания на дух мужиков не подпускают: как завидят, так, гляди, или палкой или камнем закатят».

И объявили полные перевыборы сельского совета.

На избирательное собрание баб явилось больше, чем мужиков. Встали бабы в одну сторону, мужики — в другую.

*) А. Яковлев. «Болото», рассказ.

— «Теперь будем выбирать — заявила Ульяна — голосуйте, бабыньки, за мной».

Весь старый сельский совет слетел и, как ни бились мужики, бабы избрали себе свой сельский совет».

Но «такие штуки» проявляют не только женщины. В настоящее время деревенская молодежь усилиями своей личной воли, на свой собственный страх и риск, велениями своего разума и своей совести решает и интимнейшие вопросы своей личной жизни и личным своим разумением перерабатывает и оценивает былые семейные отношения. На фоне борьбы между старым и новым на наших глазах совершается ломка привычных семейных взаимоотношений, разрушается отцовский авторитет, множатся острые конфликты и происходят семейные драмы.

— «Колька! — говорит один крестьянский коммунист своему младшему брату, комсомольцу, — «причепись! Сейчас за тебя сватать пойду».

— «Не хочу я жениться».

— «На твоё нехотенье я плевать хочу. А все-таки сопли утри: можа гости придут».

— «Жени вон кобеля нашего».

— «Ах ты стервец!».

Схватил коммунист кнут, сцапал комсомольца и давай социальные идеи в брата вколачивать» *).

— «Мода — это теперь отца с матерью не слушать. Был бы Лениным, всех вас, молодчиков, перепорол, пока не вышиб из башки поганую коммунизму» **).

За истекшие годы распатались не только семейные устои, но и поколебалась самая традиционная вера.

— «Нелюбо мне — говорит старуха в только что упомянутых «Комсомольских рассказах — нелюбо, что большаки бога преследуют. Сам посуди: до старости дожила, — хоть бы одну обедню пропустила, сколько ночей за иконой простаивала, и вдруг бога нет. Обидно!».

Старухе — «обидно», но в психологии деревенских жителей произошел уже значительный надлом и родились такие настроения, которые не имеют уже ничего общего с традиционными верованиями.

— У меня вопрос леригиозный, — спрашивает тронутый новыми влияниями деревенский житель: — «Скажем, бог, Андрон Михалыч, есть и нет?».

Андрон Михалыч — человек бывалый. Он «дванадцать губерний проехал», знает, что «Кавказ не нашей территории — грузины там с меньшевиками» и убежден, что «капитализма не

*) Акульшин. Люди — факты. «Красн. Новь», 1926 г., № 3.

***) Г. Шубин. Комсомольские рассказы.

страшная: с ней давно можно покончить, если бы не буржуазия». Он знает, где правда и где неправда и потому на тревожный вопрос: «есть бог или нет» с уверенностью заявляет:

— «Обморочивание головы!».

— «Значит, одна прокламация?» допытывает сомневающийся.

— «Буквально».

— «Вам достоверно известно?».

— «Предрассудок темной массы!».

Точка. За точкой мрак.

— «Я с вами согласен, Андрон Михалыч, ну только сумнительно. Главное дело — леригия!».

— «Ничего подобного!» — по прежнему уверенно заявляет Андрон Михалыч *).

«В селе на пригорке церковь вскарабкалась — читаем мы у Шубина в его «Комсомольских рассказах» — ребятам ворот не надо — прямо перемахнули... Развалились на траве, запыхтели цыгарками.

Степке дивованьнице:

— «Почему не к обедне?».

— «Нет в нас веры в боженят»...

— «Мы в бога не верим. По крайней мере, обедни по боку, грехов бояться не надо... Гуляй, душа молодецкая!»...

— «Значит, вы теперь и отца и бога помахиваете, что хотите, то и творите?».

— «Во, во... Слобода, товарищ!».

— «Надо будет долгогривому бока намякшить: на целый день обедни затягивает».

Современная деревня переживает полосу великого невиданного в ее истории потрясения и острой борьбы между старым новым. В налаженную жизнь ворвались новые явления, замутили её относительную простоту, осложнили напряженной борьбой между стариной и новизной и разрушили веками сложившийся быт.

— «Теперь в деревне чего не хватись — нету, — рассказывает деревенский дед приехавшему из города внуку — ни тебе пилы, ни тебе мыла, ни тебе соли, ни тебе гвоздя пустяшного. Беда! Так и с табаком: не самосадка — хоть мох кури!... Сами болтают: не трудящийся да не ест, а сами не трудятся и наш хлеб в три горла жрут» *).

Встревоженная народная мысль ищет разгадок деревенской разрухи и придумывает рецепты для избавления от неустойчивости жизни.

— «Какая есть большевистская партия? Самая хитрая!»

**) Г. Шубин. Комсомольские рассказы.

Слышали, как она ловко к нашему хлебу подъехала? — спрашивал деревенский Михайла своих слушателей: — появился человек в кожаном картузе, начал речами охаживать. Вы, говорит, крестьяне — серпы; мы — проживающие в городе, — молотки. Давайте союз держать!».

— «Здоровая программа!»*).

«Пишут-то они все складно, — не учить ух писать-то, — говорит в рассказе Панферова «Подполье» мужик с галчиным носом Скулов, — а вот как делу коснись, так тебе тут полный затор... Подступи к нему, подступи, — разом тебе глотку заткнут, да и жучки-то отобьют... Вот таё и действительный!»

— «Быку где хвост гнули, сроду не забыть», — говорит в рассказе Панферова «Дипломат» мужик Митрий.

— «Что, аль тебе гнули?».

— «Не-ет. А было дело, было».

И, действительно, было. Вот пред нами Финькин, «сын трудового ремесленника, увечный воин, желающий послужить народу, и почерк подходящий». Он нацелил георгия и зачислен в штат инструкторов. «Время я провел в селе весело — пишет он в своем отчете о поездке по деревням — и множество мужиков и баб высыпало на улицу провожать меня и по моей просьбе хором спели похоронный марш в честь моего отъезда. Дурак ямщик с пьяных глаз завез меня в деревню Урайкино с мордовским народонаселением бедного состояния и пришлось мне собрать сход. «Есть у вас совет?» — «Нет». — «Есть комбед?» — «Тоже самое». — «Чего же у вас есть?» — спрашиваю. — «Ничего, товарищ, нет, — ржанину пополам с мякиной едим, на пять дворов одна лошаденка осталась, голодная тоска задавила нас». — И пришлось мне собрать всех грамотных человек десять на деревню и выбрать я из них председателя и секретаря, а остальных членами назначил и объявил о присоединении ихной деревни к Советроссии. Бабы давай плакать, мужики крестятся, а председатель солдат Судбищев закрутил ус, смеется: не робей, православные, помирать так всем вместе!»**).

Вот пред нами в исполкоме Андрон Непутевый. Пишет приказ за приказом:

«В бывшем доме священника немедленно оборудовать сцену для разного представления. Столяра Тихона Беляковского и плотника Кузьму Вохромеева мобилизовать без всякого уклонения. У Прохора Черемушкина взять на общую пользу восемь досок поделочного тесу».

«Ругается Черемушкин маленьким языком — большой молчит. И Тихон с Кузьмой ругаются маленькими языками — большие молчат.

*) Неверов. «Андрон Непутевый».

***) Артем Веселый. «Страна родная». Роман.

— «Вот так правитель!».

Сказать большим — в контру-революцию попадешь.

Секретарь исполкомский пишет:

— «Неприменно всем коллективом села Рогачевки запахать озимое красноармейцам».

Вся волость ругается маленьким языком:

— «Вот так правитель!».

Пашут мужики озимое красноармейцам, от удивления почвоквивают:

— «Ну, и порядки!».

Плохие порядки, а все-таки пашут. Никому не хочется в контр-революцию попасть. Ничего не поделаешь *).

Мужики ждут, что «полоса пройдет», надеются, что «все еще как-нибудь, бог даст, продержимся», по старой привычке предполагают, что «там один декрет для нас, а другой для *них* пишут и инкогнито присылают», опасаются, что «они всю деревню переберут, всех с корнем выведут» и, наконец, просто «волком воют», но коммунистическая власть крепко нажимает на деревню и продолжает «доезжать сукиных детей».

— «Борьбу эту выдумали насчет кулаков, — рассказывает дядя Никифор, — а тут на местах на этих так хватили здорово, что не то что — кулаков, а и мужиков скоро не останется. Приезжают. — «Кто у вас кулак? Говоришь: нету кулаков, мы их всех вывели. — А кто самый богатый? — Самый богатых нету. — А кто лучше других живет? — Такой-то. — А говоришь: нету кулаков?»

— «Вдумали кирпич с кумом жечь на продажу, а они приехали — цоп! В кулачки, говорят метите? Пчел было развели, они приехали, опять — цоп!».

— Вот, вот... Ах ты, мать честная!.. Бывало, в поле выйдешь — урожай. Слава тебе, господи! А наемни я поглядел — рожь хорошая. Мать твою... думаю: вот подведет. Такая выперла, что прямо хоть скотину в неё запуская, от греха **).

Это было то время, когда представители коммунистической власти проявляли по деревням «давление своей революционной техники» и заявляли: «держи крепко завоевание революции, иначе всё пролетит, — это уж досконально». Везде господствовала «революционная тактика» и под её же давлением создавалась деревенская власть.

— «Пять раз кандидатуру Заичкина выставляли, пять раз об его наилучших качествах представитель ВИК'а распинался: такой человек Заичкин, — может пост президента занять, не токмо что предсельсовета, — и пять раз под-ряд молчали мужики: ни за, ни против. Шестым разом доконали.

*) *Неверов*. «Андрон Непутевый».

***) *Пантелеймон Романов*. Новые рассказы. 1926 г.

— «Давайте, мужики, голосовать, — прорвалось у Сидорина Якова, — а то до утра держать будут. Видно опять его нам председателем. Видно, порядок уж такой в волости у нас: допреж назначают, утверждают, а потом выбирать его нам непременно, — тут уж опложки не жди».

И выбрали. И вновь расписывает Заичкин: «Предсик Заичкин» и вновь пишет доклады: «К советской власти крестьяне относятся любовно, авторитет я имею огромный, контр-революция загнана, молчит, но она, гидра, может поднять голову, ежели я опущу руки. Собрания посещает весь честный элемент, кулаки загнаны, молчат». И опять Заичкин заносит в особую потайную книгу с надписью «гепеу» неурядицхся ему лиц в три рубрики: «контриволуционер», «есер», «противник» *).

Но не всегда власть прибегает к нажиму «революционной тихтики». В рассказе П. Романова «Неподходящий человек» описываются выборы нового председателя.

— «Сменить решили, — жалуется один другому, — сил никаких не стало: всё обворовывал. А нового-то не наметили. А тут подобралась партия *их*, человек пять. Мы думали выборы сразу будут и хлеба пожевать не захватили. А они сперва давай доклад читать. Томили, томили, — у нас уж прямо глаза на лоб полезли».

— «Одобряете?».

— «Шут с вами, одобряем, говорим, только кончайте свою музыку, а то все животы подвело».

— «Ну, поднимайте руки, сейчас конец».

Подняли.

— «Теперь — говорит, — можете расходиться. Благодарим за доверие».

— «Не на чем, — говорим: а позвольте узнать, за какое доверие?».

— «А председателя — говорят — выбрали».

— «Какого председателя?»

— «А вы за что руки тянули?»

Мать честная! Мы так и сели. Что-ж, значит, руку поднял, тут тебе и крышка?

— «Не крышка, — говорят — а председатель». Глянули мы на него, а он — коммунист **).

Но вот наступили новые «веяния»: нэп, нео-нэп, покровительство частному капиталу, ставка на богатеющего крестьянина, вплоть до кулака, брошены новые лозунги, поставлены новые вехи:

*) Панферов. «От деревенских полей».

**) Пантелеймон Романов. Новые рассказы. 1926 г.

— «Лицом, слышь, к деревне, нады обернуться, а не чем там!»

— «Не командовать».

— «Коммунист должен быть товарищем, а не начальником».

— «Не назначать, а выбирать!»

— «Подойти к крестьянину, как равный к равному».

Ожила деревня, вздохнули свободнее те слои деревенского населения, которых начальство причисляло то к крепкому крестьянину, то к кулаку. Но неурядица и травля не исчезли.

— «Мало что было — говорит гражданин Юфим Павлыч Подлов — а теперь новая еканамическая политика. Теперь по новому — по другому. Понял?»

— «Как не понять? Понял. Который вот уже год не жрамши живу. Пора понять».

— «Дураков и в алтаре бьют. Я вот, небось, не жрамши не был?»

Юфим Павлыч теперь опять хозяин чайной, но на ней красуется уже вывеска: «чайная ривалюция вновь открытая гражданином Юфимом Павлычем Подловым» с припиской сбоку мелкими буквами — «пролетарии всех стран соединайтесь». Он готовится к приходу из церкви церковного причта для освящения чайной, любителю на вывеску, но в то же время не может отделаться от тревоги.

«Гожа! — говорит он — придумано название — дальше ехать некуда. Соблюдена порция — комар носу не подточит! В нос бьет! Приходи, кума, любоваться. «Чайная ривалюция» — читает он с неослабевающим удовольствием. Гм! «Ривалюция!» Н-да! Хороша ривалюция, будь она трижды от меня, анафема, проклята!... Довела до дела. Раздела порядочных людей до гола. Вертись, вот, как какой-нибудь сукин сын пролетарий, исхитряйся. Слава тебе, Господи, сейчас хоть вздохнуть дали анафимы проклятые. Удумали, слава тебе, создателю; еканамическую политику. Каркать-то хоть по-вороньем дозволили, и то господу благодарить надо. Штуки *они* и это не иначе какие-нибудь удумывают, как бы опосля этой еканамической политики нашего брата опять хлобыснуть по шее. Окончательно пришибить. Н-да хоть сейчас-то на время, дали передышку» *).

Вот перед нами «Ванька-царь» из нового рассказа Акульшина **). До революции он торговал мясом. В первые дни после октября был председателем исполкома и вождем коммунистической партии в большом районе Самарской губернии. Три года свирепствовал красный террор, три года все ходили на пыпочках, взгляда Ваньки-царя, как выстрела, боялись, а теперь

*) С. Подъячев. «Православные».

***) «Красная Новь», Журн. 1926 г., № 2. «Люди и факты».

он уже не Ванька-царь, а торговец Иван Петрович, в гости к батюшке ходит, в церкви молебны служит, раз пять исповедывался пред аналоем.

Успокаивает батюшка Ивана Петровича:

— «Великую силу молитва имеет, нет конца милости господней. Не скупитесь на жертвы Иван Петрович».

Опасения гражданина Юфима Павлыча Подлова, что *они* предполагают «хлобыснуть по шее нашего брата» не лишены, конечно, оснований, но по существу он мог бы и не беспокоиться. Героический период власти коммунистической партии давно уже закончился. Не только деревенские «Ваньки-цари» поняли, что палёным запахло, но и руководители правящей партии после всевозможных «отступлений», «передышек», «смычек», «лобовых атак» и «обходных движений» утратили веру в свое дело и живут изо-дня в день. В продолжавшейся несколько лет тяжбе между властью, насильственно загонявшей деревню в коммунистический рай, и деревней, всеми доступными ей средствами отказывавшейся от соблазнов этого рая, перевес оказался не на стороне власти.

— «Вы дайте нам вольготность... дайте только, а там посмотрим, что будет!»

Власть решила «не командовать», «не администрировать», а лишь «воспитывать». Она стремится «ужиться» с деревней, середняком, мелким товаропроизводителем. Она выражает даже готовность «любить крестьянина, каким он есть». Но дать деревне «вольготность?» Разве это не значит, что коммунистическая партия должна отказаться от власти и от всех выгод своего положения?

— «Да, ежели за ними не присмотреть — говорит уполномоченный сельского сельсовета — то никакой агропропаганды не будет... Приказываю немедленно выехать в поле на предмет поднятия пара».

— «Помилуй, да ведь еще снег. Кто же теперь?...»

— «Не разговаривать! То им поздно, то им рано. Не буду за вас в ответе».

Уполномоченный сельсовета — небольшое начальство, но сколько всякого начальства сидит на мужицкой шее, «воспитывает» мужика и опекает его!

— «Теперь дня не пройдет, чтобы тебя не дергали — жалуются лохматый мужик своему соседу — то в волость выборным идешь, часов до пяти слушаешь, то в город каким-то делегатом едешь. А двоих наемднн и вовсе в Москву услали. Одних этих комиссий сколько!.. Намедни в город собираюсь, а меня не пускают: «нынче, говорят, заседание *мопров*, явка обязательна».

— «А это что такое?»

— «Мопры-то? Да это какие-то два стрекулиста из Москвы приезжали»*):

Деревня отталкивается от коммунистической власти. Она уже осознала, что ей надо. Она еще быть может не совсем отчетливо представляет, как достигнуть намеченной цели, но что необходима, как воздух, «вольготность» для деревенской жизни, это она знает прочно.

— «Времен слободных, товарищ, нет — объясняет заезжему человеку Михайло. — А то лицом-то партия к нам повернулась, а времен слободных не дала. А дай нам времен слободных, мы бы тогда мир-то удивили» **).

Но власть коммунистической партии на то и существует, чтобы не допускать «времен слободных». Она во все вмешивается, во все путается и всех путает. Яркую картинку вмешательства представителей власти даже в такие проявления крестьянской жизни, которые отстоят на далеком расстоянии от всякой политики и экономики, дает писатель Акульшин. Он описывает, как собрался народ на театральное представление, устроенное молодежью в одной деревне, как уже четыре раза в заслонку ударили пред открытием занавеси и как ёкнули сердца артистов, когда пронеслась весть: «уполномоченный ВИК'а приехал».

«Входит русский курчавый человек без усов и бороды — рассказывает Акульшин об уполномоченном — ноги колесом, улыбается, в руках дубинку держит, словно жезл какой.

— «Меня дожидались?»

— «Да уж раз пять звонили».

— «Ну, разрешаю еще раз позвонить, и можно начинать.

Зазвенела заслонка. Облапил человек с одного края занавеску из дерюги, хотел к стенке сдвинуть, а уполномоченный кричит:

— «Приостановить сдвигание занавеска!»

— «Почему это?» — взбесилась публика.

— «Стул прошу принести. Если вы в стоячку не протестуете, то я вам не мальчик!»

— «Фу ты, напасть какая! И до чего эти красные начальники избаловались!»

Побежали за стулом для уполномоченного, — в одном доме нет, в другом — сломанный, в третьем — некрашенный. Половину деревни обегали, покуда крашенный бордовой краской нашли и со спинкой. Поставил уполномоченный стул против сцены, сел, жезл в правой руке держит, а все остальные, девки и парни, старики и дети, стоят, на дыпочки тянутся.

— «Можно!» — разрешает начальство».

*) *Пантелеймон Романов*. Новые рассказы. 1926 г.

**) *Панферов*. «От деревенских полей».

Начинается деревенский спектакль. Но приехавшее начальство не удовлетворяется крашеным стулом со спинкой. Уполномоченный вмешивается в игру деревенских актеров, кричит им: «ай не слышишь сухлера?», а когда парнюга-актер, игравший на сцене смешную роль не выдерживает и смеется, он стучит дубинкой и заявляет:

— «Тут народ собрался, а он надрывается как жеребец!»

А когда начинают смеяться и слушатели, уполномоченный требует: «предписываю замолчать», по окончании же спектакля встает со стула и раскланивается.

«Человек он образованный, знает где и что полагается», с усмешкой пишет Акульшин*).

Чеховский унтер-Пришибеев занял в настоящее время аван-сцену русской деревни, но он пришел вооруженный партийным билетом, штанами-галифе и револьвером в кожаной куртке. Он практически разрешает вопрос о «вольготностях» и «временах свободных». Коммунистический Пришибеев «отступает» и «наступает», издает законы о кустарях, о легализации наемного труда в сельском хозяйстве, арендовании земли, праве собственности на строения и т. д. Но... «быку где хвост гнули, сроду не забыть». Деревня упорно ведет свою «политику».

— «С какой стороны я не подходил к мужикам — пишет Панферов в рассказе «Подполье» — они одно долбили:

— «Ничего живем».

— «Живем помаленьку».

— «Как-жа, как-жа, лучшея, лучшея стало жить».

— «Ишо-бы!..»

— «Куды-ы-ы до прежнего, куды-ы-ы!»

— «Петр Андреич — обращаюсь я к Рогачеву — вот ты мужик умный, ну почему бы тебе прямо не сказать, что там у тебя наболело?»

— «Да-а-а, — тихо и протяжно дакнул Рогачев — сказать бы надо, надо бы сказать... и поговорить-то я люблю».

— «Так что-ж?»

Молчит. Молчат и все, по сторонам смотрят. Закашлял Сяничкин, выскочил:

— «Ему уж за язык-то влетело, ой как!»

— «Ну, это ты зря, это ты зря — торопится его удержать Рогачев — отчет давай в словах, отчет. У нас это не бывает — говорит он мне — чтобы за язык там. Говори, сколько хочешь, — рот не затыкают».

Мялись, мялись а потом разом все поднялись и молча побрели к своим хибаркам, — пишет Панферов.

Деревня не рассказывает коммунистам о том, что «на душе

*) «Красная Новь», 1926 г., № 3.

наболело», а просто очищает от них деревенские сельсоветы, волисполкомы и органы местной кооперации, а иногда прибегает и к «своим средствам».

— «Опять и то сказать — говорит крепкий кряжистый дядя Иван своему приехавшему из города племяннику — у советской власти дела ой-ой плоховаты. Чуть что — под топор угодишь».

— «Ну, это враки» — говорит племянник Степа.

— «Ничего не враки. Приезжал в Полежаевскую волость агитатор¹ один... В лесу нашли: голова расколота. Замяли дело, а шепчутся, что мужики той волости ухайдакали²»^{*)}).

Вопрос о «вольготностях» и «временах слободных» не разрешается, конечно, тем, что в одном месте «ухайдакали» какого-то агитатора, в другом — убили «селькора», в третьем — агента коммунистической полиции; но бесспорный факт повышения деревенской активности говорит уже о том, что проблема «вольготности» начинает в крестьянском сознании целиком упираться в проблему ликвидации коммунистической диктатуры и установления режима народовластия.

Потрясение сложившегося быта и привычных навыков мысли создало в условиях деревенской жизни предпосылки для появления людей с новыми настроениями и новым направлением воли. Художественная литература последних лет не успела еще отлить в художественные образы глубокое брожение, переживаемое в настоящее время деревней, но уже довольно ярко наметила характерные черты психологии новой деревни.

Вот пред нами «сознательный гражданин, создатель возрожденного ребенка женского полу», Василий Шапкин из рассказа Акульпина «Октябрины». Он — бывший красноармеец и имеет довольно высокое представление о своей службе. На октябринах своей дочери, названная «Красная Нениль» он выступает с речью:

— «Товарищи — говорит он — я служил в красной армии. Я теперь сознаю, что моя служба не пропала зря. Я наскрозь вижу всю поповскую паутину... и лучше голову отдам на отсечение, а унижаться не буду и в старом быте ходить не хочу».

— «Ведь вон куда закручивает, — запищели нетерпеливые — кабы сказал: в старых портках не хочу ходить, гляди-ка: все в заплатках... а то в каком-то быте».

— «А можа это не понашински?»

Старый быт, веками складывавшийся и освященный традицией представляет из себя для многих большую притягательную силу. Если Василий Шапкин готов «голову отдать на от-

^{*)} Г. Шубин. Комсомольские рассказы.

сечение», то другие, пожалуй, готовы пожертвовать всем ради сохранения привычного уклада.

— «Расстреляйте, с места не двинемся».

— «Учиться? На кой хрен? Ученые тоже с девками валяются, пьянствуют, шарлатанствуют. Чем они, тем и мы без ученья живем... К чорту ученье»*).

— «Ведь ништо без водки можно? — рассуждают мужики в «новых рассказах». П. Романов: «не говоря уже о том, что душа требует, а и дела без нее не сделаешь: заявление какое подать, в суд иттить. Что ты явишься с пустыми руками?»

— «Я вот лошадям молодым пачпорт опоздал выправить, им уже давно совершеннолетие вышло, а они у меня без прописки сидели. Думал: засудят или обдерут, а привез три бутылки»...

— Как же можно? Народ-то православный... Слава тебе, господи, не разучились еще креститься!»

И председатель сельского совета, обязанный вести борьбу с самогонкой, прекрасно понимает, что «душа требует» самогонки:

— «Все работают» — говорит один с восхищением: думали-ли, что доживем до этого? У каждого дома свой завод винокуренный!»

— «Благодать!» — отвечает ему секретарь — «не напрасно выходит, что головы-то ломали!»

А когда приезжает из города начальство — «агитатор по борьбе с самогоном, объявляет неделю борьбы с пьянством и спрашивает мужиков, поняли-ли его разъяснение, то ему хмуро отвечают:

— «Чего ж тут понимать?... Известное дело!»

Но когда уезжает из деревни начальство, председатель сельского совета тотчас же находит выход.

— «По случаю наступающего праздника — объявляет он торжественно своим согражданам — и принимая во внимание местные нужды и обстоятельства... Объявляю заводы открытыми. Но ухо держи востро! Если какого сукина сына замечу в эту неделю, спуску не дам!»

Рядом же с этим председателем — другой председатель из другой деревни уже открывает «небывалое торжество» октябри и тоже говорит торжественную речь:

— Товарищи, в честь Ленина мы называем девочку Красная Нинель и даем торжественную клятву воспитать её в коммунистической обстановке... Тише! Это в мировом масштабе уважение личности и коллектива!..»

А когда с переднего ряда девочка спрашивает: — «Дядень-

*) Г. Шубин. Комсомольские рассказы.

ка, а бабы — говорят — девчонка-то хвостиком?», то он уверенно говорит:

— «Беспредельная провокация! Товарищ делегатка, покажи ребенка!»*)

В интересном рассказе И. Соколова-Микитова «Пыль» яркими мазками набросана картина воскресного деревенского гулянья. «По улице в сумерках стенкой прохаживались ребята. Средний, — в закинутом на затылок приплюснутом картузе и ситцевой косоворотке, — нес гармонь на ремне и бойко перебирал по ладам. На губе его белел потухший окурок. В ногу с гармонистом шагал длинноносый парень в косматой овчинной шапке и, скаля белые зубы напевал под гармонь «Страданье»:

черным черное мое сердце
черней черного чела...

И стенка подхватывала враз:

не видал свою зазнобу
ни сегодня, ни вчера...

Но современная комсомольская молодежь в деревне уже успела также выработать и особую манеру при обращении к своему «предмету».

— Дорогая милая Настя, Настасья Павловна, — пишет секретарь комсомольской ячейки — письмо я ваше получил и категорически убедился в том, что люблю вас, как советскую власть, как свое комсомольское красно-алое знамя. Наша женитьба сыграет мировую роль, как мировая пролетарская революция, которую мы ждем всем трепетом сердец. Никакая буржуазия не остановит нашу любовь и вся их вражда против нашего сближения сломится, как палка в колесе, при первой попытке. Краеугольный камень, на котором основана наша любовь, это наша коммунистическая солидарность к средняцкому крестьянству, дочерью которого вы являетесь. Так говорил могучий Карл Маркс. Так завещил Ильич, Владимир Ленин. И мы с тобой по заветам Ильича непреклонно соединимся в красной, комсомольской свободе... Если нам нужно поговорить о любви лично и как можно скорее без рукопожатий во время неизбежного разговора. С нетерпением жду, когда вы назначите место и время свиданья для закрытого совещания наших идей. Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов! С комсомольским приветом ответственный секретарь Н. Д. Б. **).

Неизвестно, что представляла из себя «дочь средняцкого крестьянства», которая должна была «соединиться непреклонно в красной комсомольской свободе» с секретарем комсомоль-

*) *Акульшин* «О чем шепчет деревня».

**) «Красная Новь», 1926 г., февр., *Акульшин*, «Люди и факты».

ской ячейки. Неизвестно даже, состоялось ли «свиданье для закрытого совещания идей», но какой-то запутанный, часто противоречивый клубок новых понятий, молодежи, толкает молодых женщин на «Бабий бунт» *), гонит их с салазками в лес за дровами для нетопленной школы **), заставляет молодых девушек тянуться к городской учебе†), а молодых деревенских парней к переустройству жизни на каких-то новых не совсем еще ясных началах, будит общую тревогу, недовольство...

— «Москва — город, Казань — город, Самара — город. Рогачево — село. Худоярово — село. В Москве, слышать, недовольны, в Казани, слышать, недовольны. В Рогачеве котел кипит... Кипит в Рогачеве селе. Косы с топорами точатся, мужики рубить коммуну Андронову собираются:

— Смерть!

А девки с бабами флаг красный для коммуны шьют. Ничего не поймешь. Аннушка Прохорова — главная закройщица. На столе машинку швейную поставила, атлас — материю растелила скатертью. Девочек накликкала, бабам на ухо шепнула. Машинки стучат, ножницы щелкают, девки шелком голубым вышивают по красному:

— Пролетарии всех стран††)

Различные этапы нового быта отражены в художественной литературе довольно еще бледными чертами. Во всех областях деревенской жизни совершаются и разрушительные и творческие процессы.

В современной художественной литературе творческие процессы не нашли еще своего отображения. Происходит ли это потому, что совершающееся *вопреки* коммунистической партии творчество новых форм жизни не находит отзвука в идеологии новых писателей или потому, что искусство вообще не терпит лжи, об этом судить не беремся. Наша задача была гораздо скромнее.

В. Архангельский.

*) Акульшин. «О чем шепчет деревня».

***) Дорогов. «Деревенские были».

†) П. Низовой. «Митякино», рассказ.

††) Неверов. «Андрон Непутевый».

Из области книжного дела.

С. ИЗДАНИЯ «РАБОТНИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ» ПО ОБЩЕЙ ПЕДАГОГИКЕ И ПСИХОЛОГИИ.

16. Пинкевич, А. Профессор 2-го Моск. Ун-та. Педагогика. Т. I. *Общая часть. Дошкольный возраст. Изд. 3-е исправ. и доп. М. 1926. 316 стр. 2 руб. Т. II. — Трудовая школа. Изд. 2-е. М. 1925. 233 стр. 1 руб. 15 коп. (Р. Ф. Сив. Ан. Э. III).*

Основная точка зрения автора видна из следующего. Педагогика определяет, как «науку о сущности, законах, организации и методах психического *воздействия, т. е.* воспитания и образования». Воспитанием он называет «планомерное длительное воздействие одного человека (или одних людей) на другого (или на других) с целью развития природных, биологических или социально-полезных свойств последнего (последних)». Образование — тоже воздействие, тоже планомерное и длительное, но «с целью создать законченное и определенное мировоззрение образовываемого (образовываемых) и вооружения последнего теми знаниями и умениями, которые будут для него необходимы в избираемой им профессии». Говоря о воздействии, автор имеет в виду не только непосредственное воздействие воспитателей но, главным образом воздействие *среды, организуемой* воспитателем, причем под «воспитателем» автор понимает не только отдельных лиц, но и *учреждения*, различные организации, государство, поскольку все они участвуют в деле педагогического воздействия. Автор постоянно подчеркивает преобладающее значение коллектива, общества, среды, в этом процессе. Человек рассматривается в значительной мере как продукт среды, которая формует его и внешний и внутренний облик: «бытие определяет сознание». Автор исходит «из принципов социальности, стремясь учесть все социальные факторы», а целью педагогики ставит изменение этой среды, а не только «приспособление к ней» (21 стр.).

В I томе идет речь о воспитании телесном и психологическом, начиная с младенческого возраста. Во II — о воспитании социальном в социалистической трудовой школе, о ее организации, о методах и формах обучения, о программах, о детском коллективе. Попутно указывается библиография.

17. Пинкевич, А. Введение в педагогику. Изд. 2-е М. 1925. 132 стр. 80 коп. (К. Пр. и Т. Ф. Р. Счит. II).

Книга эта представляет собой значительно сокращенное и отчасти упрощенное изложение идей и фактов предыдущего труда того же автора и написана по тому же плану. В ней он обращается к более широкой и менее подготовленной аудитории. Социальный элемент, марксистско-социалистическая точка зрения автора выражены здесь резче, чем в предыдущей. Изложение более популярно. Мы всецело стоим на почве социальной революции и пролетариата. Нам нужен человек-борец за интересы пролетариата, человек-строитель современного (переходного к социалистическому) строя. В отличие от предыдущей книги автор уделяет больше внимания советской организации народного образования, и не только трудовой, но и высшей школе, и посвящает особые главы «политико-просветительной работе среди взрослых (VIII) и «работе с детьми, отклоняющимися от нормы» (гл. IX). В основе того и другого труда автора лежит учение о естественных и условных рефлексах, так блестяще разрабатываемое академиком И. Павловым и представляющего ныне, так сказать, официально принятую биологическую базу всей советской педагогики. В своих трудах автор рассматривает, «каким образом следует правильно использовать различного рода рефлексы в педагогическом отношении». В тесной связи с этим автор настаивает на огромном значении воспитания инстинктов, каковы, например, инстинкт самосохранения, наступательный, питания, оборонительный, ориентировочный, приспособления, половой, и, в особенности, общественный. Автор логически проводит свою точку зрения через всю область педагогики как дошкольной, так и школьной, а также и через всю организацию народного просвещения.

18. Блонский, П. Педология. Изд. 2-е. М. 318 стр. 2 руб. ([Ф.] Р. К. Инд. Э. Т. Пр. VI).

Под словом «педология» автор понимает «науку о росте, конституции и поведении типичного массового ребенка в различные эпохи и фазы детства». Педология должна по мнению автора, изучать «симптомокомплексы различных эпох, фаз и стадий детского возраста в их временной последовательности и в их зависимости от различных условий». (9 стр.). «В классовом обществе говорит автор, «массовой ребенок обнаруживает несколько типов». Выходящая в СССР педология должна иметь в виду на первом плане ребенка *рабочего класса*. К этому и стремится автор, но «бедность материала, находящегося в его распоряжении, часто парализовала это стремление». Тем не менее книга очень богата фактическими данными, которые разработаны по следующей схеме: после вводной главы («Что такое педология», где речь идет о ее предмете, о понятии «среднего ребенка», о стандартизации и диагностике детского развития, автор изучает ребенка по следующим фазам его детства: 1. Детство утробное, 2. Детство беззубое. 3. Детство молочных зубов. 4. Детство зубов постоянных, пред-пуберальное и, в заключение переходит к вопросу об изменчивости детской массы. Опираясь на Дарвина, автор приходит к тому выводу, что «условия жизни

влиять на ребенка через его организм, и что именно реакцией на эти условия и определяется степень и сущность влияния их. Таким образом одинаково неправильно как вовсе отрицать влияние среды на ребенка, так и утверждать, что «ребенок — пассивный продукт среды» (274 стр.). Только при изменении условий жизни изменяется организм. Основными факторами изменчивости ребенка являются улучшение питания и жилищных условий и облегчение работы. Способность изменяться, в частности, воспитываться, до известной степени наследственна». Наследственно не-стойкое наиболее свойственно изменяться. «Наиболее не-стойкими свойствами являются наиболее поздно приобретенные данным видом. По отношению к человечеству таковы — так называемые культурные приобретения». В приложении к книге даны: антропометрические данные о росте русских мальчиков и девочек и скала измерений умственного развития Бина-Симона в том виде, как усовершенствовал ее Берт (от 3-х летнего до 15-летнего возраста) и лист-опросник для обследования ребенка. Обращает на себя внимание очень популярный язык книги.

19. *Блонский, П. Педагогика в массовой школе 1 степени. М. 1925. 100 стр. 50 коп. ([Ф.] Р. Инд. К. Э. Пр. и Т. II).*

Книжка разделяется на четыре главы причем каждая содержит педологический научно-объективный ответ на следующие вопросы: 1. Почему дети плохо пишут и читают. 2. Почему ребенку трудна арифметика. 3. Как думает ребенок. 4. Как ведет себя ребенок. Отвечая на все эти вопросы, которые перед каждым педагогом ставит его обыденная профессиональная практика автор знакомит его с задачами и методами педологии и ее не только теоретическим, но и практическим значением. Пока что, говорит автор «мы мало знаем детей. От этого так мало производительна наша педологическая работа. Особенно трудно разобраться в отдельном ребенке, но при массовом изучении детей, типичные черты их особенно ярко выступают, и факторы их развития более ясны. Необходимость индивидуального анализа обычно выступает только тогда, когда данный ребенок в чем либо заметно отклоняется от массового уровня». «Так как ребенок иной в разных коллективах, то социальное поведение характеризуется именно в условиях разных коллективов», в классе, среди детей, в детской организации, в семье и т. д. Самое важное — в каком именно коллективе какой ребенок. На стр. 79—81 дана очень краткая схема педологического исследования ребенка. Книжка представляет собой очень популярное введение в прикладную педологию.

20. *Блонский, П. Основы педагогики. М. 1925 г. 209 стр. 1 руб. 25 коп. ([Ф.] Р. К. Э. Т. и Пр. III).*

Книга разделена на четыре части: 1. Что такое воспитание. 2. Воспитание здоровой детской массы. 3. Воспитание мощной детской массы. 4. Воспитание умной детской массы. Других необходимых свойств детских масс автор не касается, разве что мимоходом. Выясняя самую суть воспитания, автор прежде всего делает краткий обзор его истории, в том виде как она

протекала при классовом строе общества и как соответствовали типы воспитания, типу хозяйства и политическим формам общества. В христианстве, как и в гражданском воспитании старого строя автор видит контр-революционные системы его.

Воспитанию в классовом обществе автор противопоставляет идеал воспитания в том общественном строе, «где власть в руках рабочего класса и где развитие подрастающего человека, организованное в интересах этого класса с целью выработки всесторонне развитых людей, могущих положить конец всякому классовому господству и эксплуатации». По мнению автора, «такое всестороннее развитие достигается путем соединения производительности труда с физическим развитием, умственным образованием и политехническим воспитанием и имеет своими предпосылками, с одной стороны, крупное машинное производство, которое технически уничтожает старую систему разделения труда, и, с другой стороны рабочую революцию, которая уничтожает экономическую и политическую мощь эксплуататоров». Такова основная точка зрения автора. Далее он дает общее понятие о системе народного образования в СССР (на двух страницах). Марксистскую педагогику автор противопоставляет педагогике «идеалистической», «субъективной», которая «ведет к метафизике, и так называемой «философской педагогике», которая есть не иное что, как абсолютизация и идеализация личных желаний «такого педагога идеалиста» (25 стр.). Вся не-марксистская педагогика приурочивается автором к такой «идеалистической и эксплуататорской». О педагогическом процессе автор высказывает следующие между прочим мысли: «буржуазная педагогика обычно рассматривает педагогический процесс как изолированный от общей экономической и политической обстановки, а в этой обстановке видит величину постоянную, а не переменную». Поэтому она дает «не полный, а односторонний анализ педагогической проблемы» и «менее всего считается с проблемой всестороннего развития масс, главное свое внимание сосредоточивая на отдельном ребенке». Таковы основные идеи автора, которые и положены им в основу классификации обширного фактического материала, им собранного в книге.

21. Блонский, П. Педагогика. Изд. 8-е. М. 1924. 143 стр. 80 коп. ([P.] Фи. Т. Пр. Аб. Дед. Э. 11).

Эта небольшая книжка предназначается для более широких и менее подготовленных кругов читателей и представляет собой введение в изучение самых основных проблем педагогики освещенных с той же точки зрения, как и предыдущий труд того же автора. В этой книге он ставит себе задачей «помочь педагогу ориентироваться в современных педагогических взглядах» и прежде всего усвоить принципы (стр. 143), но вместе с тем автор стремится сообщить читателю цельное и последовательное (марксистское) научно-педагогическое мировоззрение. Педагогика как наука рассматривается в связи с биологией, с одной стороны, и социологией, с другой. Во второй главе автор знакомит с вопросом об искусственном подборе родите-

лей в целях воспроизведения физически наиболее совершенного потомства, в связи с вопросом о законах наследственности. В третьей главе автор формулирует три, по его мнению, основных закона развития, рождения и воспитания ребенка. В следующих главах идет речь о воспитании моторном, затем о воспитании инстинктов и эмоций, о воспитании трудовом, умственном и физическом. В конце некоторых глав автор делает их краткое резюме. Из этого видно, что «Педагогика», составлена по несколько иному плану, чем предыдущая книга того же автора. Кроме того, автор в ней делает попытку систематически изложить свои собственные оригинальные взгляды на педагогику, к числу которых относятся и вышеупомянутые им формулированные основные законы педагогики. Первый закон: «Педагогическое воздействие требуется преимущественно для укрепления или ослабления в индивидууме наиболее поздних приспособлений его вида, в то время как более ранние и общие приспособления обычно усваиваются индивидуумом без содействия, в силу простой наследственности». Второй закон: «По мере развития вида, детство его индивидуумов, а следовательно, и воспитание их удлиняется; при этом содержание более поздних моментов воспитания в прежние эпохи с течением времени становится содержанием более ранних моментов воспитания в последующие эпохи (при условии, если это содержание не отвергается последующей эпохой, но служит ей исходной точкой) и, более того, отодвигаясь все дальше и дальше к началу жизни ребенка, приобретает последние без педагогического воздействия (например, во время игры)». Третий закон: «Те, правда, сильные различия в развитии детей, которые однако, обыкновенно сглаживаются к зрелому возрасту, принадлежат к наименее находящимся под педагогическим воздействием; с другой стороны именно те различия в развитии детей, которые наиболее находятся под педагогическим воздействием, суть как раз те различия, которыми взрослые больше всего отличаются друг от друга» (гл. III, стр. 26—27).

22. Кравков, С. В. *Очерк психологии. С рис. М. 1925. 182 стр. 1 руб. (1Ф.) Р. К. Инд. II).*

В своем предисловии издатель отмечает, что книга эта «относительно не может заменить собой выдержанного марксистского руководства по психологии». Тем не менее она обращает на себя внимание среди всех учебников и руководств по психологии, появившихся за последние 10—15 лет. Автор резюмирует в этой небольшой книжке успехи психологической науки последнего времени и приводит их в систему логичную, стройную и научную. Цель автора — «ознакомить читателя с основными, наиболее твердо установленными фактами и закономерностями психической жизни, считаться с которыми особенно необходимо каждому педагогу. Автор, говорит только об общей психологии, не касаясь разветвлений этой науки (напр. психологии индивидуальной, социальной и т. д.). Не касается он и психологической методологии, ныне играющей столь важную роль. Прежде всего автор констатирует целостность психо-физического существа. В на-

стоящее время, говорит он, мы уже не вправе интересоваться лишь мозгом, как носителем психических свойств и способностей. Наша психика как сама по себе, так и в ходе своего развития отражает состояние всего нашего телесного организма, со всею сложностью совершающихся в нем процессов не только нервной, но и железистой системы». Между анатомо-физиологическими свойствами нашего организма и психологическими особенностями нашей личности существует глубокая и многосложная зависимость, вплоть до наиболее сложных и интимных черт нашего характера. В основе книги лежит идея о реактивном характере психической жизни, а учение о естественных и условных рефлексах выдвинуто автором на первый план. Всякий человеческий поступок рассматривается как ответ (реакция) на то или иное, близкое или далекое впечатление (раздражение), а всякое впечатление связано с ответным действием. Отдельные психические процессы реально всегда бывают нам даны в целостном переживании носящем реактивный характер, простейшим видом которого и является рефлекс. Самонаблюдению автор отводит последнее место, даже исключает его как один из научных методов психологии. Автор рассматривает все главные категории психических явлений и их эволюцию в пространстве и времени с точки зрения рефлексологии.

23. Дьюи Джон. *Школа и Общество*. Перев. с англ. Б. А. Лучинского. М. 1925. 126 стр. 60 коп. (Р. Аб. Синт. III).

Автор этой небольшой книжки — профессор психологии Чикагского университета. В Северной Америке книжка эта выдержала 11 изданий. Основные идеи автора: требования к современной школе должны быть приурочены к потребностям дня. Школа должна быть организована таким образом чтобы она могла, по мере усовершенствования жизни человеческого общества, подвигаться к неизбежному и полному слиянию с живой настоящей жизнью, которая в будущем станет живым источником настоящего правильного развития личности. «Мы говорит автор, склонны смотреть на школу с индивидуалистической точки зрения, как на нечто касающееся только учителя и ученика, или учителя и родителей». Автор убежден, в ошибочности такого взгляда и старается выяснить отношение существующее между школой и жизнью общества, подчеркивает социальный элемент школьного преподавания, обучения и воспитания, настаивает на безусловной необходимости внедрять его в ребенка и развивать его в материалы школьной работы, чтобы она могла лучше удовлетворять современным социальным нуждам. Введение активных занятий, естествознания, начал науки, искусств, истории; отнесение отвлеченного и формального знания на второй план; перемена моральной атмосферы в отношениях между учениками и учителями; перемена дисциплины, введение большей активности, наглядности и самостоятельности и т. д. — таковы педагогические нужды дня. Все эти явления — необходимое следствие ныне совершающейся глубокой социальной эволюции. Остается лишь объединить их и «превратить школу в зародыш общественной жизни, создавая в ней

активную работу, которая отражала бы жизнь более широко». Школа должна воспитать и выработать члена общества из каждого ребенка, признать его духом служения обществу, снабдить его средствами творческой самостоятельности. Во второй главе, с той же социальной точки зрения, автор рассматривает отношение между школой и жизнью ребенка и доказывает, что «развивая социальную сторону, всегда можно опереться на зачаточные инстинкты человеческой природы (инстинкт социальный, строительный и т. д.). В третьей главе автор показывает сколь непроизводительна трата сил при нынешней организации образования, формулируя его задачи в виде такого вопроса: как «доставить ребенку достаточное количество возможностей проявить свою активность в занятиях, в творчестве, и не теряя своей индивидуальности». В пятой главе автор подчеркивает известные принципы Фребеля, формулируя их так: «первая обязанность школы состоит в приучении детей к сотрудничеству и взаимопомощи в развитии у них сознания взаимной зависимости». В шестой и седьмой главе идет речь о тех навыках, которые помогают вносить такой дух в общественную деятельность человека. Наконец, в последней главе, автор стремясь еще дальше и еще шире развернуть понятие общественной деятельности и социального элемента воспитания и образования, говорит о роли изучения истории в начальном обучении и видит в истории углубление «оценок социальной жизни», выяснение характера социальных отношений в их естественной зависимости. В общем, Дьюи рассматривает ребенка как члена общества еще с того возраста, когда тот на школьной скамье и не столько ради его самого, сколько ради социального коллектива.

Н. Рубакин.

О „Благонамеренном“.

Думаю, что не я одна прочла с чувством глубокого удовлетворения только что вышедшую в свет вторую книжку «Благонамеренного». Большинство недостатков, отмеченных по поводу первой книги, отпали и журнал начал показывать свое собственное, определенное и вдумчивое лицо.

В отделе стихов на первом месте стоит незаданный отрывок из Руссема и Зораба Жуковского. Эта вещь становится тем интереснее, что в архиве напечатаны письма Жуковского и к Жуковскому, освещающие личность и среду поэта. Работникам и специалистам они вряд ли дадут что либо чрезвычайно новое, но просто культурному читателю они будут интересны и приятны. Далее идет прекрасное стихотворение В. Ходасевича. Этот поэт никогда не обманывает наших ожиданий. Не изменяя своей манере он постоянно дает новые и новые образы и переживания. Что касается стихов М. Цветаевой, то, говоря не по существу, а лишь по тому внешнему впечатлению, которое производит чтение, ее можно упрекнуть за сделанную заметку: стоит ли так откликаться на нечуткость «Звена».

Что особенно радует во втором номере «Благонамеренного», так это отдел художественной прозы, который был самым слабым в предыдущей книге. На первом месте, конечно, стоит поразительная вещь Ремизова — Страды Богородицы: в ней Ремизов вернулся к своей старой манере, хотя бы тех же апокрифов и театральных произведений. Мягкий стилизованный рассказ переливается, как жемчужная река. Великолепный слог не затмевает глубокого содержания. «Страды Богородицы» могут служить примером абсолютного органического слияния духа и плоти. Далее имеют одинаковые права на наше одобрение повесть Д. Соболева «Москва» и рассказ С. Эфрона «Тыл». Первая вещь более эпична, ибо сам сюжет — довоенный — не так животрепещущ и позволяет более спокойную работу. Сами приемы не особенно новы, сейчас можно насчитать целый ряд подобных стилизованных хороших и плохих повестей из отжившего быта. Повесть Соболева принадлежит как раз к хорошим; ее немного блеклые тона, наивные формы припоминают старые эстампы. Что прошло то будет мило, хотя это прошлое годами и не далеко, но по характеру событий находится в ином совершенно невозвратном мире. У Д. Соболева видно бережное и любовное отношение к работе. Совершенно иного порядка рассказ С. Эфрона «Тыл»: здесь до всего больно дотронуться, несмотря на видимое спокойствие. Во-

енные рассказы вообще обычно тенденциозны, а в тех что из области гражданской войны это выступает особенно резко. Эфрон дал лишь одну картинку, один маленький эпизод, длившийся всего лишь вечер и при том раскрыл больше, чем тома ура-патриотических романов. Сжатый до нельзя фабуле соответствует и сгущенный точный слог.

Отдел статей носит на этот раз как бы полубеллетристический характер. Святополк-Мирский дал диалог о культурном и литературном консерватизме. Как и в минувшей статье, здесь есть ряд ценных мыслей и истин, которые не устаешь слушать и которые необходимо повторять. Было бы интересно если бы автор изложил в более научном виде эти свои взгляды, хотя бы о новом и трудном в литературе, и о поэте и писателе, как создателе неизвестных ценностей. Статья М. Цветаевой «Поэт о критике» замечательная вещь, но это не статья, а исповедь о переживаниях поэта. Сейчас в зарубежной русской литературе (да, кажется и в России, ее не особенно много и качество не высоко, иначе бы так истощно не писали в январьском номере «Красной Нови» слова, похожие на обвинения М. Цветаевой) нет настоящей серьезной критики. Вообще, почти вся зарубежная литература страдает провинциализмом, а критика, как явление более точное, вследствие недостатка знаний впала в дилетантизм. Иными словами, сейчас нет критики, но есть частное мнение, и нет критиков, а есть публика, читатель же или публика очень легко переходят в то, что называется чернь. Так возникает в новой форме известный спор между поэтом и чернью. Замечания М. Цветаевой хлестки и остры, 99 раз они попадают в самую цель, но бывают и перестрелы, вызванные лирическим характером ее статьи; беря на угад, можно указать хотя бы на те стрелы, которые она пускает по формальному методу. Нельзя, ведь, не признать, что формальный метод является одним из основных средств, выводящих критику как раз из тупика частного мнения и лирических восклицаний на широкий научный путь. Данный как бы в виде приложения к предыдущей статье «Цветник» является яркой иллюстрацией. Это собрание цитат из критик Г. Адамовича, помещенных в «Звене» за 1925 г. Цитаты подобраны едко, умело и уничтожающе для Адамовича.

Н. Мельникова-Папоушек.

Отзывы о книгах.

В. СИРИН. МАШЕНЬКА. (Изд. «Слово», 1926 г.).

Новая книга В. Сирина «Машенька» носит подзаголовок — роман. Сейчас как то потеряли понятие о внутреннем различии романа и повести и классифицируют произведения в зависимости от размера: все, что выше пяти печатных листов, заносится в разряд романа. В действительности, в наше время романов, в классическом смысле, почти не пишется. Причиной этому являются, как психологические, так и бытовые условия. Не имея сил преодолеть эти препятствия, писатели должны бы были мириться с более скромными формами или постараться найти новые, более подходящие для текущего содержания; однако, славное название постоянно манит, и писатели надеются достичь чисто внешними средствами впечатления, даваемого всем комплексом. Отсюда происходит несоответственное смещение обозначенной формы и применяемого приема. Полагаем, что первым средством для исцеления от подобного нездорового явления было бы изучение хотя бы чисто школьных определений литературных жанров, а далее размышление, поскольку новое вино (если оно, конечно, ново) может быть влито в старые меха.

Этим недостатком страдает в полной мере и «Машенька» В. Сирина, вещь, не скверно задуманная, но слабо исполненная. Оправданием для еще молодого автора может послужить то, что избранная им манера весьма трудна. Постоянное сплетение двух жизненных периодов требует и двухплавного развития психологии; кроме того, для повествования, идущего мимо всяких внешних событий и останавливающегося лишь на внутренней жизни, необходима крайняя обточенность, филигранность, ибо каждое лишнее слово может оказаться ложным шагом. Для подобной работы нужно быть мастером дарования Пруста. Мы далеки, однако, от того, чтобы советовать автору отказаться от этого жанра, наоборот, сейчас, когда сюжет, как в русской, так и в европейской литературе, понимается чисто формально, то есть, как нагромождение событий и фактов, приятно видеть отклонение в сторону его углубления. У Сирина, как еще не опытного писателя, многое не удается, несмотря на добрую волю. Его психологические разборы впадают в длину и в скуку, то есть в самое опасное для литературы. Роман, повесть не должны быть что называется легким чтением для

отдыха и забавы, но они не смеют быть и сизифовыми камнями, которые читатель безуспешно старается втащить и под которыми погибает. Писатель должен найти такой подход, такую форму, которая даже при почти полном отсутствии фабулы захватила бы читателя, не позволила бы ему заметить всю сложность процесса мышления. Примером может послужить «*Albertine disparague*» того же М. Пруста или некоторые романы А. Белого.

К положительным сторонам «Машеньки» можно отнести наблюдательность и чисто миниатюрное описание некоторых фигур и коротеньких сценок. В своей бытовой стороне Сириг дает ценные документы об эмигрантской жизни, которая еще не нашла своего художника.

Что касается того, что «Машенька» будто бы является символом России, как заметил один критик, то мы просто недоумеваем. Правда, один довольно отдаленный философ заметил, что если бы у треугольников было понятие о Боге, то они бы его представляли тоже в виде треугольников. Очевидно, «Машенька» и есть тот треугольный Бог, который соответствует понятию критика. Ну что же, каждый мерит на свой аршин, — у нас мерка иная.

Н. М. П—к.

З. Ю. Арбатова. *Путь Скорби*. (Изд. Арзамас, 1926 г.).

Литературные произведения, пишущиеся с заранее обдуманной внехудожественной целью перестают быть изящной литературой и становятся политическими или общественными сатирами, памфлетами, пародиями и т. д. Но есть так сказать злостные произведения этого рода (вроде романов ген. Краснова, чтобы не ходить далеко за примерами), а есть и мирные, даже подкупающие своим добрым чувством и искренностью. Сказав себе раз навсегда, что далеко не все, что пишется в так называемой беллетристической форме, является настоящей литературой, мы можем спокойно читать и разбираться в подобных вещах.

Однако, все это необходимо твердо помнить, приступая к чтению «Путей скорби» З. Ю. Арбатова. Хотя книга и носит название романа, но не только романа, но и вообще какой бы то ни было литературной формы в ней весьма мало. Всего скорее это документ жизни целого народа, представленной в сгущенной форме. На жизни одного еврейского мальчишка, а потом юноши и взрослого человека Арбатов хотел показать все мучения и скорби еврейского народа в России. Удалось ли ему это? Думаю, что нет. Все рассказанное нам, русским, было давно известно, а идеализация лишь портит впечатление. Показать ад не трудно, — он так похож на жизнь, изобразить же рай и ангелов не в нашей человеческой силе. Даже такие великие художники, как Данте и Гоголь не выдержали подобного испытания. Поэтому, когда Арбатов награждает своих евреев всеми воображаемыми качествами до верноподданничества государю, поневоле как то начинаешь сомневаться.

Если к «Пути скорби» подойти все же с чисто литературной меркой, то необходимо будет отметить, что лучше всего написана незатейливая первая часть — детство. Напрасно растянута военная часть с доблестями и

уже упомянутыми верноподданническими чувствами, а революционная работа изображена как то уж очень по наслышке. Большинство действующих лиц похоже скорее на китайские тени, чем на живых людей, а потому не волнуют и коллизии. Больше всего трогает и волнует вне художественного плана сам автор с его стремлением показать и как бы оправдать свой народ.

Н. М. П—к.

С. Л. Толстой. Федор Толстой — Американец. Госуд. Академия Худож. Наук. Москва, 1926, 112 стр. мал. 8°. С приложением портрета Ф. Толстого. 1 р., 2,000 экз.

Академия Художественных Наук в Москве начинает довольно удачно развивать свою издательскую деятельность. Более чем скромные по внешности, не имеющие еще определенного мундира, чуждые генеральской солидности, издания Академии, за некоторыми, правда, исключениями, содержательны и интересны. Укажем из последних выпущенных ею книг следующие: Письма Пушкина и к Пушкину, невошедшие в 3-томную переписку, изданную Академией Наук (письма эти были опубликованы в разных изданиях после выхода III тома переписки и их собрал теперь М. Цявловский); статьи о Пушкине М. О. Гершензона, дополняющие его «Мудрость Пушкина» со статьей об авторе Л. Гроссмана; Поэтика Достоевского Л. Гроссмана; весьма содержательную монографию Ник. Волкова «А. Блок и театр», из нее почерпнут многое и изучающие биографию поэта, и историки театра; стихотворения Ронсара в прелестных переводах С. В. Шервинского.

Останавливает внимание работа С. Л. Толстого о Федоре Ивановиче Толстом, хотя она и компилятивна, написана в излишне занимательной бойкой манере. Впрочем, трудно иначе писать о диком помещике, «преступном и привлекательном», как выражался о нем Лев Ник. Толстой, его двоюродный племянник. Жизнь Американца была силовитой авантюрой, не даром так часто упоминают его современники, начиная с Герцена, а Грибоедову, Пушкину, Тургеневу служил он не раз прототипом героев их произведений:

А голова, какой в России нету,
 Не надо называть, узнаешь по портрету:
 Ночной разбойник, дуэлист,
 В Камчатку сослан был, вернулся Алеутом
 И крепко на руку не чист,
 Да умный человек не может быть не плутом.
 Когда же он о честности великой говорит
 Каким то демоном внушаем,
 Глаза в крови, лицо горит,
 Сам плачет, и мы все рыдаем...

По матери Американец происходил из рода Майковых, давших Нила Сорского. Но сильнее сказывалась в нем жила Толстых.

«Однажды, сообщает С. Л. Толстой, я слышал, как В. О. Ключевский сказал: почти все дворянские роды, возвысившиеся при Петре и Ека-

терине, выродились. Из них род Толстых исключение. Этот род проявляет особую живучесть». Американец Толстой, продолжает автор книги, подтверждает слова Ключевского. Он был прекрасный представитель рода homo sapiens с здоровой наследственностью и со свойственными некоторым представителям рода Толстых страстностью, эгоцентричностью и дикостью. Л. Н. Толстой в одном письме (1865 г. октябрь) к своей родственнице Александре Андреевне Толстой, с семьей которой был близок Американец, пишет даже про сдержанную и тактичную воспитанницу великих княжен:

«В нас есть общая нам *толстовская дикость*. Недаром Ф. И. татуировался».

Увы, Ф. И. не только татуировался: но был шулером и мошенником, убил 11 человек на дуэли, истязал крепостных, самодурствовал... И был все же добрым, умным, обаятельным... Злое он делал из озорства. Много озорников в русском народе. Давала их, однако, и русская аристократия. Одним из одареннейших озорников-бар был Американец.

И не только потому что, изучая его, мы находим ключ к некоторым загадкам великого писателя и яснополянского мудреца, следует внять жизнь Американца. Его жизнь чрезвычайно поучительна и назидательна сама по себе.

Д. Лутогин.

**Открыта подписка на 1926-27 год.
4-ый год издания.**

РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМ

*педагогический журнал, выходящий в Праге
под редакцией проф. С. И. Гессена,
пр. доц. С. И. Карцевского и В. А. Ригана.*

Журнал ставит своей целью — освещать жизнь русской школы в эмиграции, в России и в лимитрофных государствах, следить за новейшими течениями педагогики Зап. Европы и Америки; особое внимание уделяется школе славянских народов. В журнале имеются следующие постоянные отделы: 1) общая педагогика, 2) народное просвещение в СССР, 3) русская зарубежная школа, 4) народное просвещение в Зап. Европе и Америке, 5) вопросы методики, 6) библиография, 7) обзор педагогических журналов (русских и иностранных), 8) книги для чтения детей и юношества, 9) методики и учебники, 10) хроника (советская, зарубежная, иностранная).

До сего времени вышло 18 книжек, образующих три тома свыше 700 стр. каждый.

Цена отдельной книжки без пересылки 15 ч. к., двойной 30 ч. к., всего тома — 90 ч. к.

В 1926—27 г. журнал будет выходить по прежнему 6 раз в год книжками по 120 стр. Адрес конторы и редакции: Praha II, Ječná 32, «Plamja».

Tchécoslovaquie.

5-й годъ
изданія

СТАРЪЙШІЙ

5-й годъ
изданія

въ эмиграціи иллюстрированный
литературно-публицистическій и информационный двухмѣсячный журналъ

„ГОДЫ“

издав. ОРЭСО подъ редакціей

А. А. Валентинова - Ланге, М. С. Ильишевича, Г. Е. Флоріанскаго, И. А. Черкесова.

Всѣ отдѣлы журнала будутъ всесторонне освѣщать литературную, политическую, рабочую и академическую жизнь во всѣхъ странахъ сосредоточенія русской эмиграціи въ Россіи.

Литературные конкурсы. Анкеты. Преміи. Отчеты о литературныхъ судахъ. Переписка между читателями по вопросу объ условіяхъ жизни и труда въ различныхъ странахъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Н. А. Антиповъ, Аргусъ, К. Бальмонтъ, К. П. Бельговскій, В. Ф. Благовъ, Ив. Бѣленихинъ, Н. Б. Бѣлогорскій, Н. В. Быстровъ, А. А. Валентиновъ, С. И. Варшавскій, В. И. Власевъ, С. А. Водовъ, А. А. Воеводинъ, Г. Гребенщиновъ, А. Н. Ежовъ, проф. С. В. Завадскій, прив.-доц. К. І. Зайцевъ, Я. Н. Зеленнигъ, А. С. Иговевъ, Вас. Ильинскій, М. С. Ильишевичъ, В. А. Кадашевъ-Амфитеатровъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, Петръ Кожевниковъ, С. Н. Кондаковъ, С. А. Кречетовъ А. И. Купринъ, Бор. Лазаревскій, Вл. А. Лазаревскій, проф. И. И. Лаппо, Вяч. Лебедевъ, Ив. Лунашъ, Анаг. Луневъ, Д. И. Мейснеръ, Б. Н. Неандеръ, Евг. Недзельскій, Галина Куанецова, С. Рафальскій, А. Ремизовъ, Г. Рубановъ, С. Я. Савиновъ, Ив. Савинъ, И. Я. Савичъ, И. Г. Сагаченко, проф. П. А. Сорокинъ, Глѣбъ Струве, проф. П. В. Струве, И. Д. Сургучевъ, Игорь Свѣрдянинъ, Вал. Тарханова, В. Е. Татаряновъ, И. Тидеманъ, А. А. Туринцевъ, Г. Е. Флоріанскій, прив.-доц. Г. В. Флоровскій, кн. Д. А. Шаховской, С. В. Шпановъ, И. А. Черкесовъ, Е. Н. Чириковъ, кн. Н. А. Чхейдзе, Марина Цвѣтаева, К. К. Цеговевъ, прив.-доц. М. А. Циммерманъ, А. А. Яблоновскій, Марія Харитонова, А. А. Хатьковъ, А. Б. Эфронъ и др.

Цѣна: отд. пом. 5 Кр. ч. 6 ном. (на годъ) 24 Кр. ч., за границей отд. пом. 15 ам. цент.

Гл. контора и редакція: PPAHA II, Pоmб 24.

Генеральное представительство и складъ изданія:

„ПЛАМЯ“ — „PLAMJA“, Praha II, Ječná 32

«Rodina», Berlin W 50, Regensburgerstr. 13.

СВОИМИ ПУТЯМИ

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал,

под редакціей: Н. А. Антипова, Д. И. Мейснера, Е. Л. Недзельского, Б. К. Семенова и С. Я. Эфрона.

Вышел и поступил в продажу № 12-й.

С о д е р ж а н и е: Стихи: *Вадим Андреев, Н. Болесцис, А. Гингер, Довид Клуц, Хр. Крогкова, Ант. Ладинскій, Сем. Луцкий, С. Рафальскій, В. Семенов, Р. Спинадель, Юрий Терапиано, А. Туринцев, А. Фотинскій.* Рассказы: *А. Воеводи* — Корпусное заведение, *Г. Газданов* — Гостиница грядущего, *Сем. Долинскій* — Преддл, *В. Соссинскій* — Устирсын, *И. Тидеман* — Концы, *Кн. К. Чхейдзе* — Повесть о Дине, *С. Эфрон* — Видовая. Статьи: *А. Ремизов* — Лев Шестов, *Р. Пикельный* — Молодые русские художники в Париже, *Владислав Иванов* — Искусство книги, *проф. Н. Л. Окунев* — Болгарская художественная выставка в Праге, *Юрий Терапиано* — Парижские молодые поэты, *А. Л. Бем* — Скит поэтов в Праге, *Е. Недзельскій* — Об идеологии, идеологах и Идеале, *Д. И. Мейснер* — О Зарубежном съезде, *Вл. Татарянов* — Поражение, *Ф. Скворцов* — О русском национализме, и др. Хроника: *А. Л. Бем, Н. А. Еленев, Л. А. Крезе, Д. Мейснер, П. П. Милославскій, Е. Л. Недзельскій, С. Я. Эфрон.* Библиография: *Н. А. Антипов, А. Л. Бем, Н. Болесцис, А. А. Брей, А. Воеводи, Н. А. Еленев, Б. К. Семенов, и др.* Иллюстрации: *Борис Григорьев, Вл. Курицын, В. Клементьев, Побережскій, Иван Пути, Р. Пикельный* и др.

Адрес редакци и конторы: Tchécoslovaquie, Praha II, Jungmannovo ul. 36.

Генеральное представительство «Пламя», Tchécoslovaquie, Praha II, Ječná, ul., čís. 32.

ЕСТЬ ЛИ У ВАС СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ?
ПОЧЕМУ В ТАКОМ СЛУЧАЕ ВЫ НЕ ЗАРАБАТЫВАЕТЕ ДЕНЕГ?

FAVORIT

местного производства аппарат для вязания обеспечит Вам *гарантированный* ежедневный заработок от 35 кч. до 45 кч. в течение целого года. Этот *единственный шведский* местного производства аппарат для вязания работает быстрее, чем какой бы то ни было иной и стоит только 1750 кч. наличными.

Требуйте проспекты у фирмы:

Výroba v domácnosti pleteného zboží

FAVORIT ПРАГА II., VODIČKOVA 18/I.
S. S. R. O.

ВЫШЕЛ В СВЕТ № 4 ЛИТЕРАТУРНОГО СБОРНИКА

Э О С

Изд. под редакцией Л. В. Гончарова. Чистый доход от этого издания предназначен в пользу русских зарубежных инвалидов.

Русские отклики из Софии, Самокова, Перника, Шипки и Месемврии (Болгария); Белграда, Сараева, Мали-Торака (Сербия), Моравской Требовы (Чехословакия), Гуры-Кальварии (Польша), Оденса (Дания), Туниса, Бизерты, Сфаята (Африка) и форта Брагг (Америка), Харькова и Туркестана (Россия).

С о д е р ж а н и е: От редакции, Е. Простов — «Орлу», Анатолий Бинецкий — «В шахтах», Ксения Керизи — «В Америке» (повесть), Г. — «Харьковские судейцы и большевики» (воспоминания), В. П. — «Домик Андерсена», Гамаюн — «Нечто о Месемврии», Литературно-житейские разговоры (Наши-контрапацифисты. — О г. Амфитеатрове и А. Стоянове. — Книжки пр. Олара и «Воли России», поэзия и проза Илии Британа. — Дети в Совдепии и др.) и Стихотворения А. Бинецкого, Юрия Мценского, Елены Яркоовой, Ирины Кнорринг, Ксении Керизи, Алексея Величковского, Георгия Алексеева, А. Стоянова, В. Лебедева, В. Сокольского и Н. Дольский. Призыв группы русских писателей о помощи русским инвалидам.

(160 стр. преимущ. убористого шрифта).

Адрес конторы и редакции: Болгария, гор. Самоков, ред. «Эос».

Цена в Болгарии — 70 левов, Заграницей — 60 амер. центов (с пересылкой).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1926 год

„НОВЫЙ МИР“ „NUEVO MUNDO“

Единственная русская газета в Южной Америке 14-ый год издания. Прогрессивная, общественная, литературная газета. Имеет собственных корреспондентов во всех главных центрах Европы, России и Америки. Газета дает богатую информацию по всем вопросам.

Условия подписки:

Заграницу — в год — 5 долларов. На 6 месяцев — 3 доллара.

Прием подписки и объявлений:

Republica Argentina, Buenos-Aires, Boyaca 619.

Издательство „ПЛАМЯ“

Новинки

М. А. ЦИММЕРМАН. — *Вмешательство и признание в Международном праве*, 246 стр. формата 17,5 × 25 см. Цена кч. 70.—
2 дол.

С о д е р ж а н и е: Учение о вмешательстве в доктрине Международного права. Естественно-правовая доктрина о вмешательстве. Теория вмешательства у позитивной школы. Правно-политическая теория вмешательства. Исторические прецеденты и вмешательство. Священный Союз и вмешательство. Доктрина Монрое и вмешательство. Национальная революция и вмешательство. Вмешательство в эпоху мировой войны. Правно-политическое учение о вмешательстве. Учение о признании в международно-правовой доктрине. Признание в теории естественно-правовой школы. Признание в учении позитивной школы. Юридическая структура признания. Признание и его виды в действующем праве. Признание госудрств субъектами международного права. Формы и виды признания в действующем праве. Признание восставших, воюющих и наций субъектами международного права. Правно-политическое значение признания правительств в международном праве.

ШМИДТ-ОЧАКОВСКИЙ, Е. — *Лейтенант Шмидт (Красный адмирал)*. Воспоминания сына. Стр. 298. Формата 175 × 25 см.
Цена кч. 52.50 дол. 1.50.

Автор является очевидцем севастопольских событий 1905 года. Во время обстрела крейсера «Очаков» он находился вместе со своим отцом и пережил с ним весь первый период заключения на корабле и в каземате Очаковской крепости. Описанию событий и участия в них лейтенанта П. П. Шмидта автор предпосылает краткую биографию своего отца и дает художественную характеристику его обаятельной личности.

Praha II., Ječná 32 Tchécoslovaquie

Издательство „ПЛАМЯ“

ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ

КОЧАРОВСКИЙ, К. — *Социальный строй России.*

С о д е р ж а н и е: I. Задачи работы. — II. Исторические пред-
указания. — III. Город, индустрия и капитал. — IV. Буржу-
азия. — V. Пролетариат. — VI. Трудовая интеллигенция. —
VII. Помещики. — VIII. Социально-экономическая структура
крестьянства. — IX. Общинно-кооперативная организация. —
X. Социально-культурная самодеятельность крестьянства. —
XI. Социальное сложение новой России. — XII. Общие по-
ложения.

«ЗОДЧИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ», сборник статей ко «Дню
Русской Культуры» в 1926 г.

С о д е р ж а н и е: *Е. Шмурло:* Что такое день русской
культуры. — *С. Завадский:* Заветы Пушкина. — *А. Кизевет-
тер:* Ключевский. — *А. Фатеев:* Сперанский. — *В. Розенберг:*
Салтыков-Щедрин. — *В. Зеньковский:* Ушинский. — *И. Лан-
шин:* Римский-Корсаков. — *Е. Шмурло:* Андрей Рублев. —
М. Новиков: Академик Павлов. — *Н. Подтягин:* Лобачевский.
— *Эйхенвальд:* Лебедев.

СОКОЛОВ, БОРИС. — *О тех, кто пишет.*

(Чешские силуэты) *Эдвард Бенеш,* Франтишек Билек. —
Отакар Вржезина. *Томаш Гаррик Масарик.* — *Ян Штурза.* —
Обложка и рисунки худ. *Вацлава Шпалы.*

ПЕКАРЖ, И. — *История чешкословенского народа.*

Для старших классов средних школ. С приложением двух
карт. Настоящее издание переработано и доведено автором до
начала 1926 г.

ЯКУБЕЦ, Я. — *История чешской литературы.*
(с древнейших времен до 60-х годов XIX века).

НОВАК, А. — *Современная чешская литература.*
(от 60-х годов XIX века до начала 1926 года).

Praha II., Ječná 32 Tchécoslovaquie

Вышла и поступила в продажу *Вторая Книга Журнала Русской Литературной Культуры*

„БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ“

под редакцией Кн. Д. А. Шаховского. Под руководством Г. Соколова.

Содержание: Пoesия: Нскзданная глава из «Рустем и Забор» — Жуковское. Отрывок из повести Давида Кнута. «Соррентинские фотографии» — Владислава Ходасевича. Стихотворения: Марины Цветаевой и Шаховского. Проза: Праздничная легенда — Елчмеева. «Тыпа». — рассказ О. Эфрона «Страды Богородицы» — Алексея Ремизова. «Москва» — повесть Д. Соболева. Статья: «О консервативном диалоге» — Д. Святотополь-Мирского. «Поэт о критике» — Марины Цветаевой, «Слово и звук» — Н. Набокова. Архив: Письма и материалы — Гоголя, Жуковского, Ростопчиной, Иванцова, Матвея Гиблиографа.

Цена книги один доллар.

Главный склад издания, Редакция и Контора журнала: 527, Av. Louise Bruxelles (Belgique).

Четвертый год издания.

Четвертый год издания.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

„ЗВЕНО“

еженедельный журнал литературы и искусства, выходящий в Париже под ред. М. М. Винавера и П. Н. Милукова.

Подписная цена вне Франции: 1 мес. — 3 фр., 3 мес. — 8 фр., полгода — 15 фр., на год — 28 фр.

Адрес конторы: 26, rue Buffault, Paris (9-е).

Пробные номера бесплатно.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ.

„ПЕРЕЗВОНЫ“

„PEREZVONY“

Редакция и контора:

Riga (Lettonie) — L. Kaleju iela, 43. Тел. 20—76, 34—48 и 83—40.

Генеральные пред-ва:

В Чехословакии: Изд. «ПЛАМЯ» (Praha II., Ječná, 32).

В Польше: Изд. «ДОБРО» (Warszawa, Hoza 45—8).

В Болгарии: книжн. торговля Н. Алексева (София, Б. Тырново, 17).

В Вене: А. В. Мухив (Wien, Petersplatz, 9).

Цена отд. номера в 32 стран.:

В Латвии — 80 савт. (40 р.).

В Чехословакии — 8½ к. ч.

В Германии — 80 пфен.

За границей — 20 ам. цент.

Сотрудники: М. А. Алданов, К. Д. Бальмонт, И. А. Бунин, Ю. Галич, О. Далматова, А. Даманская, Дон-Аминадо, Бор. Зайцев (ред. литерат. отдела), А. И. Куприн, Вл. Лодыженский, Ив. Лукаш, С. Минцлов, проф. Н. И. Мишеев, Мих. Осоргин, А. М. Ремизов, Н. А. Таффи, А. Черный, Евг. Ник. Чириков, Марина Цветаева, И. Шмелев, Сем. Юшкевич. Художники: акад. Н. П. Богданов-Бельский, акад. С. А. Виноградов, Ю. Г. Рыковский и др. О б л о ж к а — работы М. Добужинского.

Постоянные отделы: Детский уголок. По белу свету. Искусство. Из области науки, открытий и изобретений. Русская книга.

В каждом номере репродукции картин известных русских и иностранных художников. — Из них 2 в красках.

1011-51-335 / 4302

543

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ

1926
N 5

Центральный орган партии социал.-революц.

Вышел № 47 (март-апрель 1926 г.).

Содержание: Передовая: Перерождение компартии. — Госпромшленность, сельхозналог и выколачивание недоимок. *Гр. Шрейдера.* — Вопросы программы и тактики: К теории государственного социализма или госуд. капитализма. *В. Чернова.* — Рабочая жизнь: Промышленность и рабочие. *В. Архангельского.* — Письмо из Москвы. *Ворчуна.* — Деревня: Немного политграммы. 1. Крестьянство и организация власти. 2. Крестьянство и свобода. 3. Крестьянство и красная армия *Грилича.* — Заграницей: В собственных сетях (кризис Лиги Наций). *Обозревателя.* — Политика француз. социализма. *Е. Сталинского.* — Идеология фашизма. *Евг. Шрейдера.* — По России: Письмо с дороги. *Путника.* — О конфликте на К. Ц. *ж. д. Сергея Львова.* — Письмо из Тавриза. *Кеопна.*

Адр.: ред. S. Postnikov, red. Volja Rossii, Uhelný trh 1, Praha I.

Цена 6 ч. кр.

БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

V Г. ИЗД.

„ДНИ“

V Г. ИЗД.

Выходит ежедневно, кроме послепраздничных дней в Париже.

Специальные срочные сообщения из России.	Полная информация о политической жизни заграницей.	Рабочее и социалистическое движение в Европе.
--	--	---

Собственные корреспонденты в крупнейших центрах Европы, Америки и странах ближнего и дальнего Востока.

Хозяйственная жизнь России. — Искусство, театр и музыка в Европе и России.

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ: Большой культурно-литературный отдел.

ПО СРЕДАМ И СУББОТАМ: Особый отдел: «РУССКИЙ ТРУД ЗАГРАНИЦЕЙ», посвященный защите экономических и культурных интересов русских трудящихся заграницей.

Открыта подписка на 1926 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Париж — 11, rue Etienne Marcel prolongée, Paris III (chèque postal № 80, 446. Прага — Panská ul. 16 (почт. счет 26,998; банк: Pražská Úvěrní banka, Banka stav. živn. a průmyslu). Берлин — Berlin SW. 68, Lindenstr. 3 (Postscheck-Konto, Berlin 52,698; банк: Disconto-Gesellschaft, Dep. Kasse, Lindenstr. 3). Белград — Filiálka Pražské Úvěrní banky. София — Filiálka Pražské Úvěrní banky.

Объявления принимаются в Гл. Конторе и ее отделениях, и у генерального представителя О-ва «Le Flambeau» 34, Bd. des Italiens, Paris.